

Вопросы ЭКОНОМИКИTM

www.vopreco.ru

В НОМЕРЕ :

Плюсы и минусы девальвации рубля
в 2014—2015 годах

Структурные факторы замедления
роста российской экономики

Миф о «культурном коде»
в экономических исследованиях

12

2 0 1 5

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В. Миронов — Российская девальвация 2014–2015 гг.: падение в пропасть или окно возможностей?	5
М. Ершов — Возможности роста в условиях валютных провалов в России и финансовых пузырей в мире	32
С. Андрюшин — Аргументы в пользу управления обменным курсом рубля...	51
Н. Орлова, С. Егиев — Структурные факторы замедления роста российской экономики	69

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

В. Тамбовцев — Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях	85
Г. Клейнер — Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (<i>Часть 1</i>)	107
А. Раквишвили — Нейробиология и новые возможности экспериментальной экономики	124

ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

Н. Розинская, И. Розинский — Национальный проект «Доверие»	138
Б. Фрумкин — Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций»	147

Содержание журнала «Вопросы экономики» за 2015 год	154
Льготная подписка на журнал «Вопросы экономики»	160

	ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ В СУДАХ: недвижимость, корпоративные споры, интеллектуальные права, банкротство, структурирование сделок с активами WWW.DICEROS.RU
---	--

CONTENTS

MACROECONOMIC POLICY

V. Mironov — Russian Devaluation in 2014–2015: Falling into the Abyss or Window of Opportunities?	5
M. Ershov — The Opportunities of Growth in the Environment of Currency Collapses in Russia and Financial Bubbles in the World	32
S. Andryushin — Arguments for the Ruble Exchange Rate Management	51
N. Orlova, S. Egiev — Structural Factors of Russian Economic Slowdown	69

ISSUES OF THEORY

V. Tambovtsev — The Myth of the “Culture Code” in Economic Research	85
G. Kleiner — Sustainability of Russian Economy in the Mirror of the System Economic Theory (<i>Part 1</i>)	107
A. Rakviashvili — Neurobiology and New Opportunities for Experimental Economics	124

NOTES AND LETTERS

N. Rozinskaya, I. Rozinskiy — Trust: A National Project	138
B. Frumkin — Russian Agricultural Sector in the “War of Sanctions”	147

List of Articles Published in “Voprosy Ekonomiki” in 2015	154
---	-----

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В. Миронов

Российская девальвация 2014—2015 гг.: падение в пропасть или окно возможностей?*

Падение цен на нефть, вызывая сокращение внутреннего спроса, временно резко снижает валютный курс рубля, что способствует росту ценовой конкурентоспособности российских производителей, стимулирует предложение (особенно на внешних рынках, где нет рецессии) и позволяет в той или иной степени компенсировать падение внутреннего спроса за счет роста чистого экспорта. Однако проведенный в статье анализ показывает, что в целом для российской экономики в ее нынешнем состоянии, с учетом всех структурных проблем, произошедшая девальвация рубля может привести к более тяжелой рецессии, чем (судя по усредненным консенсусным оценкам) ожидали в своих прогнозах по состоянию на конец сентября 2015 г. большинство экспертов.

Ключевые слова: девальвация, реальный курс валюты, ресурсное проклатие, условие Маршалла—Лернера, экономическая политика, Россия.

JEL: E29, E39, E52, E65.

Российский валютный шок год спустя: общий баланс краткосрочных последствий

Произошедшая в 2014—2015 гг. на фоне падения цен на нефть и введения финансовых санкций девальвация российского рубля¹ оказывает противоречивое воздействие на ситуацию в российской экономике. С одной стороны, из-за снижения притока валюты и роста инфляции сокращается совокупный спрос в экономике. Кроме того, как бывает почти всегда при шоковой девальвации, резко обостряются

Миронов Валерий Викторович (vmironov@hse.ru), к. э. н., замдиректора Института «Центр развития» НИУ ВШЭ (Москва).

* Работа подготовлена в рамках проектов Фонда фундаментальных исследований НИУ ВШЭ за 2015 г. В расчетах и подготовке обзора литературы принимали участие В. Канофьев (Пенсильванский университет, Филадельфия, США) и А. Немчик (Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ).

¹ Далее под термином «девальвация» мы будем понимать как собственно девальвацию, связанную с резким падением номинального курса национальной валюты при переходе от фиксированного режима валютного курса к плавающему, так и ее обесценение из-за снижения номинального курса валюты в условиях режима свободного плавания.

финансовые проблемы, в частности дорожают (в рублевом выражении) выплаты по внешним долгам. С другой стороны, в торгуемом сегменте экономики под влиянием обесценения рубля снижаются (в валютном выражении относительно торговых партнеров) цены и издержки, что ведет к повышению конкурентоспособности отечественных товаров, а значит — к потенциальному росту доли экспорта в выпуске и к снижению доли импорта во внутреннем спросе.

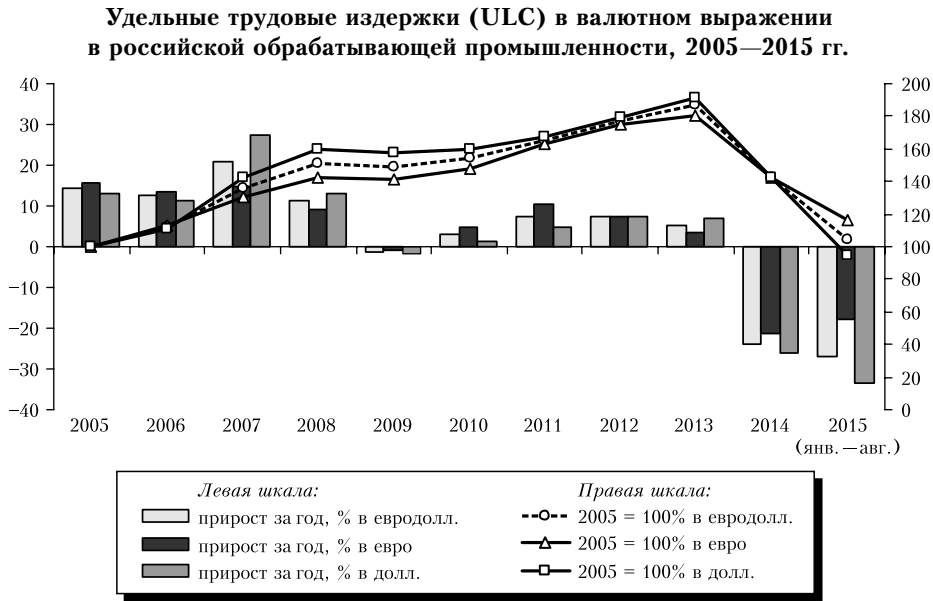
Пока конечный баланс для экономики — минусы, связанные с падением цен на нефть, и плюсы от роста конкурентоспособности — не ясен. Так, при снижении по итогам января—августа 2015 г. розничного товарооборота на 8,2% относительно соответствующего периода 2014 г., а инвестиций — на 6,0% объемы промышленного производства и ВВП упали на 3,2 и 3,5% соответственно. При этом снижение реального курса рубля создает лишь возможности для роста производства в будущем, но требует много времени и усилий для перестройки моделей ведения бизнеса, территориальной и отраслевой конфигурации производства, выхода на внешние рынки с новой продукцией.

В целом за январь—август 2015 г. реальный эффективный курс рубля, по данным Банка России, снизился относительно того же периода 2014 г. на 18,6% (рис. 1), а удельные трудовые издержки в валютном выражении по промышленности в целом, по нашим оценкам, за первую половину года упали примерно на 27% и в обрабатывающей промышленности — на 26% (рис. 2). В отраслях промышленности, где, несмотря на общую рецессию, продолжается рост выпуска (химическая, пищевая, производство нефтепродуктов, добыча полезных ископаемых, исключая топливно-энергетические), удельные трудовые издержки снизились еще сильнее, то есть их сокращение может выступать фактором, стимулирующим рост.

Источники: Bank for International Settlements; расчеты автора.

Рис. 1

Источники: Росстат; Банк России; расчеты автора.

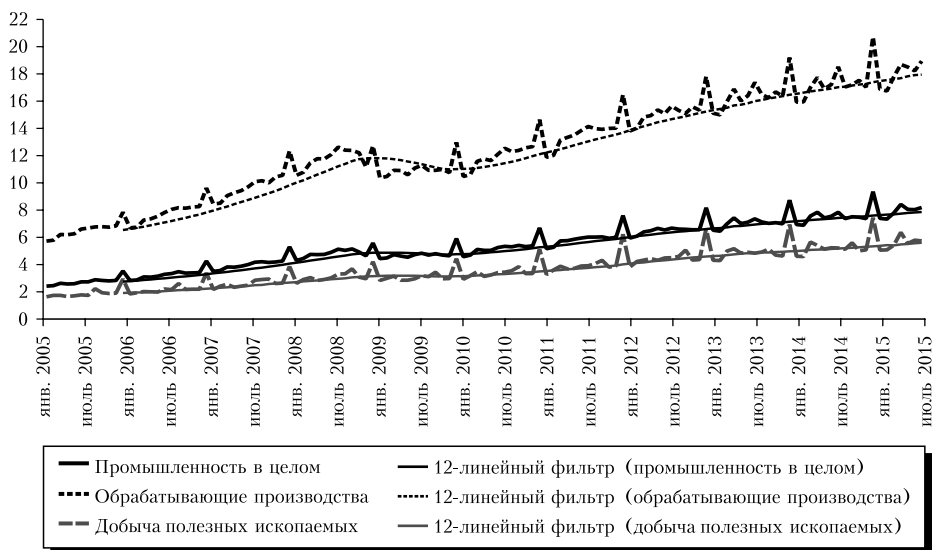
Рис. 2

Основные индикаторы конкурентоспособности российской экономики — реальный курс рубля и удельные трудовые издержки — возвратились к уровню 2004–2005 гг. (см. рис. 1–2), когда бурный рост цен на нефть, с одной стороны, стимулировал рост спроса, а с другой — снижал международную конкурентоспособность экономики. Последнее проявлялось в укреплении реального эффективного курса рубля в среднем на 5% в год в период 2004–2013 гг. (что эквивалентно росту относительных цен на российские товары в валютном выражении на такую же величину). Рост цен на нефть (при наличии структурного дефицита кадров в силу их низкой мобильности) также способствовал опережающему росту заработной платы по сравнению с динамикой производительности труда и увеличению доли фонда оплаты труда в выручке обрабатывающей промышленности с примерно 6% в 2006 г. до 16–17% в настоящее время (рис. 3).

Поскольку в данный момент в большинстве стран — торговых партнеров России отсутствуют положительный разрыв выпуска и перегрев экономики, произошедшую девальвацию рубля можно рассматривать как своего рода «валютную войну», то есть способ стихийно перераспределять спрос в пользу страны, проводящей девальвацию. Ее можно считать и средством лечения «голландской болезни», наличие которой в российской экономике показано в ряде работ (см.: Dülger et al., 2013; Tabata, 2013; Egert, 2012; Algieri, 2011), хотя раньше это в основном отрицалось.

При этом все события, связанные с валютным шоком, происходят в России на фоне рецессии, которая имеет свои особенности. С одной стороны, ее причиной стало замедление темпов экономического роста, начиная с 2011 г., вызванного, по всей видимости, структурными дис-

Доля фонда оплаты труда в стоимости отгруженной продукции (в %)

Источники: Росстат; Банк России; расчеты автора.

Рис. 3

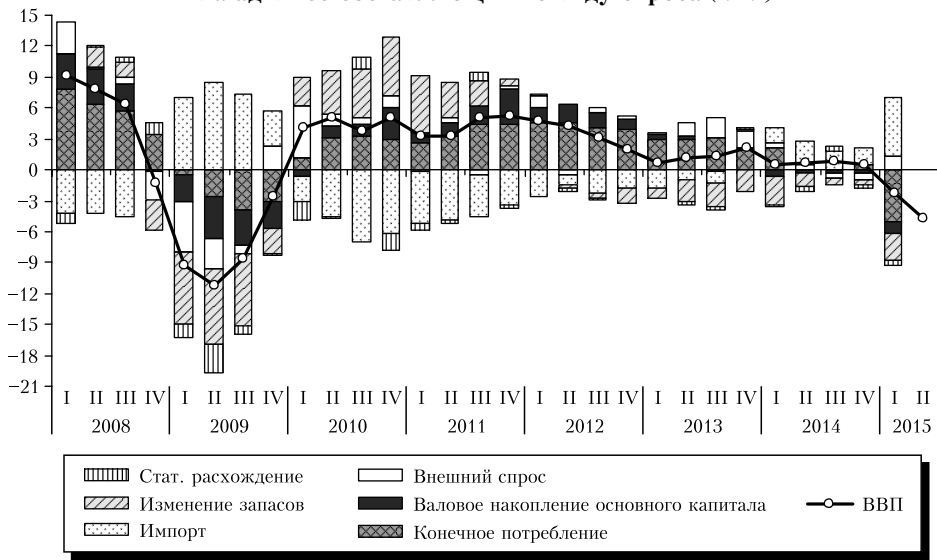
балансами, а с другой — в отличие от кризисов 1998 и 2008–2009 гг. это рецессия не запасов, а в значительной мере — спроса (рис. 4), что потенциально (при прочих равных условиях) может облегчать ее течение, но замедлять выход из нее². На фоне слабой инвестиционной активности и вялого спроса домохозяйств именно девальвация при выполнении ряда условий на микро- и макроуровне, как считается, может стать фактором быстрого ускорения экономического роста в России за счет увеличения вклада чистого экспорта в ВВП.

Эти ожидания имеют свои резоны. Попытки использовать девальвацию как краткосрочный стимул экономического ускорения не противоречат мировому опыту. Согласно ему, для краткосрочного ускорения имеется весьма ограниченный перечень стандартных мер, связанных с воздействием на психологию и ожидания экономических агентов, с устранением «провалов государства» (с дебюрократизацией экономики³), а иногда и с девальвацией национальной валюты, что дает национальным производителям шанс нарастить выпуск. Это особенно важно для экономики сырьевого типа, где институты, как правило, слабые, а уровень коррупции высокий, и традиционная селективная

² В ходе предыдущих российских кризисов около $\frac{3}{4}$ совокупного падения ВВП было связано не с сокращением спроса как такового, а с распродажей созданных ранее избыточных товарных запасов. Например, уровень запасов готовой продукции в начале 2009 г., судя по данным опросов Росстата, обрабатываемых ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, большинство опрошенных оценивали как избыточный. Сейчас ситуация, судя по тем же опросам, прямо противоположная. Этот факт, при прочих равных условиях, может говорить о потенциально менее глубокой рецессии сейчас, чем в предшествующие два кризиса. Впрочем, здесь есть и обратная сторона: возможное отсутствие отрицательного «акселератора запасов» может отменить и традиционно высокие для России темпы посткризисного восстановления (рецессию в форме латинской буквы V).

³ См. об этом, например: Rodrik, 2005.

**Динамика ВВП (в % к соответствующему кварталу предыдущего года)
и вклад в нее составляющих по виду спроса (п. п.)**

Источники: Росстат; расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 4

промышленная политика малоэффективна. При этом девальвация воздействует на экономических агентов не селективно.

Оптимизм экспертов, ожидающих быстрого восстановления российской экономики, основан и на том, что, в отличие от кризисов 1998 и 2008–2009 гг., последняя девальвация рубля в России проходила в два раунда (конец 2014 и лето 2015 г.), а негативные последствия растянутой во времени девальвации обычно несколько смягчаются, так как адаптация к валютному шоку идет постепенно⁴. Кроме того, преддевальвационная слабость экономики обычно усиливает положительный отклик выпуска на девальвацию, однако слабость финансового сектора (что также актуально для сегодняшней российской экономики, особенно с учетом санкций) резко ослабляет этот отклик (IMF, 2015. Ch. 3).

Возникает вопрос: как текущая нестабильная ситуация на нефтяном и валютном рынках скажется на состоянии российской экономики? Выступят ли снижение реального курса рубля и сокращение удельных трудовых издержек такими сильными стимулами для роста производства, что смогут компенсировать сжатие спроса и будут способствовать быстрому выходу из рецессии? Как преодолеть отставание в развитии затронутых «голландской болезнью» торгуемых секторов (промышленности и сельского хозяйства); есть ли у них потенциал быстро наращивать выпуск? За счет чего это можно осуществить: путем

⁴ В работе М. Буссиере и др., обобщающей опыт девальваций в более чем 100 странах в период с 1960 по 2006 г., было показано, что потери выпуска от преддевальвационного замедления в форме отклонения от тренда составляют в среднесрочном периоде от 5 до 7% ВВП для случая одномоментной и около 6,3% — для двухшаговой девальвации национальной валюты (Bussière et al., 2012).

классического роста чистого экспорта за счет увеличения несырьевого экспорта и импортозамещения или, учитывая сырьевой характер российского экспорта, слабо эластичного по цене, выход из рецессии на фоне валютного шока будет специфическим и растянутым во времени? Какой должна быть при этом макроэкономическая политика?

Анализ влияния девальвации на макропоказатели и выпуск: обзор литературы

Литературу, посвященную анализу влияния девальвации национальной валюты на выпуск и другие макроэкономические показатели, на наш взгляд, надо рассматривать отдельно от источников (гораздо менее многочисленных), посвященных анализу влияния на экономический рост заниженного или приведенного к равновесию (после периода переукрепления) валютного курса⁵. В последней группе работ в качестве индикатора заниженности курса национальной валюты используют своеобразный показатель, комбинирующий его уровень относительно и паритета покупательной способности (ППС), и среднедушевого ВВП развитых стран⁶. Если этот индикатор находится в отрицательной области, это не говорит однозначно, что наблюдается шоковое падение валютного курса, то есть девальвация, влияние которой на экономику мы и рассматриваем в данной статье.

Несмотря на то что девальвацию часто рассматривают как стимул экономического роста, в научной литературе отношение к ней уже давно более скептическое, и позитивный эффект чаще относят к случаям девальвации в развитых странах (см.: Gylfason, Schmid, 1983). Своего рода «девальвационный пессимизм» впервые отмечен в классической работе Р. Купера, где на основе преимущественно дескриптивного анализа, свойственного работам того времени в данной области, рассматривается влияние девальвации на агрегированный спрос (внешнеторговый баланс, расходы бюджета, чистые налоговые поступления), а также на предложение денег в экономике (Cooper, 1969). Автор показывает, что хотя обычно девальвация положительно влияет на экономическую активность, однако в проанализированной им группе из 19 стран, переживших 24 девальвации в 1959–1966 гг., краткосрочный (годовой) эффект девальвации имел преимущественно ограничительный характер.

⁵ Как показывают исследования, проведенные на большой панели стран, снижение переукрепленного курса национальной валюты (не обязательно шоковое) до уровня ниже равновесного в развивающихся странах в конечном счете приводит к ускорению экономического роста, но не столько за счет быстрого наращивания экспорта и сокращения импорта, как можно было бы ожидать по аналогии с девальвацией и валютным шоком, сколько благодаря росту сбережений, депозитов в национальной банковской системе и инвестиций, а также снижению безработицы (см.: Gluzmann et al., 2012; Levy-Yeyati, Sturzenegger, 2007). При этом важно, как подчеркивают авторы, чтобы из-за внутренних проблем страны (плохой инвестиционный климат, политическая нестабильность и проч.) выросшие сбережения не ушли за границу в виде оттока капитала и приобретения иностранных активов, как, например, в Аргентине в середине 1960-х годов.

⁶ Такого рода индикатор ранее использовал Д. Родрик (Rodrik, 2008).

С. Камин, анализируя данные по 43 странам за 1953–1983 гг., удлиняет горизонт анализа, рассматривая трехлетний период до и после года девальвации (Kamin, 1988). При этом он отмечает, что резкое замедление темпов роста ВВП (на 2 п. п.) начинается за год до девальвации и сохраняется в год, когда она произошла. Далее в течение трех лет темпы роста примерно на 1 п. п. выше, чем в год девальвации, но полной компенсации падения ВВП в этот период не происходит. В данной работе, видимо впервые, был зафиксирован факт преддевальвационного замедления выпуска (см. также: Bussière et al., 2012).

В работе Г. Кальво и К. Рейнхарт на основе дескриптивного анализа примерно 100 девальваций в период 1970–1990-х годов был сделан вывод, что в развивающихся странах в первый год после девальвации темпы роста ВВП снижаются в среднем примерно на 2 п. п. относительно преддевальвационного уровня, а во второй год фактически не увеличиваются (Calvo, Reinhart, 2000). В ряде других работ также показано, что довольно часто девальвация не служит эффективным методом увеличения выпуска в кратко- и среднесрочном периоде, особенно для стран с низким уровнем развития (Krugman, Taylor, 1978; Sheehey, 1986; Mustafa, 2000; Frankel, 2005).

В частности, в работе П. Кругмана и Л. Тейлора это объясняется следующим образом. С одной стороны, в принципе правительства любой страны имеют теоретически обоснованную возможность использовать меры фискальной и монетарной политики для борьбы с сокращением агрегированного спроса, вызванным девальвацией, и избежать рецессии, но, с другой стороны, правительства менее развитых стран недостаточно гибкие и менее подготовлены для таких действий (Krugman, Taylor, 1978).

Кальво и Рейнхарт отмечают следующие типичные для развивающихся стран проблемы, связанные с девальвацией и негативно влияющие на перспективы их восстановления после валютного шока (Calvo, Reinhart, 2000):

- резкая остановка (*sudden stop*), когда одномоментное прекращение доступа к международному финансовому рынку негативно влияет на экономику;

- изменение доступа к международному рынку капитала (снижение кредитного рейтинга страны), при этом проблема низкой кредитоспособности часто становится хронической;

- высокая волатильность реального обменного курса, что негативно сказывается на внешней торговле в индустриальных странах;

- девальвация валюты развивающейся страны часто провоцирует взрывной рост инфляции и череду повторных девальваций.

Ограничительный эффект девальвации для развивающихся стран может быть связан с удорожанием импорта оборудования после девальвации. Так, в работе Р. Блекера и А. Разми показано, что девальвация валюты развивающейся страны относительно валют промышленно развитых стран в краткосрочном плане носит ограничительный характер с точки зрения выпуска, а относительно валют других развивающихся стран имеет экспансионистский характер (Bleckner, Razmi, 2007). Удорожанием импортируемого оборудования может быть вызван огра-

ничительный эффект девальвации в странах — экспортерах продукции обрабатывающей промышленности, но положительный — в странах — экспортерах продукции сельского хозяйства (Nunnenkamp, Schweickert, 1990).

В работе Л. Домака, посвященной анализу периода валютной нестабильности и девальваций в Турции с 1960 по 1970 г., впервые выделены четыре укрупненных эмпирических подхода к анализу влияния девальвации на выпуск: на основе использования контрольной группы (позволяющий отделить влияние девальвации на выпуск от влияния других факторов); «до и после»; макромодельный симуляционный; эконометрический (Domas, 1997). Автор иллюстрирует разнообразие эмпирических подходов к анализу выбранной им проблемы описанием 22 работ, среди которых на применении эконометрических методов было построено лишь шесть исследований.

В XXI в. внимание исследователей к анализу влияния девальвации на выпуск не ослабло, а спектр используемого инструментария расширился. Авторы часто пытаются на основе современных эконометрических техник оценить не только кратко- и среднесрочное, но и долгосрочное влияние девальвации на выпуск, однако, как и ранее, результаты получены противоречивые. Для стран с низким уровнем развития за период 1970—1990 гг. было выявлено нейтральное влияние номинальной девальвации на выпуск и в краткосрочном, и в долгосрочном плане (Bahmani-Oskooee, 1998), что для азиатских экономик⁷ было подтверждено в ряде работ (см.: Upadhyaya, 1999; Upadhyaya, Upadhyay, 1999; Chou, Chao, 2001). При этом К. Упадхайа для Пакистана и Таиланда выявил даже рестриктивное влияние девальвации на выпуск, которое для панели из 11 азиатских экономик за период 1968—1999 гг. было зафиксировано и Д. Христопоулосом (Christopoulos, 2004). Позднее было показано, что в долгосрочном плане девальвация сдерживает экономический рост в Индонезии и Малайзии, стимулирует его на Филиппинах и в Таиланде, а выпуск в Корее нейтрален к динамике курса (Bahmani-Oskooee et al., 2002). В качестве общего вывода можно отметить противоречивость близких по времени оценок по одним и тем же странам, что показывает чувствительность результата к используемому инструментарии и говорит о важности учета этого факта при дальнейшем исследовании влияния девальвации на выпуск в целом.

Другой вывод, возникающий при анализе работ последних лет, — зависимость результата от особенностей страны. В работе П. Гупты и др. описывается изменение выпуска в условиях девальвации в 195 случаях в развивающихся странах за период с 1970 по 2000 г. (Gupta et al., 2007). Авторы показывают, что в 60% случаев валютные кризисы сдерживали динамику выпуска, а в остальных 40% девальвация повлияла на выпуск положительно. Х. Калуонку и др. на основе модели зависимости между реальным выпуском и реальным курсом, ранее предложенной в работе Христопоулоса (Christopoulos, 2004), и методов коинтеграции исследуют долгосрочное влияние девальвации национальной валюты на выпуск в 23 странах ОЭСР в 1985—2005 гг.

⁷ Индия, Шри Ланка, Малайзия и Филиппины.

на квартальных данных (Kalyoncu et al., 2008). Сделан вывод о выраженном долгосрочном влиянии девальвации на выпуск в девяти случаях, при этом в шести оно отрицательное, а в трех — положительное. Столь же разные результаты получены при анализе девальвации в 22 африканских странах на годовых данных за 1971–2009 гг. (Bahmani-Oskooee, Gelan, 2013).

Как показано в литературе, стимулирующий аспект влияния девальвации на экономику основан, в частности, на наличии высокой эластичности экспорта и импорта по изменению курса и на проведении властями девальвирующей страны макроэкономической политики, обеспечивающей устойчивость реальной девальвации, то есть имеющей антиинфляционную направленность. При несоблюдении этих двух условий девальвация с точки зрения динамики выпуска будет иметь в лучшем случае ограничительный, а в худшем — разрушительный характер. Тогда объем ВВП до исчерпания ценового стимулирующего эффекта девальвации либо просто восстановится до докризисного уровня (а кризис, как правило, сопровождает девальвацию), либо останется ниже его.

В целом эмпирические исследования последствий валютных шоков и девальваций на данных 1969–2015 гг. свидетельствуют о том, что в краткосрочном плане они часто оказывают ограничительное влияние на экономический рост. Помимо прочего, это может быть вызвано тем, что девальвация, как правило, приводит к финансовому кризису, проявляющемуся в снижении кредитных рейтингов. Кроме того, она повышает неопределенность и снижает инвестиционную активность из-за, в частности, примерно двукратного увеличения в первый год после девальвации вероятности смены руководителей ключевых финансово-экономических ведомств, а также возможности резкого изменения политического курса страны (см.: Cooper, 1969; Frankel, 2005; Levy-Yeyati, Sturzenegger, 2007).

При этом, как показывает анализ литературы, теоретические аргументы в пользу негативного влияния девальвации на экономический рост связаны, во-первых, с эффектом перераспределения доходов от экономических агентов с высокой склонностью к потреблению к агентам с низкой склонностью, что ведет к снижению совокупного спроса и выпуска (см., например: Diaz-Alejandro, 1963); во-вторых, с эффектом опережающей инфляции, когда номинальная девальвация может вести к снижению совокупного спроса из-за неконтролируемого роста цен (Frankel, 2005); в-третьих, с низкой эластичностью экспорта и импорта по цене, когда торговый баланс, выраженный в национальной валюте, может снижаться, вызывая рецессию (Бланк и др., 2006; Kalyoncu et al., 2008). В последнем случае у властей страны, где вероятна девальвация национальной валюты, могут возникать пессимизм относительно возможных последствий и стремление оттянуть ее наступление; в развивающихся странах этот пессимизм часто бывает оправдан.

В-четвертых, в дополнение к негативным эффектам со стороны спроса девальвация может негативно воздействовать и на предложение в силу удорожания импортных товаров промежуточного назначения, увеличения реальных процентных ставок и роста зара-

ботной платы из-за ускорения инфляции. На этот аспект обратили внимание, в частности, П. Кругман и Л. Тейлор. Они одними из первых исследовали условия, при которых девальвация не оказывает стимулирующего воздействия на ВВП (Krugman, Taylor, 1978).

Перераспределение доходов и низкая склонность к инвестированию как фактор негативного влияния девальвации на выпуск

Одним из теоретических аргументов в пользу негативного влияния девальвации на выпуск выступает перераспределение доходов от работников к владельцам факторов производства, то есть фактически от труда к капиталу. Учитывая, что у работников, как правило, более высокая склонность к потреблению, чем у владельцев вещественного капитала, девальвация может вести к снижению потребления и сокращению агрегированного спроса (Diaz-Alejandro, 1963; Bahmani-Oskooee, Najilee, 2014).

Анализ нынешнего кризиса и его сравнение с ситуацией 2008—2009 гг. показывают, что в 2015 г. такого перераспределения доходов в российской экономике в явном виде не происходит, поскольку доля затрат на заработную плату в выпуске не снижается. С этой точки зрения нынешний кризис значительно отличается от кризиса 2008—2009 гг. Тогда численность занятых в промышленности на пике снизилась почти на 10% год к году, что привело к заметному сокращению доли оплаты труда в выпуске, но сейчас такое снижение не превышает 2%.

Можно ли говорить, что резервы снижения численности занятых исчерпаны или что произошел возврат к обычной для многих стран ситуации, когда в ходе рецессии занятых сокращают в последнюю очередь? В любом случае, поскольку значительный вклад в снижение удельных трудовых издержек в валютном выражении вносит падение валютного курса рубля, предприятиям пока не приходится проводить «внутреннюю девальвацию», то есть массово увольнять работников и/или резко тормозить рост заработной платы в номинальном выражении относительно роста отгрузки. В отличие от 2009 г., когда доля фонда оплаты труда в общем объеме отгруженной продукции в промышленности стабилизировалась после многолетнего роста, а в обрабатывающей промышленности даже временно существенно сократилась, сейчас она по-прежнему медленно, но стабильно растет (см. рис. 3).

Отличительная черта текущей российской ситуации — заметный рост в 2015 г. балансовой прибыли экономики, что на фоне стабильной доли фонда оплаты труда в выпуске промышленных секторов выглядит парадоксально. Очевидно, свою роль могли сыграть валютная переоценка остатков на счетах экспортеров, а также двукратное снижение в 2015 г. в валютном выражении цен на электроэнергию и газ для промышленных потребителей, что сделало их самыми дешевыми в мире, по крайней мере среди крупных экономик. Согласно данным Росстата, в январе—июле 2015 г. наблюдался 40-процентный прирост

балансовой прибыли в промышленности в номинальном выражении относительно того же периода 2014 г. — с примерно 4170 млрд до 5730 млрд руб. В результате, по нашим расчетам, рентабельность отгрузки (соотношение балансовой прибыли и объема отгруженных товаров) повысилась до 13,3% в первом полугодии 2015 г. по сравнению с 9,7% в аналогичном периоде 2014 г. При этом на возможность сценария, основанного на восстановлении роста инвестиций за счет самофинансирования предприятий, казалось бы, указывает и то, что в начале 2015 г. на фоне девальвации рентабельность отгрузки в обрабатывающей промышленности приблизилась к уровню ставки по банковским кредитам (рис. 5).

Источники: CEIC Data; Российский экономический барометр (РЭБ); расчеты автора.

Рис. 5

Однако, несмотря на рост прибыли и рентабельности продаж, рост инвестиций не ускоряется. Наоборот, по нашим оценкам, во II квартале 2015 г. темпы падения инвестиций в крупных и средних компаниях увеличились относительно соответствующего периода 2014 г. примерно в пять раз: с 2 до почти 11%. В сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, где, казалось бы, есть надежда на импортозамещение, инвестиции во II квартале сократились более чем на 5 и 8% в реальном выражении (после положительного прироста в I квартале).

При этом склонность к инвестированию — соотношение номинального объема инвестиций и объема балансовой прибыли (см. табл.) — в большинстве секторов экономики резко упала: в первом полугодии 2015 г. в экономике в целом — с примерно 200% в 2013–2014 гг. до 50%, в добыче полезных ископаемых — с примерно 100 до 67%, в торговле — со 43 до 6% и т. д. Означает ли это, что прибыль, не направленная на инвестиции, аккумулируется в резервных фондах компаний? Не обязательно, так как она могла быть источником погашения (по крайней мере, частично) в текущем году внешних долгов российских компаний. По нашим расчетам, в 2015 г. цифры прироста номинальной балансовой прибыли за вычетом номинального прироста инвестиций

**Соотношение номинального объема инвестиций в основной капитал
и балансовой прибыли за период (в %)**

Отрасль	2003	2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
									I кв.	II кв.
Всего по экономике	150	117	183	151	152	163	207	229	62	41
Сельское хозяйство	-1261	366	559	421	441	376	694	274	74	59
Добыча полезных ископаемых	178	103	125	92	77	101	117	82	71	46
Обрабатывающие производства	98	57	117	76	75	81	126	229	39	25
химическое производство	189	96	194	79	66	77	149	1505	36	25
металлургия	38	32	108	50	65	73	106	98	13	10
производство машин и оборудования	152	162	151	155	133	128	179	492	169	100
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	59	92	141	67	70	89	100	87	88	31
производство транспортных средств и оборудования	120	-453	-104	748	133	155	215	-1574	127	71
Электро- и теплоэнергетика	261	389	311	221	843	579	919	719	86	99
Торговля	26	29	22	26	17	25	28	43	7	5
Транспорт и связь	221	226	375	325	405	360	421	996	153	90

Источники: Росстат; CEIC Data; расчеты автора.

в основной капитал близки к объемам погашения валютных долгов российских компаний (в соответствии с графиком платежей на сайте Банка России) в их текущем рублевом эквиваленте.

Ухудшение финансового состояния компаний из-за утяжеления бремени выплаты валютных долгов и снижения страновых кредитных рейтингов типично для постдевальвационного периода и негативно влияет на выпуск в краткосрочном периоде⁸. В отличие, например, от эффекта переноса девальвации в цены, его влияние на экономику девальвирующих стран в последние десятилетия не ослабло, а по-прежнему очень значимо (см.: Frankel, 2005). В России в 2015 г. постдевальвационный синдром «финансового голода» проявляется, в частности, в значительно более сильном сокращении объема валютной задолженности компаний реального сектора, чем в ходе девальвации 2008—2009 гг. Это можно объяснить как более резким падением валютного курса и ростом рисков на фоне перехода к свободному плаванию

⁸ Видимо, впервые, по нашему мнению, на это было указано в: Gylfason, Risager, 1984.

рубля, так и воздействием финансовых санкций, препятствующих рефинансированию долгов и вынуждающих компании использовать для этого собственные валютные резервы или займы Банка России.

Согласно данным Банка России, общая валютная задолженность российских компаний, банков и государства на начало июля 2015 г. (всего около 556,2 млрд долл.) по сравнению с ее пиком в начале июля 2014 г. сократилась почти на 177 млрд долл., в том числе в банковском секторе — на 60 млрд, а у предприятий нефинансового сектора экономики — на 89 млрд долл. В период между 1 апреля 2009 и 1 июля 2008 г. валютная задолженность сократилась на 89 млрд, 46 млрд и 34 млрд долл. соответственно. Таким образом, сейчас отток валютных ресурсов из экономики оказался почти на 90 млрд долл. больше, чем в ходе предыдущего валютного шока.

Угроза формирования девальвационно-инфляционной спирали и макроэкономическая политика после валютного кризиса

В экономической литературе влияние девальвации на рост ВВП, помимо описанного в предыдущем разделе эффекта перераспределения доходов между владельцами труда и капитала, анализируется с точки зрения ряда других микро- и макроэкономических последствий. При этом если на микроуровне влияние девальвации рассматривается на основе выполнения условия Маршалла—Лернера, то есть определенного соотношения эластичности экспорта и импорта по цене (о чем подробнее ниже), то на макроуровне — на основе выполнения двух других важных принципов экономической политики, которые требуют уделять особое внимание антиинфляционным мерам и мерам по повышению инвестиционной привлекательности экономики.

Выполнение этих принципов призвано удерживать инфляцию после девальвации на относительно низких (по сравнению с динамикой номинального валютного курса) уровнях в течение длительного времени, что делает реальную девальвацию устойчивой и эффективной, то есть достаточной для наращивания реальным сектором экспорта и импортозамещения (Катаранова, 2010). Кроме того, для поддержания положительного влияния девальвации на выпуск на макроуровне важно обеспечить ее положительное влияние на приток капитала, в частности, с учетом того факта, что рост при девальвации номинального ВВП, вызывая повышение спроса на деньги, способствует росту процентных ставок, а значит, и (при прочих равных условиях) притоку капитала извне и улучшению платежного баланса в целом.

Поскольку выполнение последнего условия на фоне финансовых санкций проблематично, особенно важным становится условие, в соответствии с которым прирост номинального выпуска должен превышать прирост так называемой «абсорбции», то есть суммарных внутренних расходов (потребления домохозяйств, инвестиций и госрасходов), что позволит удерживать инфляцию на стабильном уровне и в конечном счете улучшить торговый баланс. Это возможно, если девальвация

происходит, когда экономика находится на уровне разрыва выпуска, близком к нулю, то есть при полной загрузке факторов производства. Если имеются незагруженные производственные мощности, то внутренний выпуск и абсорбция могут расти одинаковым темпом.

Для российской экономики в настоящее время с точки зрения загрузки мощностей, на наш взгляд, надо использовать более жесткие условия, то есть исходить из отсутствия свободных факторов производства. Это объясняется тем, что хотя данные о загрузке производственных фондов в промышленности могут свидетельствовать о наличии циклического спада, однако данные о загрузке рабочей силы не позволяют поддержать эту гипотезу. Иными словами, с одной стороны, по нашим расчетам с учетом публикуемых выборочных данных Росстата о загрузке мощностей по 59 видам продукции в 2013 г., ее средневзвешенный уровень в промышленности⁹ по этой выборке составлял лишь 74%, а в 2014–2015 гг. кумулятивный выпуск в промышленности был отрицательным¹⁰. С другой стороны, при фактическом уровне безработицы летом 2015 г. 5,3% и учитывая, что показатель полной занятости для российской экономики находится примерно на этом же уровне (Горюнов и др., 2015), уверенно говорить о наличии свободных факторов производства на рынке труда не представляется возможным.

Как видно на рисунке 6, принцип непревышения выпуском абсорбции соблюдается, что обеспечивает ускоренный рост внешнеторгового сальдо в номинальном выражении и позволяет контролировать инфляцию. Проводимая российскими властями жесткая макроэкономическая политика, не спасая экономику от рецессии, способствует стабилизации ситуации: в 2015 г. госрасходы в реальном выражении стагнировали, расходы домохозяйств и инвестиции падали быстрее, чем снижался выпуск в промышленности, но темпы падения производства к середине лета резко замедлились относительно аналогичного периода прошлого года (рис. 7) или приблизились к нулю с устранением сезонного фактора.

Однако, как показывает опыт стран, переживших валютно-финансовый кризис, сама по себе жесткая макроэкономическая политика — необходимое, но недостаточное условие для преодоления его последствий с точки зрения объемов выпуска и устранения угрозы перехода от рецессии к депрессии. Для максимально быстрого преодоления рецессии, помимо жесткой налогово-бюджетной политики и таргетирования совокупных расходов (на основе принципа непревышения выпуском абсорбции), важна релевантная денежно-кредитная политика.

С одной стороны, в силу высокой по мировым меркам инфляции в 2000-е годы, что резко снижало конкурентоспособность российских

⁹ Взвешивание производилось с учетом доли производства каждого из 59 отдельных товаров в добавленной стоимости промышленности в целом.

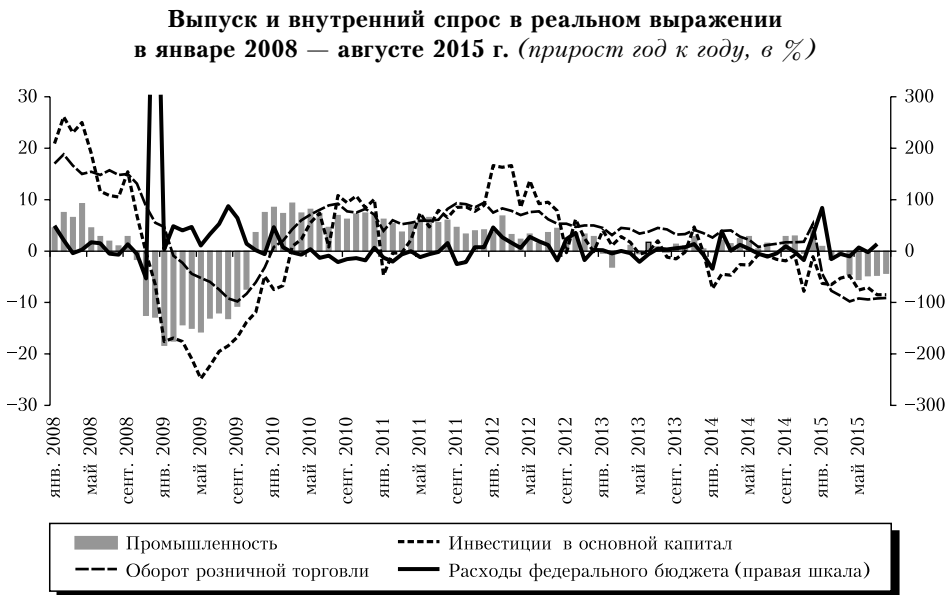
¹⁰ При этом, согласно доступным данным Росстата за 2013 г., из 59 видов продукции по 55 видам уровень загрузки производственных мощностей был ниже 85% (что можно считать полной загрузкой), причем по 22 из них он был ниже 50%. Однако совокупная доля всех 59 товарных позиций, по которым есть данные, составляет, по нашим оценкам, лишь около 27% совокупной добавленной стоимости промышленности, а доля позиций, где загрузка менее 85%, не превышает 15%. Таким образом, тезис о низкой загрузке мощностей в промышленности можно рассматривать лишь как гипотезу, нуждающуюся в дальнейшей проверке.

товаров и формировало предпосылки для девальвации, российские монетарные власти декларировали переход от таргетирования валютного курса к таргетированию инфляции и соответственно к режиму плавающего курса рубля, чтобы ограничить искажающее влияние целенаправленной курсовой политики на инфляцию. С другой сторо-

Источники: CEIC Data; расчеты автора.

Рис. 6

Источник: CEIC Data.

Рис. 7

ны, в сырьевой российской экономике прогнозируемое на ближайшее время снижение притока валюты до близких к нулю относительно ВВП значений (при сохранении заметного оттока капитала) чревато ростом волатильности на валютном рынке, что продемонстрировала ситуация второй половины 2013 — середины 2015 г. Можно ли совместить таргетирование инфляции и быстрый выход из рецессии в условиях высокой волатильности экономики России, учитывая, что макроэкономическую волатильность многие специалисты и так считают основным негативным проявлением «ресурсного проклятия» для реального сектора сырьевых экономик даже в относительно стабильных условиях (см., в частности: van der Ploeg, 2011)?

На наш взгляд, при переходе к таргетированию инфляции в экспортно-сырьевой экономике нужно учитывать также то, что таргетирование индекса потребительских цен (ИПЦ), включающего цены импортных товаров, усилит процикличность, имманентно присущую сырьевой экономике. В таком случае Банк России будет вынужден ужесточать денежную политику, то есть повышать ключевую процентную ставку в период, когда компании реального сектора будут особенно нуждаться в ее снижении, поскольку весьма вероятно, что экономика в этот момент будет находиться в состоянии рецессии. Дело в том, что скачка инфляции и соответственно повышения Банком России процентных ставок можно ожидать при резком ухудшении условий торговли, а именно снижении мировых цен на нефть. Вслед за нефтяными котировками снизится курс рубля, вырастут цены импортных товаров, доля которых в потребительской корзине велика из-за «голландской болезни», повысится потребительская инфляция, а вместе с ней — и процентные ставки. Таким образом, реальный сектор испытает двойное негативное воздействие — и со стороны падения нефтегазовых доходов, и со стороны денежно-кредитных ограничений, введенных монетарными властями для борьбы с потребительской инфляцией в рамках ее таргетирования (рис. 8).

В экономической литературе отмечается, что для сырьевых экономик не существует единого, верного для всех стран валютного режима и подхода к денежно-кредитной политике в целом (Frankel, 2012). Следовательно, таргетирование инфляции можно использовать в сырьевых экономиках, но надо учитывать, что и государственная политика (как фискальная, так и монетарная), и притоки частного капитала имеют тенденцию к большей процикличности в богатых ресурсами странах (van der Ploeg, Venables, 2012). При этом стандартное для несырьевых стран таргетирование ИПЦ в сырьевых экономиках эту процикличность еще больше усиливает.

Какой же выход из этой ситуации? Во-первых, можно обсуждать замену таргетирования ИПЦ количественным регулированием другого ценового агрегата, не включающего ценовую компоненту импортных товаров. Таким агрегатом может быть, например, индекс цен производителей (ИЦП), что, правда, потребует перестройки деятельности Росстата, так как этот индекс, в отличие от ИПЦ, рассчитывается не еженедельно, а раз в месяц, и его использование в качестве «таргета» резко снизит оперативность мер денежно-кредитной политики.

Примечание. Линия «ставка рефинансирования» на графике с сентября 2013 г. представлена «ключевой ставкой» Банка России.

Источники: Росстат; Банк России; расчеты автора.

Рис. 8

Во-вторых, можно сохранить ориентир на таргетирование Банком России ИПП, а для элиминирования фактора процикличности использовать механизм обязательных бюджетных интервенций, что предполагает автоматическую увязку повышения ключевой ставки Банком России и включения своего рода автоматических стабилизаторов экономики на основе, например, снижения ставки важнейших налогов или увеличения бюджетных закупок. Здесь можно учесть опыт Южной Африки, где в первой половине 2000-х годов денежно-кредитная политика была нацелена на повышение доверия экономических агентов за счет акцента на цели снижения и стабилизации инфляции, а решение задачи стабилизации выпуска перекладывали на министерство финансов (Frankel et al., 2008). Но возможность бюджетной поддержки обрабатывающей промышленности сохраняется лишь при наличии бюджетных страховых фондов, которые важно сохранить на длительный период, чтобы гарантировать реальному сектору бюджетную компенсацию последствий вмешательства Банка России, направленного на снижение инфляции.

Кроме того, как отмечается в литературе, таргетирование инфляции — это процесс поддержания на стабильно низком уровне уже снизившейся инфляции, а ее снижение (дезинфляция) — качественно иной процесс, требующий иных методов. Низкую инфляцию часто считают предпосылкой инфляционного таргетирования из-за «сложности прогнозирования инфляции и достижения инфляционного таргета в условиях высокой и волатильной инфляции» (Хэммонд, 2012).

Мировой опыт говорит о том, что для таргетирования уже низкой инфляции режим плавающего валютного курса — атрибут, а на стадии снижения инфляции до таргетируемого уровня плавающий курс может быть неприемлемым, так как затруднит дезинфляцию, особенно в экономике сырьевого типа, поскольку частые и непредсказуемые изменения цен на сырье будут приводить к скачкам курса и росту инфляции. Таким образом, для сегодняшней российской экономики, переживающей период дезинфляции, свободно плавающий курс может быть далеко не самым оптимальным режимом.

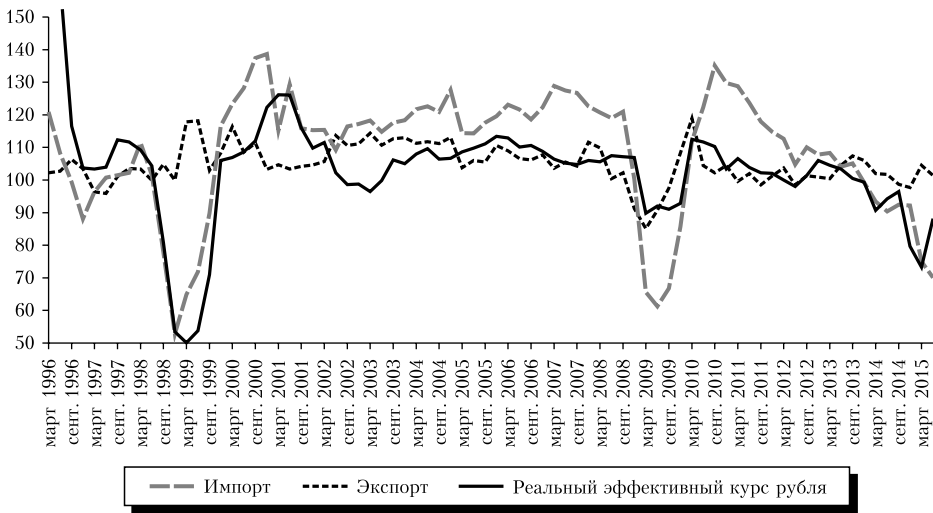
К вопросу о девальвационном пессимизме и влиянии девальвации на выпуск

Очень часто в развивающихся странах у политиков наблюдается так называемый «девальвационный пессимизм», когда, опасаясь негативного воздействия девальвации валюты на экономическую ситуацию, они всячески сопротивляются снижению ее курса, оттягивая неизбежную развязку. Причинами этого пессимизма выступают не только стандартные политико-экономические последствия валютного шока, но и слабая реакция экспорта и импорта на изменение относительных цен, то есть их невысокая эластичность по цене. В стандартном случае (при стабильных условиях внешней торговли) девальвация считается эффективной, то есть улучшающей внешнеторговое сальдо, если при условии сбалансированного торгового баланса эластичность экспорта и импорта по цене по модулю больше 1 (условие Маршалла—Лернера). Поэтому девальвационный пессимизм политиков называют еще «эластичностным пессимизмом».

В российском случае влияние девальвации на торговое сальдо в рублевом выражении определяется, помимо курса, условиями торговли (фактически ценой на нефть), которые ухудшились вдвое. В силу этого при снижении за первое полугодие 2015 г. валютного объема российского товарного экспорта почти на 30% и импорта примерно на 40% номинальный чистый экспорт в рублевом выражении с учетом фактора девальвации вырос не менее чем на 40% (средний курс рубля к доллару в этот период изменился с 34,7 до 57 руб./долл.), что, несомненно, должно поддержать рост ВВП. Однако это не может само по себе обеспечить выход из рецессии в ближайшее время, так как вклад чистого экспорта в ВВП невелик (менее 10%), а дефлятор высокий (в силу значительного подорожания импортных товаров).

Количественно степень влияния роста экспорта и импорта на динамику ВВП после девальвации, как известно, определяется, с одной стороны, их эластичностью по цене, а с другой — наличием так называемой J-curve, то есть отсрочкой начала роста экспорта в связи с необходимостью адаптации производителей к новым условиям и новым рынкам. Для расчета ценовой эластичности экспорта и импорта России мы использовали квартальные данные ОЭСР по национальным счетам со снятой сезонностью за период 1995—2014 гг., а также данные Банка международных расчетов (BIS) о динамике номинального и реального

**Реальный эффективный курс российского рубля,
физические объемы экспорта и импорта, I кв. 1996 — II кв. 2015 г.
(поквартально, рост год к году, в %)**

Источники: CEIC Data; BIS; расчеты автора.

Рис. 9

эффективного курса национальной валюты (рис. 9). Расчеты эластичности проводились в нормированных первых разностях, то есть в темпах прироста к предыдущему кварталу¹¹.

Хотя расчеты показали, что условие Маршалла—Лернера с учетом динамики физических объемов экспорта и импорта не выполняется (сумма ценовых эластичностей по модулю меньше 1 и равна 0,6), однако «эластичностный пессимизм» в России должен отсутствовать, так как в условиях положительного внешнеторгового сальдо до девальвации влияние чистого экспорта на рост ВВП после нее будет также положительным, и при снижении реального эффективного курса рубля в среднем за год на 20% его можно оценить примерно на уровне 3,5 п. п. ВВП в годовом выражении. Это значит, что изменение курса объясняет в 2015 г. примерно половину фактического положительного вклада чистого экспорта в ВВП (в первой половине 2015 г., по нашим оценкам, около 7 п. п.).

При этом в первой половине 2015 г. экспорт в физическом выражении вырос примерно на 3% год к году, что хотя и говорит о достаточно быстрой реакции экспорта на девальвацию, однако значительно ниже прироста, наблюдавшегося в России после девальвации в 1998 и 2008–2009 гг.¹² В то же время о заметном росте в России несырьевого

¹¹ Тестирование данных в абсолютных уровнях показало, что они нестационарны и не имеют коинтеграции.

¹² В World Economic Outlook (октябрь 2015 г.) отмечается, что в России в 1998 г. наблюдался нетипично сильный для случаев большой девальвации, сопровождающейся банковским кризисом, положительный отклик реального объема экспорта на динамику валютного курса рубля. В типичном случае экспорт в таких условиях практически не увеличивается (IMF, 2015).

экспорта высокой степени обработки говорить пока не приходится¹³, а из-за доминирования в российском экспорте сырья сам по себе рост чистого экспорта не обеспечит быстрого выхода из рецессии.

Важным фактором торможения экономического роста в докризисный период стало значительное превышение ставками банковского кредита уровня рентабельности как отгрузки¹⁴, так и активов¹⁵ в большинстве секторов промышленности. В силу этого потенциально положительное влияние девальвации на рентабельность экспорта и импортозамещающую активность трудно переоценить, особенно на фоне роста кредитных ставок в 2015 г. до 16% годовых (по кредитам в рублях, по данным РЭБа) и финансовых санкций.

Наши расчеты на основе данных Росстата за январь—сентябрь 2014 г. показывают, что девальвация положительно влияет на валютную экспортную рентабельность большинства секторов обрабатывающей промышленности (рис. 10), так как доля импорта в затратах в среднем по обрабатывающей промышленности не превышала 9%. Если исходить из 50-процентного падения номинального курса рубля, то в предельном, самом благоприятном случае, то есть с учетом двукратного сокращения в валютном выражении издержек, формируемых в России (и одновременно двукратного роста валютных затрат на импортные сырье, материалы и комплектующие), можно говорить о росте рентабельности в валютном выражении по экспортируемым товарам в среднем по обрабатывающим производствам на 38 п. п. (с 8,8% в январе—сентябре 2014 г. до 47% после девальвации). Этот вывод следует из расчетов по данным формы 5з при гипотетической предпосылке о полной взаимозаменяемости российских и иностранных товаров и равенстве внутренних и внешних цен и объемов реализации в валюте до и после девальвации. При этом число товарных позиций с отрицательной валютной рентабельностью на экспортных рынках до и после девальвации резко сокращается — с 36 (левые верхний и нижний квадранты на рис. 10) до 3 (два нижних квадранта на рис. 10).

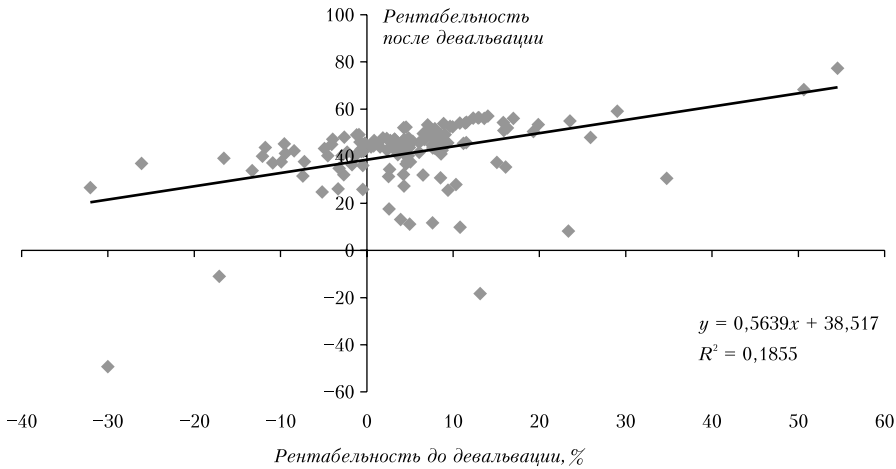
С точки зрения потребностей реального сектора валютный курс фактически стал равновесным, так как он обеспечивает положительную рентабельность экспорта для абсолютного большинства секторов обрабатывающей промышленности, снижая потребность в селективной бюджетной поддержке. В трех секторах доля импорта составляет более 50% затрат и рентабельность экспорта отрицательная даже при двукратной девальвации рубля — это производство аппаратуры для

¹³ Анализ данных ФТС показывает, что в первом полугодии 2015 г. относительно аналогичного периода 2014 г. экспорт в физическом выражении увеличился по 20 товарным позициям. При этом по пяти наблюдался рост как физических, так и стоимостных объемов, причем в значительной мере это сырьевые товары: рафинированная медь, необработанный алюминий, калийные удобрения, а также кокс и электроэнергия.

¹⁴ По нашим расчетам на основе данных Росстата, рентабельность отгрузки в целом по промышленности составляла в 2014 г. 8,6%, в добыче полезных ископаемых — почти 24,8, в обрабатывающей промышленности — 3,1, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды — 3,7%.

¹⁵ Рентабельность активов в обрабатывающей промышленности России в 2014 г. составила, по данным Росстата, 2,3% (против 4,9% в 2013 г.); в добыче полезных ископаемых — 14,6 и 12,7% соответственно; в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды — 1,4 и 1,3%.

**Валютная рентабельность продаж до (январь—сентябрь 2014 г.)
и после девальвации в секторах промышленности,
учитываемых Росстатом в форме 5з (в %)**

Источники: Росстат; расчеты автора.

Рис. 10

приема, записи и воспроизведения звука и изображения, химических средств защиты растений (пестицидов) и прочих агрохимических продуктов, а также машин и оборудования для сельского и лесного хозяйства. Однако нельзя забывать, что даже при таком росте валютной рентабельности экспорта и малом числе проигравших от удорожания импортных сырья и комплектующих реальное положительное влияние девальвации на выпуск невелико, поскольку доля несырьевых товаров в совокупном российском экспорте невысокая (около 10%) и для ее увеличения требуются инвестиции и время.

Говоря о положительном влиянии девальвации на импортозамещение, важно осознавать, что она сопровождается усилением инфляции и снижением покупательной способности населения и предприятий, что частично нивелирует положительный эффект от роста ценовой конкурентоспособности российских товаров на внутреннем рынке. Несмотря на сильный девальвационный стимул, в январе—августе 2015 г. лишь в четырех крупных секторах промышленности объем выпуска увеличился относительно аналогичного периода 2014 г. На уровне более мелких подотраслей ускоренные темпы роста (более 3% год к году) наблюдались в 14. Из них в 8 (из примерно 100 выделяемых на этом уровне классификации) отечественные производители конкурировали с импортом, а остальные ориентированы на экспорт. Это позволяет предположить, что интенсивность роста несырьевого экспорта и импортозамещения пока невысокая. Важно поддержать положительный вклад со стороны чистого экспорта, повышающий импульс которого после девальвации в России обычно быстро сходит на нет (см. рис. 9), ростом инвестиций, начавших сокращаться еще в докризисный период; следовательно, причины их замедления связаны не только с девальва-

цией. Процесс восстановления личных доходов и потребления домохозяйств, доля которого в ВВП почти в 2,5 раза выше, чем инвестиций, быстрым не будет и должен следовать за улучшением экономической конъюнктуры и структурной перестройкой производства. По крайней мере, раньше в российской экономике, судя по нашим расчетам¹⁶, именно рост ВВП «вел» личное потребление, а не наоборот (при внешне очень похожей траектории этих показателей).

Структурные проблемы как фактор девальвации 2014—2015 гг. в России

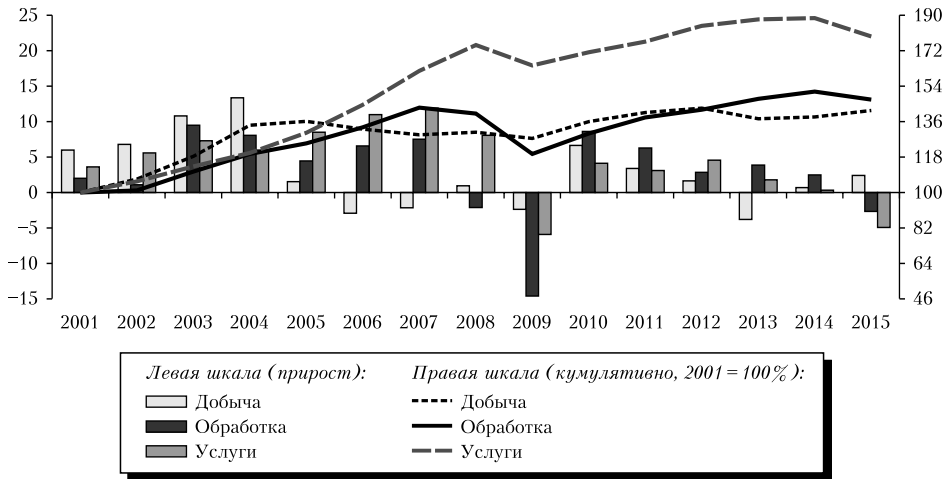
К явно выраженному замедлению российской экономики на фоне стабильной конъюнктуры на мировом рынке нефти в 2011—2013 гг. могли привести структурные проблемы. Такого рода замедление, согласно стилизованным фактам, описанным выше, могло быть своего рода опережающим индикатором, предвещающим с лагом 1—2 года девальвацию валюты и замедление темпов экономического роста после нее примерно на 2 п. п. относительно преддевальвационного уровня. Таким образом, замедление динамики российского ВВП в 2013 г., когда темпы роста упали до 1,3% против 3,4 и 4,3% в предшествующие два года, могло стать предвестником девальвации, которая в той или иной форме все равно произошла бы, независимо от падения цен на нефть и введения санкций. В принципе при стабильных ценах на нефть рецессии могло и не быть, поскольку в таких случаях падение ВВП в год девальвации в целом в два раза менее вероятно, чем его рост (Bussière et al., 2012). Тем более вероятен рост экономики на следующий год после валютного шока. Дополнительно в пользу гипотезы о наличии структурных и институциональных причин замедления российской экономики говорит то, что в других ресурсно-ориентированных странах с рыночным курсообразованием, где курс искусственно не фиксируется (в отличие от многих стран Ближнего Востока), после резкого падения в 2014 г. цен на нефть номинальный и реальный эффективный валютные курсы снизились гораздо меньше, чем в России¹⁷.

Обеспечить восстановление темпов роста российского ВВП на фоне снизившихся цен на нефть, по нашему мнению, сложно без ускорения роста обрабатывающей промышленности, так как сектор услуг, вносящий основной вклад в рост российской экономики в 2000-е годы, потерял «подпитку» от сырьевой ренты надолго (если не навсегда) и не может оставаться самостоятельным фактором экономического роста (рис. 11). В любом случае для России, богатой сырьем, именно его глубокая переработка и развитие комплементарной сферы услуг выступают естественными направлениями диверсификации экономики, увеличения спроса на инновации и ослабления сырьевой зависимости.

¹⁶ В частности, с учетом проведенного нами теста Грейнджера.

¹⁷ Так, по данным Банка международных расчетов, если в августе 2015 г. номинальный эффективный курс российского рубля упал относительно июня 2014 г. на 39,4%, а реальный эффективный курс — на 29,4%, то аналогичные показатели для Австралии, Норвегии и Мексики составили соответственно —13,7%, —16,5 и —16%; —11,7%, —11,8 и —14,1%.

**Динамика секторов российской экономики
в 2001 — первом полугодии 2015 г.**

Источники: Росстат; расчеты автора.

Рис. 11

Но восстановить конкурентоспособность обрабатывающей промышленности в сжатые сроки непросто. Хотя последняя и развивалась быстро в первой половине 2000-х годов после провала в 1990-е годы, но уже после кризиса 2008–2009 гг. стала демонстрировать явные признаки замедления. Данные за 2015 г. подтверждают факт деиндустриализации. Если объем всего промышленного производства за январь–август упал на 3,2% год к году, а добывающая промышленность и электроэнергетика практически сохранили свой выпуск (0,1% и –0,3% соответственно), то в обрабатывающей промышленности он снизился на 4,5%.

Иногда говорят, что «сырьевое проклятие» и «голландская болезнь» означают на самом деле переход экономики из одного равновесного состояния в другое (Graham, 1995). С этим можно было бы согласиться, если бы экспортный бум был вечным. В реальности в начале экспортного бума появляются одни проблемы — деиндустриализация экономики и деградация сельского хозяйства, а по его окончании — другие, в частности невозможность из-за технологического отставания быстро восстановить пришедшие в упадок обрабатывающую промышленность и сельское хозяйство, при этом вклад сырьевого сектора в экономический рост резко снижается. Таким образом, экономическое отставание может закрепиться надолго, даже несмотря на наличие значительных природных ресурсов (Sheng, 2011).

Как было показано еще задолго до нынешнего кризиса на основе расчета долгосрочного коинтеграционного соотношения для российской экономики, повышение цен на нефть на 10% обеспечивает прирост российского ВВП примерно на 0,175 п. п. (Algieri, 2011). При этом положительное влияние прироста цен на нефть на динамику ВВП за счет увеличения спроса перевешивает негативное влияние на экономику из-за укрепления реального валютного курса рубля и сниже-

ния конкурентоспособности обрабатывающей промышленности. Если предположить симметричность реакции макропоказателей на изменение цен на нефть, то падение последних может привести к рецессии, поскольку снижение спроса не будет полностью компенсировано ростом конкурентоспособности за счет снижения реального эффективного курса рубля. Кумулятивное снижение ВВП может составить 8,5—9% ВВП вне зависимости от влияния фактора запасов, который объяснял примерно $\frac{2}{3}$ падения российского ВВП на 7,8% в 2009 г. Поэтому нельзя уповать на автоматический стимулирующий эффект девальвации российского рубля в 2014—2015 гг. При инерционном развитии событий, дальнейшем откладывании структурных реформ, направленных на дебюрократизацию и демонополизацию экономики, снижение ригидности рынка труда, рецессия в российской экономике может длиться не менее двух—трех лет.

Данная оценка качественно соответствует нашим расчетам на основе среднесрочной эконометрической модели российской экономики, которая в варианте прогноза по состоянию на конец сентября 2015 г. свидетельствует о продолжении рецессии в 2016—2017 гг. (правда, с меньшими, чем в 2015 г., темпами падения ВВП)¹⁸. При этом снизится заработная плата, которая пока (даже на фоне рецессии) растет в номинальном выражении, более значительно (чем в первой половине 2015 г.) сократится численность занятых, что может иметь негативные социальные последствия.

Чтобы наращивать экспорт и развивать импортозамещение даже при самых благоприятных ценовых соотношениях, возникших после девальвации, промышленность нуждается в дополнительных трудовых ресурсах, новых производственных мощностях и инфраструктуре. Их скорее всего нет, что связано с негибкостью рынка труда, слабой интенсивностью инвестиционного процесса в докризисный период, несовершенными «правилами игры» в российской экономике. Не решив эти проблемы, нельзя создать более устойчивую и менее подверженную ценовым и валютным шокам экономическую систему.

* * *

В статье на основе анализа литературы о влиянии девальвации на выпуск и другие макропоказатели выявлено четыре условия, при которых она может носить ограничительный характер с точки зрения динамики ВВП. Три из них связаны с влиянием девальвации на совокупный спрос, одно — с ее влиянием на совокупное предложение. К первым трем относятся: перераспределение в ходе девальвации доходов от экономических субъектов с высокой склонностью к потреблению к субъектам с низкой склонностью (от владельцев труда к владельцам вещественного капитала); эффект опережающей инфляции, когда номинальная девальвация может вести к снижению совокупного спро-

¹⁸ См. среднесрочный прогноз развития российской экономики Института «Центр развития» НИУ ВШЭ. <http://dcenter.ru/category/periodicheskie-obzory/nep/>.

са из-за неконтролируемого роста цен; эффект низкой эластичности экспорта и импорта по цене, когда торговый баланс, выраженный в национальной валюте, под влиянием девальвации может снижаться, вызывая рецессию. Четвертое условие: девальвация может негативно воздействовать на предложение через удорожание импортных товаров промежуточного назначения, а также за счет роста внутренних процентных ставок и заработной платы в силу ускорения инфляции.

В работе показано, что хотя из четырех условий, придающих девальвации ограничительный характер, в российской экономике присутствуют в той или иной форме только два — перераспределение доходов от труда к капиталу и низкая эластичность экспорта и импорта по цене, однако девальвация все равно может привести к рецессии, по крайней мере в 2015–2016 гг. Причинами этого выступают низкая склонность экономических агентов — владельцев вещественного капитала к инвестированию, а также структурные проблемы экономики, индикатором наличия которых, возможно, и была девальвация российского рубля в 2014–2015 гг. Часто цитируемый в литературе (см., например: Frankel, 2005) сюжет о том, что после девальвации английского фунта в 1992 г. британский министр финансов был так рад, что пел в ванной, к сегодняшней российской ситуации скорее всего не относится.

Список литературы / References

- Бланк А., Гурвич Е., Улюкаев А. (2006). Обменный курс и конкурентоспособность отраслей российской экономики // Вопросы экономики. № 6. С. 4–24. [Blank A., Gurvich E., Ulyukaev A. (2006). Exchange rate and competitiveness of Russia's industries. *Voprosy Ekonomiki*, No. 6, pp. 4–24. (In Russian).]
- Горюнов Е., Дробышевский С., Трунин П. (2015). Денежно-кредитная политика Банка России: стратегия и тактика // Вопросы экономики. № 4. С. 53–85. [Goryunov E., Drobyshevsky S., Trunin P. (2015). Monetary policy of Bank of Russia: Strategy and tactics. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 53–85. (In Russian).]
- Катаранова М. (2010). Связь между обменным курсом и инфляцией в России // Вопросы экономики. № 1. С. 44–63. [Kataranova M. (2010). Correlation between exchange rate and inflation in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 44–63. (In Russian).]
- Хэммонд Д. (2012). Практика инфляционного таргетирования (Руководство № 29). Лондон: Центр исследований деятельности центральных банков, Банк Англии. [Hammond D. (2012). *State of the art of inflation targeting – 2012* (Handbook No. 29). London: Centre for Central Banking Studies, Bank of England.]
- Algieri B. (2011). The Dutch disease: Evidences from Russia. *Economic Change and Restructuring*, Vol. 44, pp. 243–277.
- Bahmani-Oskooee M. (1998). Are devaluations contractionary in LDCs? *Journal of Economic Development*, Vol. 23, No. 1, pp. 131–144.
- Bahmani-Oskooee M., Chomsisengphet S., Kandil M. (2002). Are devaluations contractionary in Asia? *Journal of Post Keynesian Economics*, Vol. 25, No. 1, pp. 69–82.
- Bahmani-Oskooee M., Gelan A. (2013). Are devaluations contractionary in Africa? *Global Economic Review: Perspectives on East Asian Economies and Industries*, Vol. 42, No. 1, pp. 1–14.
- Bahmani-Oskooee M., Hajilee M. (2014). On the relation between currency depreciation and domestic investment. *Journal of Post Keynesian Economics*, Vol. 32, No. 4, pp. 645–660.

- Blecker R. A., Razmi A. (2007). *The fallacy of composition and contractionary devaluations: The output impact of real exchange rate shocks in developing countries that export manufactures* (Working Paper No. 2007-02). American University, Department of Economics.
- Bussière M., Saxena S. C., Tovar C. E. (2012). Chronicle of currency collapses: Re-examining the effects on output. *Journal of International Money and Finance*, Vol. 31, No. 4, pp. 680–708.
- Calvo G., Reinhart C. (2000). Fixing for your life. *NBER Working Paper*, No. 8006.
- Chou W. L., Chao C. C. (2001). Are currency devaluations effective? A panel unit root test. *Economics Letters*, Vol. 72, No. 1, pp. 19–25.
- Christopoulos D. K. (2004). Currency devaluation and output growth: New evidence from panel data analysis. *Applied Economics Letters*, Vol. 11, No. 13, pp. 809–813.
- Cooper R. N. (1969). *Currency devaluation in developing countries: Preliminary assessment* (A.I.D. Research Paper). Yale University.
- Díaz-Alejandro C. F. (1963). A note on the impact of devaluation and the redistributive effect. *Journal of Political Economy*, Vol. 71, No. 3, pp. 577–580.
- Domac I. (1997). Are devaluations contractionary? Evidence from Turkey. *Journal of Economic Development*, Vol. 22, No. 2, pp. 145–163.
- Dülger F., Lopcu K., Burgaç A., Balli E. (2013). Is Russia suffering from Dutch disease? Cointegration with structural breaks. *Resources Policy*, Vol. 38, No. 4, pp. 605–612.
- Egert B. (2012). Dutch disease in the post-Soviet countries of Central and South-West Asia: How contagious is it? *Journal of Asian Economics*, Vol. 23, No. 5, pp. 571–584.
- Frankel J. (2005). Contractionary currency crashes in developing countries. *NBER Working Paper*, No. 11508.
- Frankel J. (2012). The natural resource curse: A survey of diagnoses and some prescriptions. In: R. Arezki et al. (eds.). *Commodity price volatility and inclusive growth in low-income countries*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Frankel J., Smith B., Federico S. (2008). Fiscal and monetary policy in a commodity-based economy. *Economics of Transition*, Vol. 16, No. 4, pp. 679–713.
- Gluzmann P. A., Levy-Yeyati E., Sturzenegger F. (2012). Exchange rate undervaluation and economic growth: Díaz Alejandro (1965) revisited. *Economics Letters*, Vol. 117, No. 3, pp. 666–672.
- Graham D. A. (1995). Learning to love the Dutch disease: Evidence from the mineral economies. *World Development*, Vol. 23, No. 10, pp. 1765–1779.
- Gupta P., Mishra D., Sahay R. (2007). Behavior of output during currency crises. *Journal of International Economics*, Vol. 72, No. 2, pp. 428–450.
- Gylfason T., Risager O. (1984). Does devaluation improve the current account? *European Economic Review*, Vol. 25, No. 1, pp. 37–64.
- Gylfason T., Schmid M. (1983). Does devaluation cause stagflation? *Canadian Journal of Economics*, Vol. 16, No. 4, pp. 641–654.
- IMF (2015). *World economic outlook: Adjusting to lower commodity prices*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Kalyoncu H., Seyfettin A., Tezekici S., Ozturk I. (2008). Currency devaluation and output growth: An empirical evidence from OECD countries. *International Research Journal of Finance and Economics*, Vol. 14, No. 2, pp. 232–238.
- Kamin S. B. (1988). Devaluation, external balance, and macroeconomic performance: A look at the numbers. *Princeton Studies in International Finance*, No. 62.
- Krugman P., Taylor L. (1978). Contractionary effects on devaluation. *Journal of International Economics*, Vol. 8, No. 3, pp. 445–456.
- Levy-Yeyati E., Sturzenegger F. (2007). Fear of appreciation. *World Bank Policy Research Working Paper Series*, No. 4387.
- Mustafa A. (2000). Devaluation in developing countries: Expansionary or contractionary? *Journal of Economic and Social Research*, Vol. 2, No. 1, pp. 59–83.
- Nunnenkamp P., Schweickert R. (1990). Adjustment policies and economic growth in developing countries — Is devaluation contractionary? *Weltwirtschaftliches Archiv*, Vol. 126, No. 3, pp. 474–493.

- Rodrik D. (2005). Growth strategies. In: P. Aghion, S. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*. 1st ed. Vol. 1, Ch. 14, pp. 967–1014.
- Rodrik D. (2008). The real exchange rate and economic growth. *Brookings Papers on Economic Activity*, Vol. 39, No. 2, pp. 365–439.
- Sheehey E. J. (1986). Unanticipated inflation, devaluation and output in Latin America. *World Development*, Vol. 14, No. 5, pp. 665–671.
- Sheng L. (2011). Taxing tourism and subsidizing non-tourism: A welfare-enhancing solution to ‘Dutch disease’? *Tourism Management*, Vol. 32, No. 5, pp. 1223–1228.
- Tabata S. (2013). Observations on Russian exposure to Dutch disease. *Eurasian Geography and Economics*, Vol. 53, No. 2, pp. 231–243.
- Upadhyaya K. P. (1999). Currency devaluation, aggregate output, and the long run: An empirical study. *Economics Letters*, Vol. 64, No. 2, pp. 197–202.
- Upadhyaya K. P., Upadhyay M. P. (1999). Output effects of devaluation: Evidence from Asia. *Journal of Development Studies*, Vol. 35, No. 6, pp. 89–103.
- van der Ploeg F. (2011). Natural resources: curse or blessing? *Journal of Economic Literature*, Vol. 49, No. 2, pp. 366–420.
- van der Ploeg F., Venables A. J. (2012). Natural resource wealth: The challenge of managing a windfall. *The Annual Review of Economics*, Vol. 4, No. 4, pp. 315–337.
-

Russian Devaluation in 2014–2015: Falling into the Abyss or Window of Opportunities?

Valeriy Mironov

Author affiliation: National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). Email: vmironov@hse.ru.

The fall in the oil prices from mid-2014 is causing a decrease in domestic demand and a strong devaluation of the ruble, which in turn promotes the growth of the price competitiveness of Russian producers, stimulates the supply side of the economy (especially in foreign markets, where there is no recession), and thus creates the possibility of offsetting the fall in domestic demand due to the growth of net exports. However, as the analysis of the economic literature, the world experience and current Russian economic trends demonstrates, the joint impact of oil prices and ruble devaluation on the growth rates of the Russian economy, with all its structural problems, can lead to a much more severe recession than the majority of experts, if to judge by average consensus estimates, expect in their forecasts (as of the end of September 2015).

Keywords: devaluation, real exchange rate, Marshall–Lerner condition, resource curse, economic policy, Russia.

JEL: E29, E39, E52, E65.

М. Ершов

Возможности роста в условиях валютных провалов в России и финансовых пузырей в мире

Введенный режим свободного плавания рубля в сочетании с падением цен на нефть привел к масштабному обесценению российской валюты. Причем рубль обесценился намного сильнее, чем валюты других стран-нефтеэкспортеров, в большей степени зависящих от экспорта нефти. В сочетании с бурным ростом ряда финансовых показателей на мировых рынках и рисками их провалов это снижает стабильность ситуации в мире. В таких условиях необходимо создавать механизмы, которые обеспечат устойчивое развитие России.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, политика центральных банков, валютный курс, инфляция, финансовые рынки.

JEL: E52, E58, F31, P44, O16.

В начале 2015 г. МВФ ухудшил прогноз развития экономики России на текущий год более чем в восемь раз по сравнению с аналогичным прогнозом, данным шесть месяцев назад (рис. 1). Причем ожидается, что негативные темпы прироста российского ВВП могут сохраниться и в будущем.

В этот период произошло масштабное ужесточение денежно-кредитной политики ЦБ РФ (резко повышена ключевая ставка в декабре 2014 г.) на фоне снижения цен на нефть и закрытия внешних финансовых рынков. Необходимость роста ставок в России отмечала и миссия МВФ: «Для выполнения установленного Банком России на 2015 г. целевого показателя по инфляции... Банку России следует быть готовым в течение следующего года дополнительно повысить процентные ставки» (IMF, 2014. Р. 3).

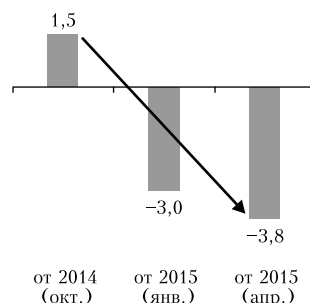
При этом рекомендации МВФ для США в 2015 г. предполагали диаметрально противоположную логику и выглядели гораздо более адекватными: «Преждевременное повышение ставок может вызвать ужесточение финансовых условий или расшатывание финансовой стабильности, что будет препятствовать *росту экономики* (курсив мой. —

Ершов Михаил Владимирович (lupandina@fief.ru), д. э. н., главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, проф. Финансового университета при Правительстве РФ (Москва). www.eršovm.ru.

М. Е.)» (IMF, 2015b). Действительно, в последние годы в России прослеживается отчетливая корреляция между повышением ставок и экономическим ростом, когда рост ставок тормозит рост экономики и наоборот.

Ситуация осложнилась из-за возникшей курсовой нестабильности, девальвации курса рубля и неопределенности на валютном рынке в целом. Отметим, что с введением режима свободного плавления рубль резко обесценился, продолжив свое снижение, которое началось еще раньше — вследствие падения цен на нефть. Масштаб обесценения российского рубля был больше, чем валют других стран-нефтеэкспортеров (рис. 2), причем даже тех, у кого доля экспорта нефти в ВВП выше, чем в России, и которые должны были бы сильнее реагировать на столь значительное падение цен на нефть.

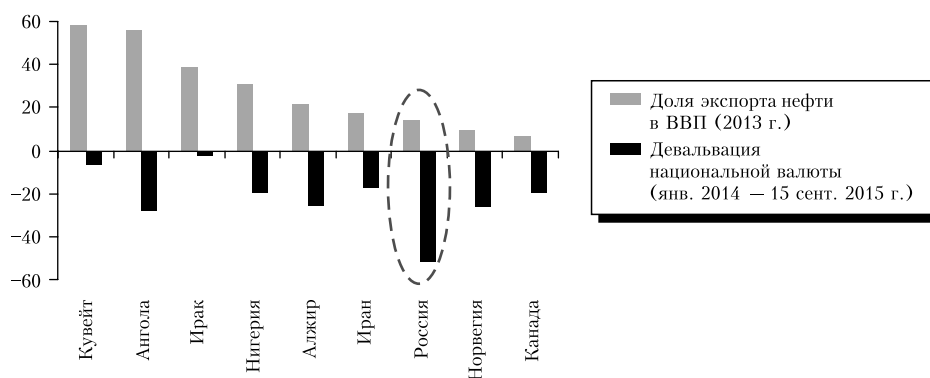
МВФ: прогноз динамики ВВП РФ на 2015 г. (в %)

Источник: МВФ.

Рис. 1

Доля экспорта нефти в ВВП и девальвация валют*

* Данные по Канаде включают экспорт нефти и газа.

Источники: Bloomberg; по данным МВФ; национальная статистика.

Рис. 2

Курс рубля, рассчитанный на основе паритета покупательной способности (ППС), недооценен в несколько раз. Указанный курс рассчитывается с учетом большого числа товаров, услуг и др., включаемых в ВВП. Так, по оценкам ОЭСР¹, на декабрь 2014 г. курс рубля по ППС должен был составить 19 руб./долл. Поскольку текущий рыночный курс в ноябре 2015 г. составлял 60—68 руб./долл., это говорит о том, что номинальный курс недооценен в среднем в 3—3,5 раза относительно курса, рассчитанного на основе ППС. При этом ожидания и предпочтения участников российского рынка отнюдь не одинаковые. Так, согласно

¹ <https://data.oecd.org/conversion/purchasing-power-parities-ppp.htm#indicator-chart>.

февральскому мониторингу, за укрепление рубля выступают 58% опрошенных промышленников, а за дальнейшую девальвацию — всего 2%².

На наш взгляд, сохраняющаяся недооцененность рубля была заложена еще в самом начале формирования валютного рынка в стране — в конце 1980-х годов. Тогда рубль был существенно недооценен, а доверие к нему было очень низким, что обусловило долларизацию российской экономики и ее экспортную ориентацию. Все это создавало негативные условия для дальнейшего развития страны.

Рубль: история формирования курса

Еще на начальном этапе формирования валютного рынка в стране в конце 1980-х — начале 1990-х годов установился курс рубля к доллару, который отражал ценовые соотношения лишь узкой группы престижных в то время товаров потребительского импорта. При этом по целому ряду фундаментальных позиций имела место обратная картина: по соотношениям цен промышленных активов, жилья и других важных компонентов ВВП рубль должен был стоить дороже (причем часто намного), чем другие валюты. Действительно, сформировавшийся тогда на валютном рынке (и валютных аукционах) курс рубля составлял в среднем 15–20 руб./долл., что соответствовало ценовым соотношениям по таким «модным» товарам, как джинсы, косметика и т. д.

Однако многие товары и услуги были на российском рынке многократно дешевле. Например, проезд в метро стоил 5 коп., а в Нью-Йорке — около 1 долл., батон хлеба стоил около 20 коп., а в США — 1–2 долл. Жилье сопоставимого уровня, равно как и коммунальные платежи по его содержанию, даже сейчас у нас многократно дешевле. В конце же 1980-х годов средний платеж за квартиру в России составлял 15–25 руб. в месяц, что было в 50–70 раз (!) меньше платежей за аналогичное жилье за рубежом. Важно также учитывать долю соответствующего товара или услуги в расходах (например, в развитых странах на коммунальные платежи приходится не менее 20–30% ежемесячных расходов домохозяйств). Стоимость промышленных активов в России также была многократно ниже, чем в сравниваемых странах. Так, по оценкам ряда иностранных инвесторов, «Газпром» в 1999 г. стоил почти в 700 раз меньше (по сопоставимым критериям оценок), чем, например, Еххон (Ершов, 2000. С. 257–258).

Следует иметь в виду, что валютный курс — не абстрактный цифровой индикатор. Он должен давать конкретные ориентиры для субъектов экономики (инвесторов, частных лиц и др.), основываясь на сравнительных ценах на соответствующие товары и услуги в рассматриваемых странах и, как следствие, служить базой для оценок целесообразности осуществления тех или иных видов экономической деятельности. Поэтому столь сильная недооцененность рубля изначально дала мощный импульс к превращению российской экономики в экспортоориентированную, делая экспорт сверхэффективным.

² РБК Daily. 2015. 27 марта. <http://www.rbcdaily.ru/economy/562949994514809>.

Аналогично, такой перекося заложил основу для долларизации российской экономики, делая сверхэффективными покупку рублей и рублевых активов для держателей долларов.

Поэтому некорректно сравнивать динамику рубля, доллара и инфляции в соответствующих странах лишь за отдельные периоды без учета стартового соотношения этих валют. Многократная недооцененность рубля на начальном этапе создала возможности для его ускоренного удорожания с опережением инфляции.

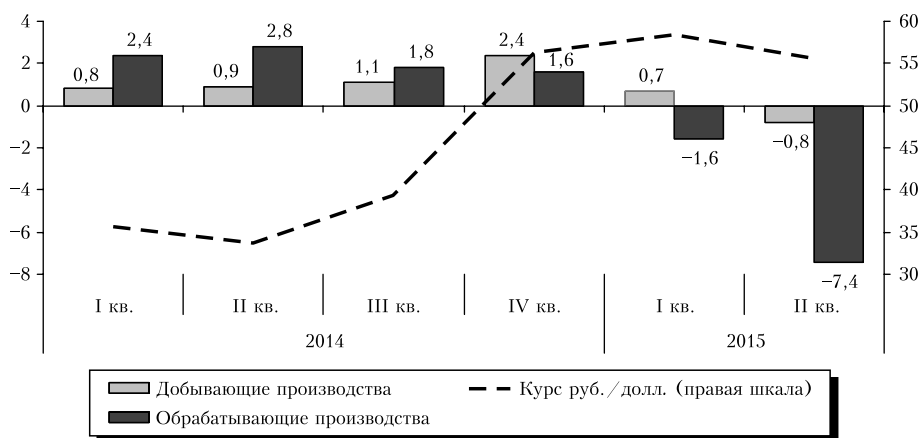
Очевидно, что наиболее конкурентоспособным товаром в таких условиях становилась продукция ТЭК, которая в целом отвечала требованиям мирового рынка. Поскольку на нее всегда приходилась значительная часть экспорта страны, возникшие из-за масштабной недооцененности валютного курса рубля возможности для осуществления сверхэффективных экспортных операций содействовали длительному укреплению сырьевой экспортной ориентации российской экономики.

Формируемый таким образом валютный курс был затем взят за основу при установлении официального курса рубля. Последовавшее в 1996 г. присоединение РФ к VIII статье устава МВФ обязывало нашу страну перейти на единый валютный курс рубля, причем как по текущим, так и по капитальным операциям (инвестиции и т. д.), что означало существенное снижение эффективности инвестиций и относительное удешевление продаваемых активов.

Девальвация и качество экономического роста

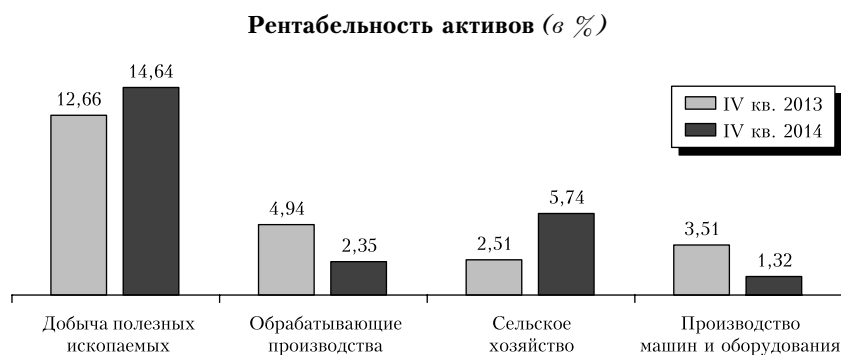
В 2014—2015 гг. из-за удешевления рубля ухудшилось качество экономического роста (рис. 3): в обрабатывающих отраслях его темпы стали замедляться, а в добывающих — повышаться. Показатели эффективности обрабатывающих производств также снизились (рис. 4).

Темпы прироста промышленности и курс руб./долл.,
2014—2015 гг. (год к году, в %)

Источник: Росстат.

Рис. 3

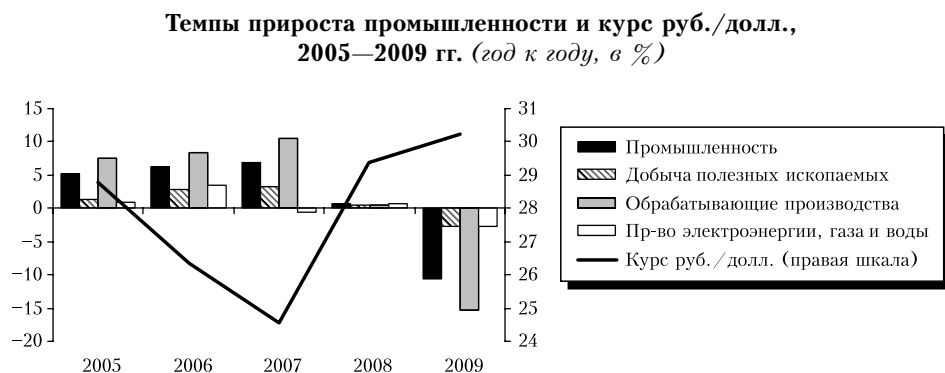

Источник: «Деловая Россия».

Рис. 4

Для участников рынка укрепление национальной валюты служит серьезным стимулом для проведения операций в рублях и создает дополнительную основу для инвестиционной деятельности. Более того, с 2005 г. начались изменения в структуре роста, когда темпы прироста продукции обрабатывающих производств существенно превысили динамику добычи полезных ископаемых. Еще в 2005 г., по оценкам Всемирного банка, отмечался быстрый рост внутреннего спроса и уверенный рост в отраслях, работающих на внутренний рынок. В результате был сделан вывод, что «наблюдаемые изменения в структуре промышленного роста (особенно в обрабатывающей промышленности) свидетельствуют о значительном влиянии реального укрепления рубля» (Всемирный банк, 2005. С. 6).

Указанные тенденции в целом сохранялись вплоть до кризиса 2008—2009 гг. (рис. 5). И хотя эксперты Всемирного банка задавали вопрос, насколько долговременным будет перелом тенденции в развитии обрабатывающей промышленности, тем не менее они констатировали, что ряд ее отраслей, ориентированных на внутренний спрос, «могут и далее процветать в условиях бума на внутреннем российском рынке» (Всемирный банк, 2007. С. 5).

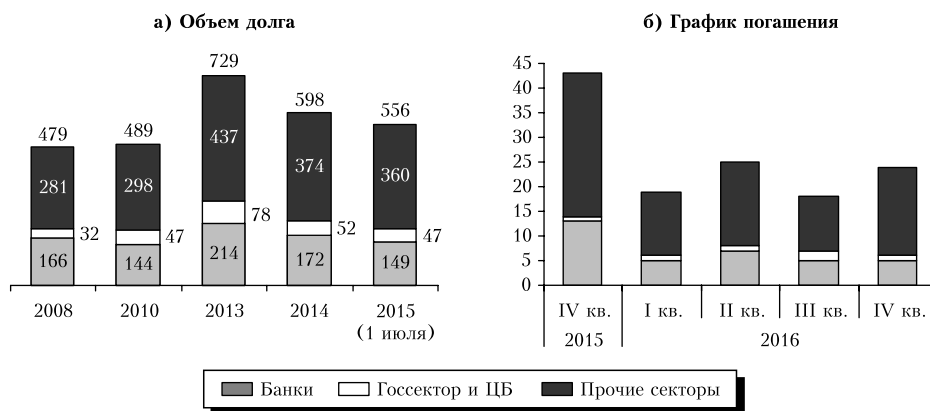
Источники: Росстат; ЦБ РФ.

Рис. 5

Таким образом, можно говорить о намечавшейся тогда тенденции к улучшению *качества роста* и постепенной (пусть медленной) переориентации «двигателей роста», во-первых, с *добывающей сферы на перерабатывающие отрасли* и, во-вторых, с *внешнего спроса на внутренний*. Уже после кризиса — в 2010 г. — был вновь сделан вывод, что двигателями экономического роста в России «являются обрабатывающие отрасли и внутренний спрос» (Всемирный банк, 2010. С. 5).

Кроме того, согласно оценкам МВФ, стремительное обесценение валют на развивающихся рынках обострило для их компаний проблемы заимствований в иностранной валюте и вызвало значительный отток капитала (IMF, 2015a. Р. ix). Указанная проблема крайне актуальна для России, учитывая высокий уровень корпоративного внешнего долга и объем ожидаемых платежей по нему (рис. 6).

Внешний долг РФ (млрд долл.)

Источник: ЦБ РФ.

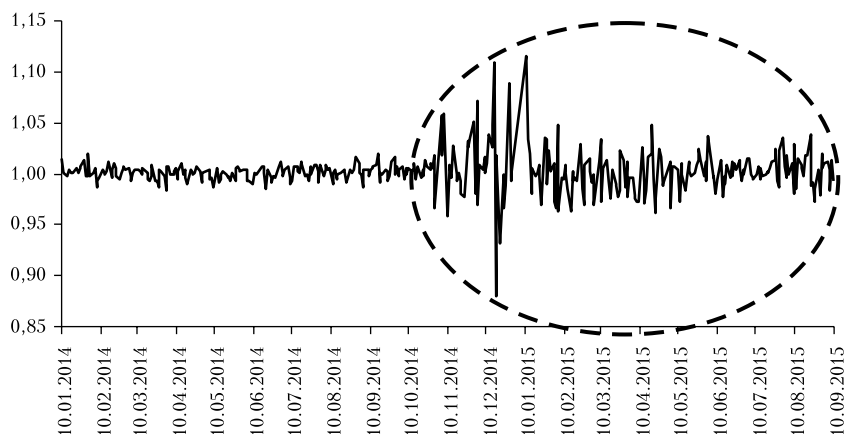
Рис. 6

О новой редакции денежно-кредитной политики Банка России

Вызывает сомнение эффективность достижения целей, обозначенных в новой редакции денежно-кредитной политики (ДКП) Банка России. В частности, одна из них звучит так: «Защита и обеспечение устойчивости рубля является основной функцией Банка России в соответствии с Конституцией Российской Федерации» (Банк России, 2015. С. 3). При этом введение режима свободного плавления резко увеличило волатильность рубля (рис. 7), создав большую неопределенность для субъектов экономики.

Кроме того, согласно Банку России, «устойчивость рубля обеспечивается посредством поддержания *ценовой стабильности* (курсив мой. — М. Е.), что является основной целью денежно-кредитной политики» (Банк России, 2015. С. 3). Только с ноября 2014 по январь 2015 г. инфляция выросла практически в два раза (с 8 до 15%). Указанный рост был вызван резким удешевлением рубля — с 45 до почти 70 руб./долл.

Индекс номинального курса рубля к доллару (к предыдущему дню)

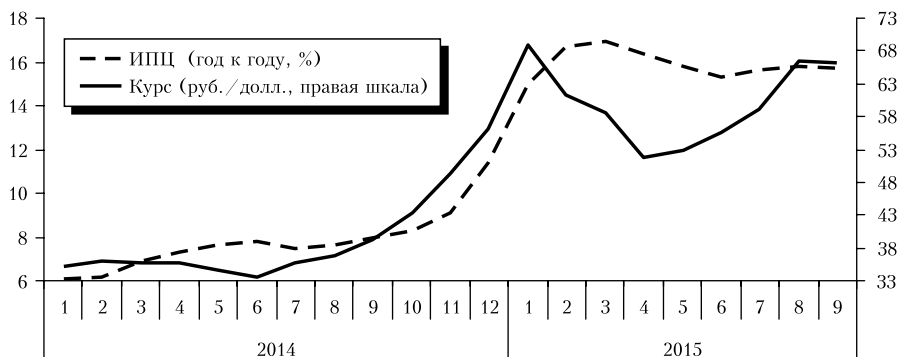
Источник: построено по данным ЦБ РФ.

Рис. 7

При этом, даже по оценкам Э. Набиуллиной, превышение инфляцией целевого уровня 5% примерно «на две трети обусловлено ослаблением курса»³. Другими словами, Банку России пока не удалось достигнуть ни первой цели — сохранить устойчивость рубля, ни второй — обеспечить ценовую стабильность.

В целом отметим сильную корреляцию между движением цен и валютным курсом (рис. 8). Также обратим внимание, что когда курс рубля начал меняться в обратную сторону, то есть укрепляться, цены снизились незначительно. Это лишний раз подчеркивает хорошо известную особенность поведения цен: они намного легче повышаются, чем снижаются.

Инфляция и курс рубля к доллару

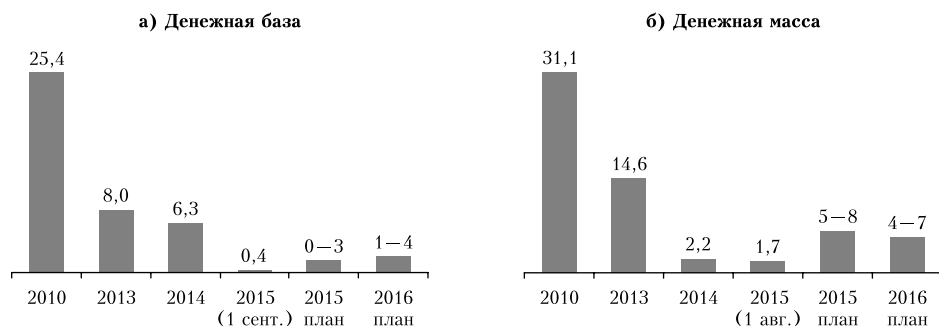
Источник: ЦБ РФ.

Рис. 8

³ Выступление Председателя Банка России Э. С. Набиуллиной в Государственной Думе РФ 16.06.2015 г.

Для стабилизации валютного рынка регулятор ограничил предоставление рублевой ликвидности, что, естественно, приведет к снижению темпов экономического роста. Другой причиной снижения будет медленный рост денежной базы и денежной массы, что прогнозируется в Основных направлениях денежно-кредитной политики ЦБ РФ на текущий период и на перспективу (рис. 9).

**Темпы прироста денежной базы и денежной массы (M2),
согласно денежно-кредитной политике ЦБ РФ
(с начала года, в %)**

Источник: Банк России, 2015.

Рис. 9

**Нужно ли повышать монетизацию
российской экономики за счет нефтяного сектора?**

Складывающийся дефицит федерального бюджета (в 2015 г. ожидается 2,9% ВВП) у многих вызывает опасения. При этом следует иметь в виду, что дефицит выступает неотъемлемым атрибутом будущего экономического роста. Даже на микроуровне, чтобы произвести продукцию и получить прибыль, необходимо сначала купить сырье, нанять рабочую силу, арендовать помещение и т. д., то есть изначально работать в условиях дефицита и лишь потом — после реализации продукции — покрыть его за счет дохода, обеспечивая рост. Поэтому дефицит служит важным механизмом поддержания роста. Но здесь главное — решить проблему финансирования дефицита.

В прежние годы основным источником такого финансирования в российской экономике была внешняя сфера. В период санкций, когда доступ к внешним займам ограничен, субъекты экономики для получения средств должны прежде всего выходить на внутренние рынки. Внутренние источники финансирования имеют два основных компонента: первый — частный сектор (корпоративные средства и средства населения), второй — госсектор. Объемов средств первого недостаточно для обеспечения необходимого роста экономики. Кроме того, при направлении этих средств на бюджетные цели не будет поддерживаться рост экономики в целом (поскольку вместо требуемого прироста финансовых ресурсов мы получим лишь их переток из од-

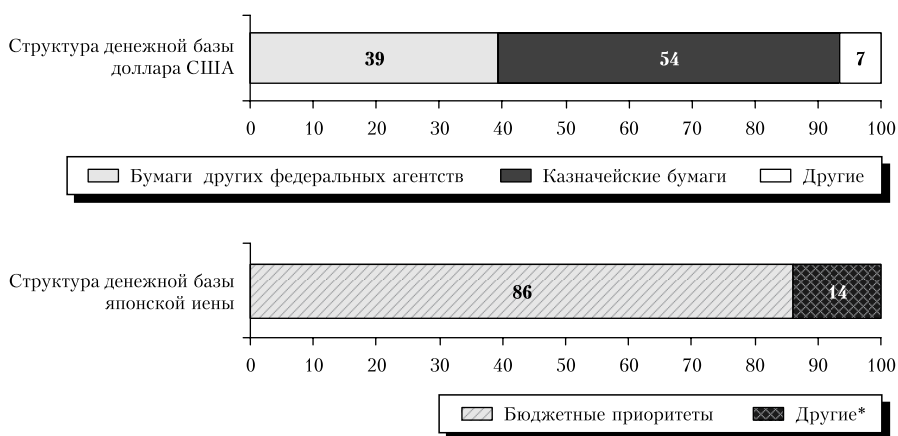
них отраслей в другие). Поэтому вызывают сомнение предложения об изъятии дополнительных доходов, полученных нефтяным сектором от девальвации рубля, для покрытия дефицита бюджета, которые активно обсуждают в правительстве.

Проблему обеспечения экономического роста можно эффективно решать без ущерба для отдельных отраслей при более активном использовании целевого финансирования с включением в процесс денежных властей (ЦБ и Минфина). Например, в США и Японии наиболее важным источником финансирования роста выступает государственный (бюджетный) механизм при одновременном участии в финансировании ЦБ как главного источника финансовых ресурсов и эмиссионного центра. Данные подходы успешно применяют в этих странах в течение многих десятилетий (рис. 10). В США на казначейские облигации приходится 93% денежной базы доллара, а в Японии на японские гособлигации — 83% денежной базы иены. Согласно опубликованному годовому отчету Центрального банка РФ за 2014 г., доля долговых обязательств Минфина РФ в денежной базе рубля составляет всего 3,8% (на начало 2015 г.).

В США и Японии ЦБ покупает госбумаги, выпущенные их Минфином, и одновременно осуществляет эмиссию, причем целевую, которая направляется соответственно Министерству финансов. При этом купленные ЦБ бумаги потом обычно не участвуют в обратной операции, предполагающей продажу бумаг на рынке и стерилизацию эмитированных денег. Приобретенные госбумаги, как правило, размещают на балансе ЦБ до срока их истечения (на 10, 20, 30 лет). Другими словами, экономика получает «длинные» и целевые инвестиционные ресурсы. Более того, когда срок обращения бумаг заканчивается, часто осуществляют новую эмиссию и покупают новые бумаги, что делает

Структура денежной базы доллара США и японской иены

(июль 2015 г., в %)

* Другие включают в том числе золото, финансирование под обеспечение различных инструментов (облигации, коммерческие бумаги и т. д.).

Источники: данные ФРС США, Банка Японии.

Рис. 10

процесс поддержания «длинных» ресурсов в экономике при необходимости практически бессрочным.

Участие ЦБ в указанных механизмах позволяет финансировать решение бюджетных задач, *не сокращая ликвидность финансового рынка в целом*. Если бы госбумаги просто размещали на вторичном рынке, то их — при интересе со стороны его участников — покупали бы частные компании и банки, и тогда инвестированные ими средства ушли бы на финансирование указанных госпрограмм. На иные цели текущей коммерческой деятельности (кредитование и т. д.) средства уже нельзя было бы израсходовать. В результате денежные власти формируют мощный пласт целевых «длинных» денег в соответствии с приоритетами экономической политики (ипотека, малый бизнес, региональные программы и т. д.).

По сути, ЦБ предоставляет долгосрочный кредит экономике, а она таким образом уже изначально получает существенный инвестиционный потенциал, который мультиплицируется по мере подключения к работе с «длинными» проектами частного сектора (субподрядчиков и т. д.). Более того, целевая эмиссия позволяет направлять финансовые ресурсы на приоритетные цели, что насыщает соответствующие сферы ресурсами и снижает процентные ставки (как в последние годы в США, где в результате использования указанных механизмов ставки по ипотечным займам снизились с 7–8% до 3–4%).

В целом задействование механизма целевой долгосрочной эмиссии будет способствовать насыщению экономики «длинными» деньгами, диверсификации инструментов на рынке, оживлению соответствующего сегмента рынка, снижению процентных ставок. При этом другие отрасли экономики сохранят свои финансовые ресурсы и получают преимущества благодаря новым возможностям.

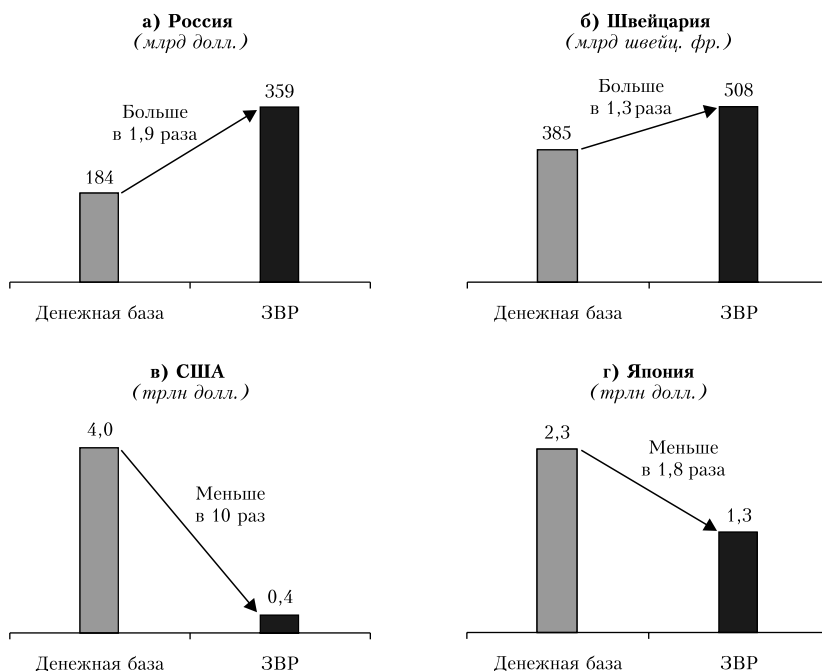
О возможностях курсовой стабильности

Произошедшую масштабную девальвацию рубля можно было предотвратить, поскольку регуляторы имеют возможности обеспечить стабильность валютного курса благодаря большим золотовалютным резервам России. Их объема более чем достаточно, чтобы переломить любые тренды на рынке и помочь установить необходимые курсовые ориентиры. Зарубежные эксперты также указывают на это обстоятельство, говоря, что «Россия — страна с валютой, обеспеченной золотом», и лишь вопрос времени, когда она это преимущество реализует⁴.

Размер золотовалютных резервов России сейчас превышает величину всей рублевой эмиссии (денежной базы) почти в два раза. По этому критерию рубль относится к категории обеспеченных валют (о чем необходимо напоминать рынку) (рис. 11).

⁴ Washington Times. 2015. April 30.

Объем ЗВР и денежная база ряда стран
(конец 2014 г., апр. 2015 г.)

Источники: центральные банки соответствующих стран.

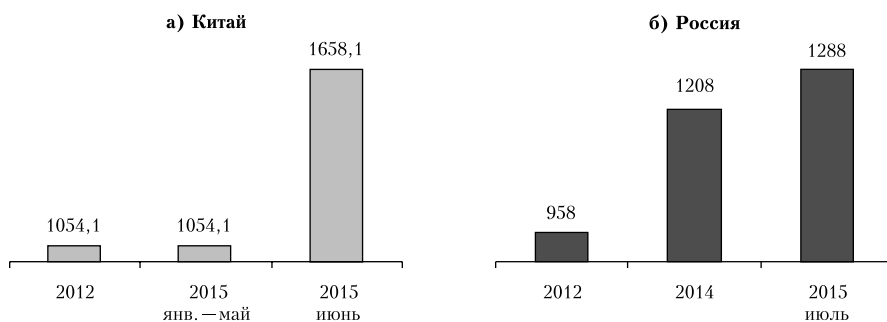
Рис. 11

Другими словами, все рубли в экономике теоретически могут быть стерилизованы. Естественно, никто этого делать не будет, но нужно довести до сведения участников рынка, что при необходимости регуляторы имеют масштабные возможности воздействовать на него. Кроме того, указанные объемы ЗВР технически позволяют регуляторам установить такой валютный курс рубля, который целесообразен для решения задач, стоящих перед экономикой. Если объяснить участникам рынка предпочтения и возможности регуляторов, то рынок будет играть не против них, а вместе с ними, иначе это будет означать потери для таких игроков. Другое дело, что у нас регуляторы придерживаются режима невмешательства, поэтому участники рынка теряются в догадках относительно дальнейшего тренда на нем.

О «подушках безопасности»

Напряжение, уже отмечающееся на отдельных рынках, заставляет некоторых ведущих участников создавать антикризисную «подушку безопасности», которая позволит пережить финансовые потрясения и сохранить свои позиции в условиях возможных кризисных обострений. Так, Китай и Россия за последние годы масштабно увеличили

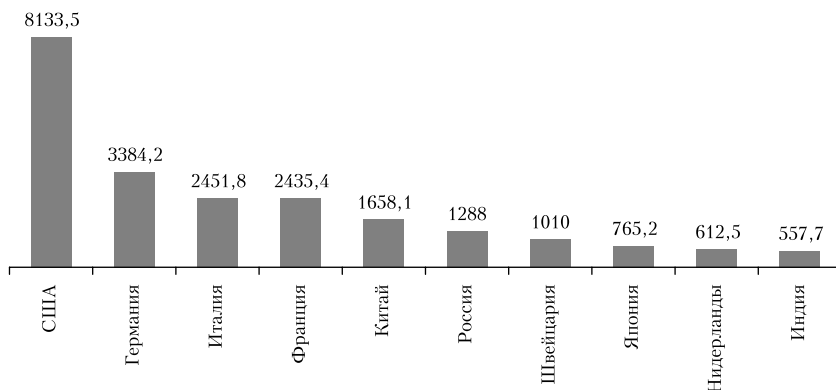
Официальные запасы золота в ЗВР (т)

Источники: tradingeconomics.com; ЦБ РФ.

Рис. 12

Крупнейшие страны — владельцы золота в ЗВР, февр.—июль 2015 г. (т)

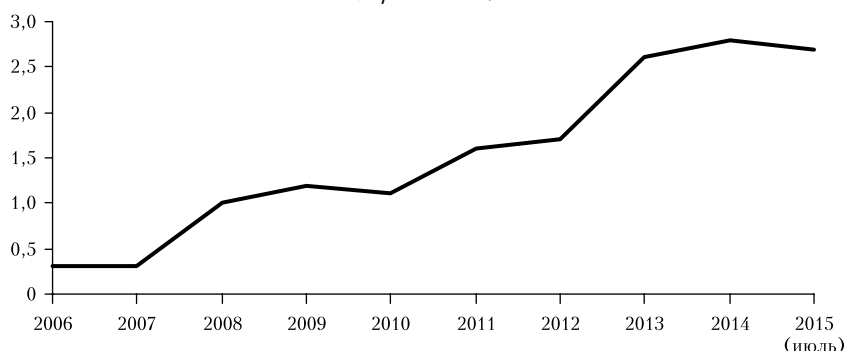
Источник: World Gold Council.

Рис. 13

запасы золота (рис. 12), причем КНР сделала это наиболее резко именно в последние месяцы. При этом обе страны располагают значительными золотыми резервами (рис. 13).

По имеющимся сведениям, Китай начал распродажу американских казначейских облигаций, что, по-видимому, может быть связано не только с необходимостью получить валюту для поддержки юаня, но и с негативными оценками перспектив американской экономики. Только за июль—август 2015 г. объем продаж этих облигаций, по оценкам, превысил 100 млрд долл. Американские, и не только, инвесторы переводят значительную часть активов в наличные деньги (рис. 14—15). Так обычно происходит, когда нет уверенности в перспективах рынка. В частности, американские банки размещают свою ликвидность на резервных счетах в ФРС (рис. 16), по сути выводя деньги из экономики. Этот факт в немалой степени объясняет то, что при масштабной накачке (эмиссии) долларов (рис. 17) инфляция в США остается низкой — около 0,2% (июль 2015 г./июль 2014 г.).

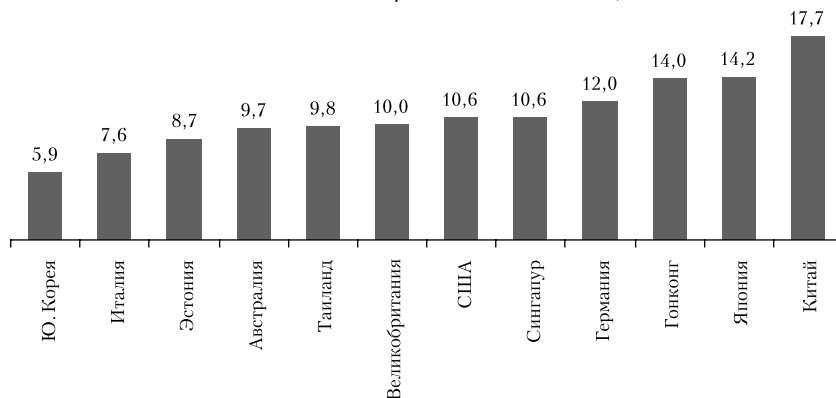
Наличные средства в активах коммерческих банков США (трлн долл.)

Источник: US Fed.

Рис. 14

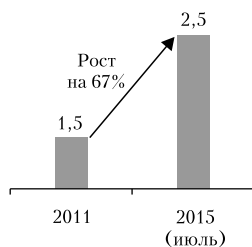
Наличные средства в активах нефинансовых предприятий, 2010—2012 гг. (среднее значение, в %)

Источник: US Fed.

Рис. 15

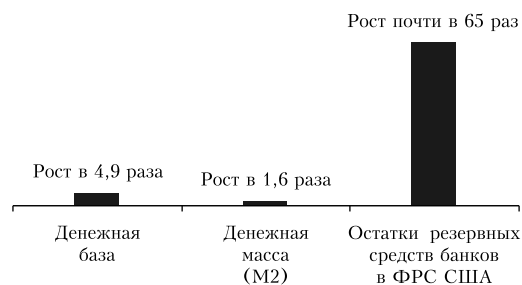
Объем избыточных резервов банков, хранящихся в ФРС США, 2007—2014 гг. (трлн долл.)

Источник: Sher, 2014.

Рис. 16

США: рост денежной базы, денежной массы и остатков резервных средств, 2011 — июль 2015 г. (трлн долл.)

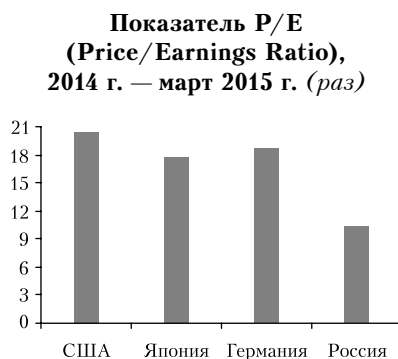

Источник: US Fed.

Рис. 17

В американском штате Техас принят закон о репатриации золотой квоты штата, хранящейся в ФРС Нью-Йорка (в размере 1 млрд долл.), в золотые хранилища самого штата. По-видимому, его руководство испытывает недоверие к федеральным властям и в случае наступления кризиса считает целесообразным хранить все золото у себя. Данный факт иллюстрирует настроения отдельных участников; по мере ухудшения ситуации они могут получить более широкое распространение.

По оценкам Дж. Роджерса, в настоящее время Россия — один из самых привлекательных рынков с точки зрения инвестиций. По сути, речь идет о двойном эффекте недооцененности применительно к нашей стране. С одной стороны, фундаментально недооценены сами активы (акции и др.), а с другой — недооценен валютный курс. С учетом этого суммарная оценка полученных иностранными инвесторами российских финансовых активов еще больше возрастает. Действительно, по показателю Р/Е (отношение цены акции к доходу) Россия по-прежнему существенно отстает от рынков многих стран (рис. 18).

Источники: IMF, 2015d; Bloomberg.

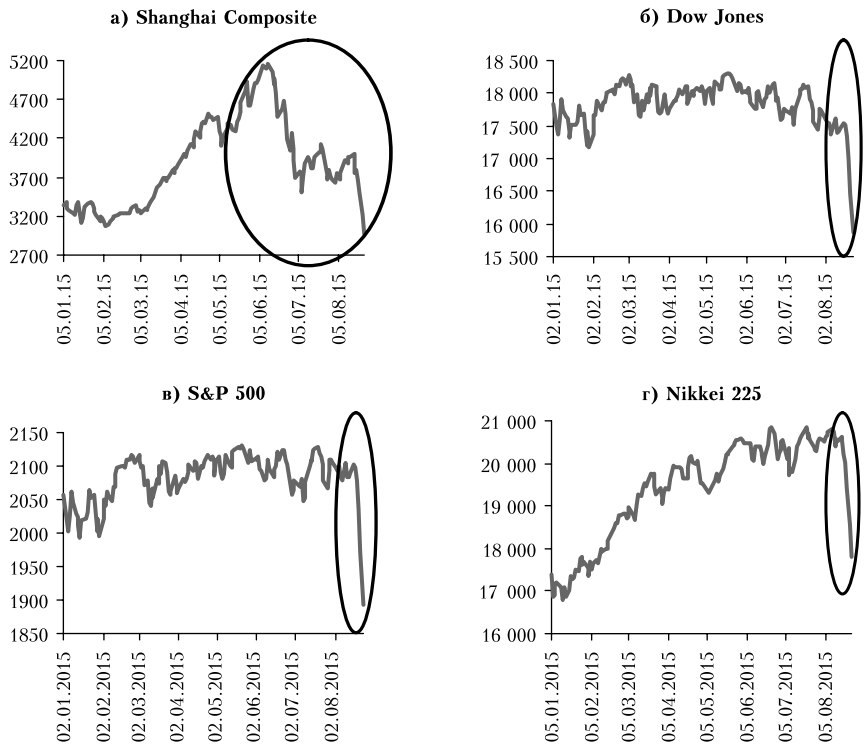
Рис. 18

«Риски продолжают перемещаться на развивающиеся рынки... на фоне повышенных уровней рыночного риска и риска ликвидности», — говорится в октябрьском обзоре финансовой стабильности МВФ (IMF, 2015с. Р. 1). Действительно, именно падение на китайском фондовом рынке в июне 2015 г. было предвестником масштабного снижения мировых фондовых индексов в конце августа (рис. 19). Хотя затем рынки развернулись, отыграв в значительной степени потери, участники понимают, что существует угроза последующего, более глубокого падения (как уже бывало).

Указанные события были ожидаемы, поскольку масштабная накачка ликвидности со стороны ЦБ ведущих стран в ходе борьбы с последним финансовым кризисом привела к избытку средств в мире, которые ищут сферы вложения. В условиях очень низких процентных ставок это приводит к объемным вложениям финансовых ресурсов в различные активы (в первую очередь акции), что вызывает неоправданный рост цен на них и ведет к перегреву рынков, повышая вероятность очередного финансового кризиса. При этом финансовые кризисы происходят с периодичностью 6—8 лет, не совпадающей с периодичностью других известных циклов (Кондратьевский и др.) (рис. 20).

Эти кризисы, прямо не связанные с реальной экономикой, все равно имеют свою периодичность. Поэтому можно предположить либо собственную периодизацию циклов в финансовой сфере, либо их искусственный, рукотворный характер, при котором кризисы провоцируют, чтобы решать некие системные задачи (передел сфер влияния, собственности и др.).

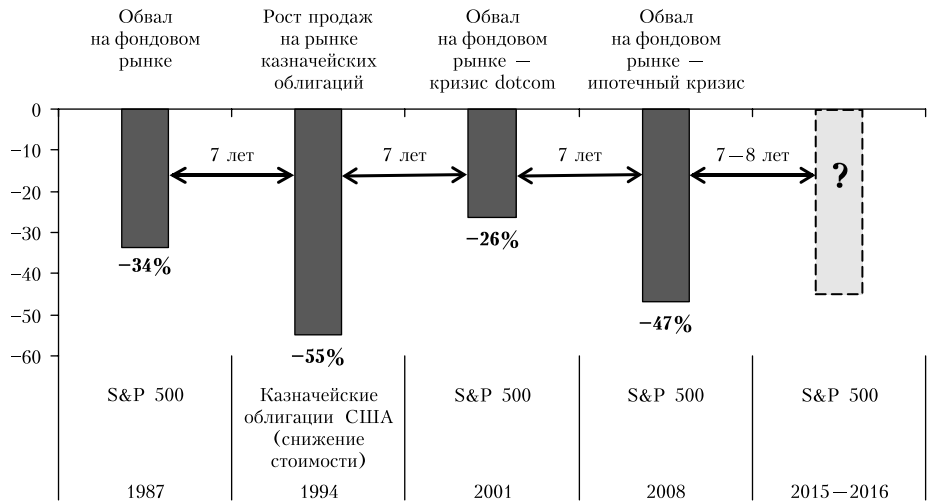
Индекс Dow Jones 21 августа — 1 сентября 2015 г.
(по итогам дня)

Источник: Bloomberg.

Рис. 19

Цикличность провалов рынка
(динамика индекса S&P 500, в %)

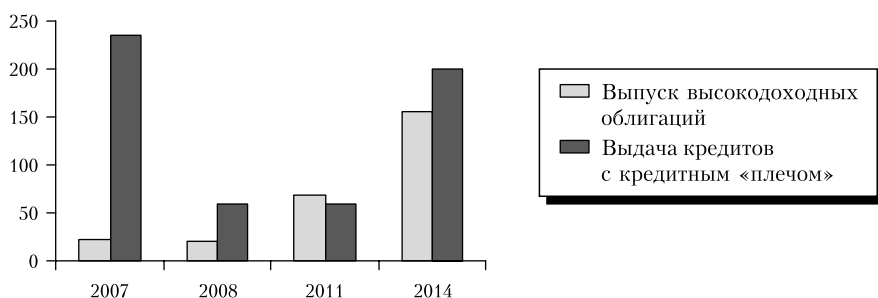
Источник: Bloomberg.

Рис. 20

Согласно указанной периодичности, 2015–2016 гг. могут стать годами серьезных финансовых осложнений в мире. По мнению Роджерса, «в течение ближайших 1–2 лет мы увидим огромные проблемы на мировом финансовом рынке»⁵. По оценкам Р. Пола, США находятся на пороге «катастрофического экономического кризиса, гораздо более плохого, чем кризис 2008 г.»⁶. При этом многие эксперты считают, что падение рынков может превысить 50% и наступление такого кризиса лишь дело времени, поскольку фундаментальные диспропорции не устраняются, а только обостряются.

Из-за низкой доходности большинства стандартных бумаг усиливается интерес инвесторов к более высокодоходным инструментам. Их роль снова начинает расти, увеличивая риски в финансовой системе (рис. 21).

Выпуск высокодоходных облигаций и выдача кредитов с кредитным «плечом» в странах зоны евро (млрд евро)

Источник: ЕЦБ.

Рис. 21

Участники рынка начинают активнее использовать кредитное «плечо», что проявляется в увеличении показателя маржинального долга (margin debt). В результате внутри финансовой системы формируются большие пузыри и возникает потенциал ее дестабилизации. Обратим внимание на падения, которые следовали за ростом указанного показателя в прошлом (рис. 22).

Подчеркнем, что американский фондовый рынок по ряду показателей в настоящее время находится на уровне, превышающем докризисные пики — пузыря технологических акций dotcom 2000–2001 гг. и ипотечного пузыря 2005–2007 гг. (рис. 23). Показатель уровня капитализации в целом приближается к максимальным значениям за 50 лет (рис. 24). Напомним, что после обоих пиков произошло масштабное падение котировок (рис. 25).

Отметим также, что показатель Р/Е превышает свои докризисные пики и для мира в целом (рис. 26). Следовательно, растут риски обвала (отдельные примеры, в частности, снижение китайского индекса Shanghai Composite почти на 30% за месяц, подтверждают это).

⁵ <http://www.peakprosperity.com/>.

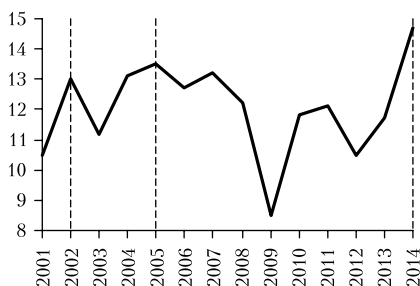
⁶ РИА Новости. 2015. 16 апр.

Источник: investing.com.

Рис. 22

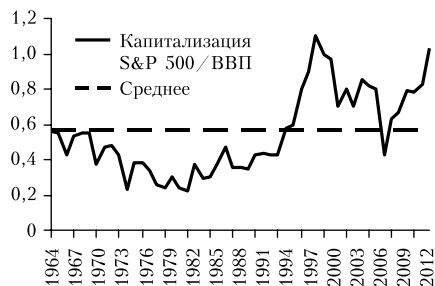
**Американский фондовый рынок
перегрет (отношение цены акции
к доходу, P/E, раз)**

Источники: moneynews.com; Bloomberg;
cnbc.com.

Рис. 23

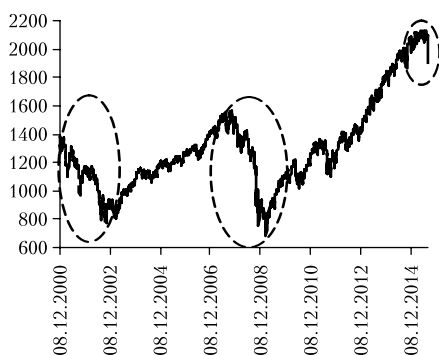
**США: Капитализация
S&P 500/ВВП (ед.)**

Источники: Haver Analytics; BofA Merrill
Lynch Equity & US Quant Strategy.

Рис. 24

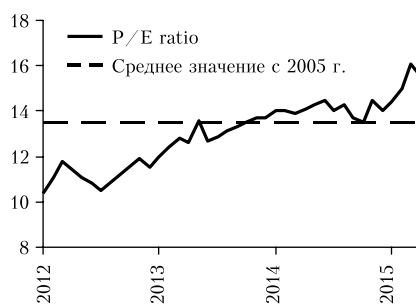
Котировки индекса S&P 500

Источник: Bloomberg.

Рис. 25

**Мир: отношение цены акции
к доходу, P/E (раз)**

Источник: BIS.

Рис. 26

О перспективах

«Мы находимся в гигантском пузыре активов, который может лопнуть в любой момент», — считает крупный финансовый инвестор М. Фабер⁷. Несмотря на существующие риски, прогнозы МВФ выглядят достаточно стандартно и указывают на возможность продолжения роста мировой экономики и отдельных стран при замедлении развития некоторых из них (Россия, Бразилия, см. таблицу). Однако при этом мы хорошо помним, что все последние кризисы не были предсказаны.

Т а б л и ц а

ВВП ряда стран: прогноз МВФ (в %)

	2015	2016
Мир	3,1	3,6
США	2,6	2,8
Германия	1,5	1,6
Япония	0,6	1,0
Великобритания	2,5	2,2
Китай	6,8	6,3
Индия	7,3	7,5
Бразилия	-3,0	-1,0
Россия	-3,8	-0,6

Источник: IMF, 2015e.

С учетом вероятности кризисного развития событий в России следует создать механизмы, минимизирующие воздействие внешних шоков. Особую актуальность приобретут меры по обеспечению валютно-финансовой стабильности, уменьшению зависимости от международного финансирования и увеличению значения внутренних источников финансовых ресурсов. При этом необходимо активизировать деятельность национальных монетарных властей по формированию «длинной» ресурсной базы как основы долгосрочного развития. В целом можно использовать широкий круг мер, которые обеспечат России запас геоэкономической и геополитической прочности, необходимый для повышения ее системообразующей роли в новых условиях возможной глобальной нестабильности.

Список литературы / References

- Банк России (2015). Основные направления единой денежно-кредитной политики на 2016 год и период 2017 и 2018 годов. Москва. Проект от 11 сент. [Bank of Russia (2015). *Guidelines for the single state monetary policy in 2016 and for 2017 and 2018*. Draft as of September 11. Moscow. (In Russian).]
- Всемирный банк (2005). Доклад об экономике России, № 11. [World Bank (2005). *Russia economic report*, No. 11.]
- Всемирный банк (2007). Доклад об экономике России, № 14. [World Bank (2007). *Russia economic report*, No. 14.]

⁷ <http://www.moneynews.com>.

- Всемирный банк (2010). Доклад об экономике России, № 23. [World Bank (2010). *Russia economic report*, No. 23.]
- Ершов М. В. (2000). Валютно-финансовые механизмы в современном мире (кризисный опыт конца 90-х). М.: Экономика. [Ershov M. V. (2000). Monetary and financial mechanisms in the modern world (The experience of the crisis of the late 90's). Moscow: Ekonomika. (In Russian).]
- IMF (2014). *Russian Federation — Concluding statement for the 2014 Article IV consultation mission*. April 30.
- IMF (2015a). *Global financial stability report*. April. Wash.
- IMF (2015b). *Article IV consultation with the United States of America concluding statement of the IMF mission*. May 28. Washington, DC.
- IMF (2015c). *Global financial stability report*. October. Washington, DC.
- IMF (2015d). *World economic outlook. Uneven growth: Short- and long-term factors*. April. Washington, DC.
- IMF (2015e). *World economic outlook. Adjusting to lower commodity prices*. October. Washington, DC.
- Sher G. (2014). Cashing in the growth: Corporate cash holdings as an opportunity for investment in Japan. *IMF Working Paper*, No. WP/14/221.
-

The Opportunities of Growth in the Environment of Currency Collapses in Russia and Financial Bubbles in the World

Mikhail Ershov

Author affiliation: Institute for Energy and Finance; Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).
Email: lupandina@fief.ru.

Introduction of the free-float regime of exchange rate of the Russian ruble coupled with the fall of oil prices led to sizeable ruble depreciation. All oil-exporters devalued their currencies, however the devaluation of the ruble was the most significant. Against the backdrop of remaining instability in the world economy where a lot of financial indicators reach their pre-crisis highs, it makes the global situation highly unstable and the creation of anti-crisis buffers and stabilizing mechanisms extremely relevant for Russia.

Keywords: monetary policy, central banks' policies, exchange rate, inflation, financial markets.

JEL: E52, E58, F31, P44, O16.

С. Андрюшин

Аргументы в пользу управления обменным курсом рубля*

В статье анализируются целевые ориентиры и операционные инструменты денежно-кредитной политики Банка России. События 2014—2015 гг. показали, что режим полного таргетирования инфляции нельзя считать эффективным целевым ориентиром денежно-кредитной политики Банка России. Ключевая процентная ставка не может отражать адекватную цену хранения и использования денежных средств населения, финансовых и нефинансовых организаций. Плавающий режим обменного курса не стал механизмом абсорбирования внешних шоков, а лишь усилил волатильность обменного курса рубля. Управление им — единственный эффективный режим денежно-кредитной политики Банка России в современных условиях.

Ключевые слова: Банк России, денежно-кредитная политика, ключевая процентная ставка, валютный курс, пруденциальные требования, таргетирование инфляции.

JEL: E52, E58.

*85-летию со дня рождения академика
Л. И. Абалкина посвящается*

После финансового кризиса 2008—2009 гг. Банк России начал перестраивать целевые ориентиры денежно-кредитной политики (ДКП). В качестве приоритетной цели был выбран режим полного таргетирования инфляции при отказе регулятора от целевого воздействия на курсовую динамику рубля, а краткосрочные процентные ставки стали определяющими для ценообразования на денежном рынке. В сентябре 2013 г. Банк России обнародовал новую систему процентных инструментов ДКП (ключевую ставку, коридор процентных ставок, инструменты по абсорбированию и предоставлению ликвидности; изменилась роль ставки рефинансирования), а в ноябре 2014 г. объявил о переходе от режима мягкой привязки рубля к режиму его свободного плавания. В начале

Андрюшин Сергей Анатольевич (sandr956@gmail.com), д. э. н., проф., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН (Москва).

* Автор выражает признательность анонимному рецензенту за ценные замечания.

2015 г. Банк России заявил, что завершил переход к режиму таргетирования инфляции, сделав основным операционным инструментом ДКП ключевую процентную ставку. В рамках данного режима Банк России планирует в среднесрочной перспективе за счет регулирования ключевой ставки обеспечить снижение текущих темпов инфляции до прогнозного целевого уровня (4% в 2017 г.) и ограничить свое присутствие на внутреннем валютном рынке лишь незначительными операциями по сглаживанию чрезмерных колебаний рублевой стоимости бивалютной корзины.

События конца 2014 и 2015 гг. показали, что процентная политика Банка России в условиях кризиса ликвидности не может адекватно отражать цену хранения и использования денежных средств населения, финансовых и нефинансовых организаций. Плавающий режим обменного курса не стал механизмом поглощения внешних шоков, а усилил волатильность обменного курса рубля. Вместо стабилизации валютных ожиданий смена режима обменного курса усилила долларизацию экономики, ускорила расходование суверенных международных активов и спад кредитной активности российских банков.

Отметим неэффективность целевого режима полного таргетирования инфляции и антикризисных мер Банка России по поддержанию устойчивости российского финансового сектора. В условиях внешних санкций, наличия в экономике финансовых дисбалансов и роста «плохих» долгов на балансах российских банков Банку России целесообразно отказаться от продления антикризисных мер, а также сменить действующий режим ДКП. Переход Банка России к новому целевому режиму — *таргетирования валютного курса* — позволит уже в среднесрочной перспективе восстановить кредитную активность российских банков, стабилизировать ситуацию на внутреннем финансовом (банковском) рынке, снизить девальвационные и инфляционные ожидания в экономике — как частного бизнеса, так и населения.

Современные приоритеты денежно-кредитной политики центральных банков

После финансового кризиса 2007–2009 гг. центральные банки (ЦБ) многих стран стали искать новые способы воздействия на финансовые и денежные рынки для стабилизации темпов инфляции (дефляции), обменного курса и экономической активности в целом. До глобального кризиса традиционные теоретические представления исходили из того, что оптимальным инструментом ДКП в развитых странах выступает регулирование краткосрочных процентных ставок денежного рынка. Но этот вывод не распространялся на страны с формирующимся рынком, где финансовые рынки развиты недостаточно. В условиях, когда ключевые процентные ставки в развитых странах были снижены практически до нуля, особую актуальность приобрела разработка нового адекватного инструментария ДКП. Не менее важна эта проблема и для ЦБ стран с формирующимся рынком, в которых приток и внезапный отток оптового и розничного фондирования снижают эффективность внутренней процентной политики.

В настоящее время перед всеми ЦБ стоит ряд нерешенных теоретических и практических проблем:

- может ли ЦБ в условиях тесной интеграции национальных финансовых рынков проводить независимую процентную политику без учета ситуации на мировых рынках;

- может ли ЦБ только за счет установления ключевой (краткосрочной) процентной ставки и коридора процентных ставок добиваться целевого значения темпов инфляции (дефляции) или других макроэкономических показателей;

- должно ли обеспечение стабильности потребительских цен (ИПЦ) быть единственным приоритетом деятельности ЦБ или ему следует прежде всего сосредоточиться на поддержании финансовой стабильности и/или экономического роста (высокой занятости);

- какими должны быть институциональные рамки взаимодействия ЦБ (без потери финансовой и операционной независимости) с другими финансовыми регуляторами и национальными правительствами?

Однозначных решений этих проблем пока найти не удалось. Обобщение практики ЦБ разных стран и разработка новых макромоделей требуют времени. Но по ряду указанных выше вопросов специалисты уже выработали некоторые общие подходы.

Во-первых, в открытой экономике (при отсутствии ограничений по операциям финансового счета) национальная процентная политика должна учитывать тренд динамики среднемировых процентных ставок. Если национальные хозяйствующие субъекты в значительных объемах привлекают средне- или долгосрочные международные заимствования, то при проведении процентной политики ЦБ должен учитывать этот тренд, более того, необходимо подстраивать краткосрочные ставки к уровню среднемировых долгосрочных процентных ставок (Gambacorta et al., 2014; Turner, 2014).

Во-вторых, использование ЦБ только одного инструмента — ключевой процентной ставки — для достижения целевых значений нескольких макроэкономических переменных может не дать прогнозируемых результатов, особенно если национальные финансовые посредники предпочитают привлекать оптовое фондирование с внешних рынков и/или их финансовое состояние сильно зависит от волатильности курса национальной валюты. В этих случаях ключевая процентная ставка национального ЦБ не будет определять ни ставки межбанковского рынка, ни ставки кредитов субъектам реальной экономики. В целом она перестает влиять на макроэкономическую ситуацию в национальной экономике (Woodford, 2010; Hofmann, Bogdanova, 2012).

В-третьих, для ограничения возможных негативных последствий, связанных с переходом к плавающему режиму обменного курса, такой переход следует начинать до либерализации операций с финансовым счетом. Но в условиях экономической рецессии, закрытия внешних рынков оптового и розничного фондирования, падения платежеспособного и инвестиционного спроса, недостаточного развития внутреннего финансового рынка такой переход может привести к негативным средне- и долгосрочным последствиям (BIS, 2013; Кузнецова, 2015).

В-четвертых, понятие «финансовая стабильность» и взаимосвязи финансовой и ценовой стабильности были переосмыслены. Если до глобального кризиса финансовая стабильность в основном имела микроэкономический смысл, то уже в ходе кризиса — макроэкономический. Учет взаимосвязей финансовой и ценовой стабильности требует, чтобы вмешательство регулятора в механизмы ценообразования на финансовом рынке (например, посредством повышения ключевой процентной ставки, прямых и косвенных валютных интервенций и других пруденциальных мер) не приводило к искажению цен на различные группы активов и посреднических услуг (Plosser, 2011; Vredin, 2015).

В-пятых, многочисленные эмпирические исследования последнего десятилетия показали, что между целями ДКП и функциями ЦБ часто возникают серьезные противоречия, а в ряде случаев обнаруживается их несовместимость, например, между целью поддерживать стабильность цен и функцией кредитора последней инстанции или между обеспечением стабильности цен и стимулированием экономического роста. В странах с формирующимся рынком усиление активности ЦБ как кредитора последней инстанции в условиях экономической рецессии вместо расширения кредитной экспансии, способствующей экономическому росту, приводит к стремительному наращиванию просроченной задолженности (Андрюшин, Кузнецова, 2009; 2010), что может спровоцировать системный банковский кризис.

Курсовая политика Банка России

Банк России обосновывал переход от режима управляемого обменного курса рубля к режиму плавающего курса, исходя из стандартного в докризисный период теоретического подхода, называемого в литературе «биполярное предписание» (сформулировано С. Фишером)¹. Суть данного подхода состояла в том, что при выборе режима обменного курса ЦБ предпочтительнее придерживаться либо режима плавающего курса, либо режима жесткой привязки и по возможности стараться избегать промежуточных режимов, которые могут усиливать восприимчивость национальной экономики к внешним шокам. Поэтому Банк России, руководствуясь «биполярным предписанием», полагал, что в условиях целевого режима таргетирования инфляции необходимо выбрать режим плавающего обменного курса, поскольку он будет функционировать как «встроенный стабилизатор», автоматически поглощая в экономике негативные внешние шоки. По всей видимости, при выборе режима обменного курса рубля российский регулятор не руководствовался общемировой практикой, сложившейся

¹ В 1999 г. МВФ рекомендовал странам-членам выбирать либо режим фиксированной привязки, включая валютное управление (Currency Board), либо режим гибкого плавания, поскольку, как показывали результаты эконометрического анализа, промежуточные режимы обменного курса делали национальные экономики более уязвимыми к внешним шокам. На практике данная рекомендация была реализована лишь в отдельных странах с формирующимся рынком, а в большинстве из них распространилась так называемая «боязнь свободного плавания» (см.: Ghosh, Ostry, 2009).

в посткризисный период в странах с формирующимся рынком, а она была не в пользу такого выбора. В этот период ЦБ данной группы стран в основном придерживались режима управляемого плавления (31%), жесткой привязки (20%), ползучей привязки/коридора (17%), привязки к одной валюте (14%) и только 11% — режима свободного плавления (Ghosh et al., 2014a. P. 8).

Банк России упразднил действовавший механизм курсовой политики (де-юре относившийся к управляемым режимам²) 10 ноября 2014 г., отменив интервал допустимых значений стоимости бивалютной корзины, на границах и за пределами которого он проводил регулярные валютные интервенции. Однако смена режима обменного курса не привела к стабилизации валютных ожиданий. Напротив, в условиях внешних санкций, падения цен на нефть³, роста чистой международной позиции субъектов российской экономики и оттока частного капитала (в том числе связанного с обслуживанием внешней задолженности) это спровоцировало панику на финансовых рынках, усилило волатильность обменного курса рубля и ускорило долларизацию российской экономики (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Показатели финансовых дисбалансов в экономике России

Показатель	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	01.07.2015
Чистая международная позиция РФ, млрд долл.	142,3	131,7	310,1	281,1
Чистые иностранные активы банковского сектора РФ, млрд руб.	1218	1769	4014	5590
Обязательства российских банков перед Банком России, млрд руб.	3006	4745	9543	7308
Операции РЕПО в иностранной валюте, млн долл.	не было	не было	20 245	32 829
M2x – M2, млрд руб.	4821	5867	10 921	11 309
ВВП в текущих ценах (ВВП т. п.), млрд руб.	62 176,5	66 190,1	71 406,4	68 112,0
Уровень долларизации экономики РФ ((M2x – M2)/ВВП т. п.) × 100, %	7,8	8,9	15,3	16,6 (21,1 — на 01.10.2015)

Источники: Банк России (<http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs>); расчеты автора.

Одним из основных факторов усиления оттока частного капитала в IV квартале 2014 г. стало погашение внешнего долга компаниями и банками в условиях сужения возможностей его рефинансирования из-за финансовых санкций ЕС и США. В IV квартале 2014 г. внешний долг частного сектора уменьшился на 66,9 млрд долл., а в целом за 2014 г. — на 103,6 млрд, до 547,6 млрд долл. (Банк России, 2015а. С. 12). Общий вклад погашения частного внешнего долга в отток капитала из страны в 2014 г. составил 44%. Не менее значимым был отток капита-

² Помимо классификации режимов обменного курса МВФ в литературе представлено еще несколько (см.: Ghosh et al., 2014b; Андрушин, Кузнецова, 2011).

³ Цена на нефть марки Urals снизилась с 87,3 долл./барр. в среднем за сентябрь—ноябрь 2014 г. до 55,1 долл./барр. за декабрь 2014 — февраль 2015 г.

ла, порожденный инвестициями корпоративного сектора и населения в зарубежные активы. Такие вложения представлены прямыми инвестициями (включая депозиты), долговым финансированием нерезидентов (кредиты и займы), вложениями в российские активы, номинированные в иностранной валюте, и приобретением наличной иностранной валюты. Увеличение инвалютных активов российских банков при значительном сокращении возможностей привлекать внешнее фондирование в основном обеспечивалось за счет предоставления Банком России инвалютной ликвидности (посредством сделок валютного РЕПО и «валютного свопа»). Тем самым, по сути, Банк России, восполняя дефицит инвалютной ликвидности на внутреннем рынке, брал на себя значительные валютные риски, что противоречит сути режима плавающего обменного курса. Переход к такому курсу, как свидетельствует ряд последних международных исследований (IMF, 2014; BIS, 2013; Андрюшин, 2014), увеличивает потери совокупного выпуска из-за снижения внутреннего платежеспособного спроса (в условиях экономической рецессии) и оттока частного капитала (в условиях либерализации операций с капиталом). В России указанные негативные эффекты режима плавающего обменного курса были усугублены недоступностью внешнего фондирования (объем размещения еврооблигаций и привлечение кредитов в июне—августе 2015 г. были близки к нулевым) и недостаточной глубиной финансового рынка (особенно облигационного), а также ростом инфляционных и девальвационных ожиданий (реальный курс рубля только в июне 2015 г. снизился на 6,5%, а в августе — более чем на 11,0%).

Игра на обесценение национальной валюты стала одним из наиболее прибыльных видов деятельности не только для банков, но и для хозяйствующих субъектов и населения. С декабря 2013 по август 2015 г. общий объем торгов на валютном рынке РФ вырос на 87,6%, в том числе кассовые операции (спот) увеличились с 5,0 трлн до 11,6 трлн руб., а сделки «валютный своп» — с 11,9 трлн до 20,1 трлн руб. (табл. 2). Более того, если исходить из часто используемого в литературе определения различных финансовых кризисов, то смена режима обменного курса в нашей стране стала триггером валютного кризиса, угрожающего перерасти в полномасштабный системный банковский кризис⁴.

Для сглаживания резких колебаний курса рубля и предотвращения распространения кризисных явлений Банк России в 2014 г. потратил на валютные интервенции 87,8 млрд долл. (Банк России, 2015а. С. 13). При этом только с 10 ноября

Т а б л и ц а 2

Операции на валютном рынке (ММВБ—РТС) РФ в месяц (трлн руб.)

Период	Общий объем торгов	Кассовые операции (спот)	Сделки «валютный своп»
Декабрь 2013 г.	16,9	5,0	11,9
Декабрь 2014 г.	25,6	10,0	15,7
Август 2015 г.	31,7	11,6	20,1

Источник: Московская биржа (<http://moex.com>).

⁴ О критериях выделения системного банковского кризиса см.: Laeven, Valencia, 2012.

2014 г. до конца года для предотвращения краха банковской системы Банк России был вынужден провести 15 валютных интервенций на сумму более 13,1 млрд долл., резко увеличить программы рублевого и инвалютного рефинансирования банков. Для относительной нормализации ситуации на национальных финансовых рынках Банку России пришлось привлекать ресурсы Министерства финансов РФ. В частности, некоторую поддержку курсу рубля оказали операции Банка России на внутреннем валютном рынке, связанные с продажей Федеральным казначейством иностранной валюты с его валютных счетов в Банке России.

К концу декабря 2014 г. Банк России сумел приостановить нарастание напряженности на валютном рынке, реализовав комплекс мер, включая повышение ключевой ставки до 17% годовых, предоставление инвалютной ликвидности, смягчение регулятивных требований к финансовым и кредитным организациям, а также благодаря некоторой стабилизации цены на нефть в третьей декаде декабря (на уровне около 60 долл./барр.) и увеличения крупнейшими экспортерами продаж экспортной валютной выручки. Тем не менее рублевая стоимость бивалютной корзины с 10 ноября до конца 2014 г. выросла более чем на 10 руб. — с 51,00 до 61,70 руб., курс рубля за полтора месяца обесценился на 21,0%. В целом за 2014 г. прямое влияние обменного курса на инфляцию, по оценкам Банка России, составило 2,5 п. п., а с учетом косвенных эффектов (за счет повышения экспортных пошлин) — свыше 4 п. п. (Банк России, 2015а. С. 40). В 2015 г. оно усилилось еще больше. Так, в августе 2015 г. вклад курсовой динамики в годовую инфляцию составил 7 п. п. (Банк России, 2015с. С. 38).

В 2015 г. динамика обесценения обменного курса рубля в основном определяется тремя факторами: падением мировой цены на нефть, объемом платежей нефинансового сектора и банков по внешнему долгу и соответствующим ухудшением ситуации в бюджетной системе страны. В ближайшей перспективе их негативное воздействие скорее всего усилится. Так, за год, с августа 2014 г. по август 2015 г., средняя цена нефти марки Urals снизилась в 2,2 раза⁵. При этом снижение нефтяных котировок только в июне—августе 2015 г. на 17,4% сопровождалось ростом курса USD/RUB на 22,8% (Банк России, 2015с. С. 18). По прогнозам экспертов, средняя цена нефти марки Urals продолжит снижаться в силу больших запасов нефти в развитых странах, наращивания добычи в странах — членах ОПЕК и слабого роста мирового спроса, в том числе из-за замедления экономического роста в Китае.

По оценкам Банка России, общий объем платежей частного сектора по внешнему долгу с учетом процентных выплат (без учета внутригрупповых платежей и обязательств) в 2015 г. составит порядка 120 млрд долл. (а с учетом задолженности до востребования — более 150 млрд): на банковский сектор придется 35%, остальное — на платежи нефинансового сектора (Банк России, 2015а. С. 50). При этом около половины выплат необходимо погасить во второй половине 2015 г. В случае необходимости указанные выплаты могут быть произведены за счет продажи зарубежных активов российских корпораций, банков и общественного сектора, которые на 01.04.2015 г. включали: прямые инвестиции — 370,1 млрд долл., портфельные инвестиции — 63 млрд, наличная валюта и депозиты — 168,2 млрд, ссуды и займы — 163,2 млрд долл.⁶

⁵ Цена российской нефти упала до минимального за 6 лет уровня (<http://www.finanz.ru>).

⁶ http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=Par_47562#CheckedItem.

На способность частного сектора обслуживать внешние обязательства негативно влияет стремительное ослабление рубля, ускорившееся со второй половины августа текущего года. Если ведущие мировые рейтинговые агентства снизят суверенный рейтинг России еще на одну ступень или западные финансовые санкции будут ужесточены, то российский частный сектор может столкнуться с требованиями досрочно погасить накопленную внешнюю задолженность. Тогда и у российских банков, и у крупнейших госкомпаний страны возникнет значительный дефицит инвалютной ликвидности. Частично он может быть покрыт за счет накопленных международных резервов, то есть операций РЕПО в иностранной валюте и сделок «валютный своп» Банка России. Но максимально возможный объем таких операций ограничен, тем более что российские банки уже накопили инвалютную задолженность перед Банком России по операциям РЕПО в объеме около 30,4 млрд долл. (на 10.11.2015 г.), или примерно 8,2% официальных международных резервов РФ.

Внешняя задолженность российских хозяйствующих субъектов в основном номинирована в двух валютах — долларах США и евро. Динамика их обменных курсов в 2015 г. оказывала противоречивое воздействие на способность хозяйствующих субъектов обслуживать накопленный внешний долг. С одной стороны, начавшееся в марте 2015 г. (после старта расширенной программы покупки ЕЦБ «плохих» долгов и неликвидных активов на 60 млрд евро ежемесячно) заметное ослабление евро против доллара США несколько снижает рублевые расходы российских должников по обслуживанию и погашению долга в евро. С другой стороны, относительное укрепление доллара США увеличивает их.

Ухудшение ситуации в бюджетной системе страны также выступает фактором девальвации российского рубля. Во-первых, отметим рост рисков несбалансированности региональных бюджетов. В 2014 г. 78 из 85 субъектов РФ исполнили бюджеты с дефицитом. Во-вторых, в регионах на 01.03.2015 г. резко (в два раза) возросли долговая нагрузка и расходы по ее обслуживанию. При этом 43% (или 1045,8 млрд руб.) этой задолженности консолидированных бюджетов субъектов РФ сосредоточено в коммерческих банках. Замещение коммерческих обязательств регионов бюджетными кредитами (по процентной ставке 0,1% годовых) не столько купирует, сколько переносит кредитные и процентные риски на федеральный бюджет (а значит, на всех российских налогоплательщиков). Поэтому рост финансирования дефицитов региональных бюджетов за счет кредитов федерального бюджета, а также государственных гарантий приведет к дальнейшему (в 2016—2018 гг.) ослаблению курса рубля и росту потребности в дополнительных кредитах банков. Так, в декабре 2014 г. в условиях смены режима курсовой политики Банка России коммерческое кредитование дефицитов региональных бюджетов выросло на 31%, или на 207,6 млрд руб. (Банк России, 2015d. С. 27—29).

Официально комплекс мер, которые Банк России реализовывал в 2009—2014 гг., был нацелен на подготовку к переходу к режиму плавающего обменного курса, а после объявления о смене валютного

режима 10 ноября 2014 г. — на сглаживание излишней волатильности курса национальной валюты. Но Банку России не удалось подготовить хозяйствующих субъектов (сформировать у них нужные центральному банку ожидания) к изменениям в механизме курсообразования⁷. Вместо ожидаемой стабилизации в стране усилились девальвационные ожидания, что спровоцировало резкое падение обменного курса национальной валюты. Соответственно главной задачей для Банка России стало не «сглаживание излишней волатильности» курса рубля, а смягчение негативных последствий развертывающегося валютного кризиса.

Так, для преодоления дефицита инвалютной ликвидности на внутреннем рынке Банк России с декабря 2014 г. стал предоставлять банкам кредиты в иностранной валюте (до 12 месяцев по ставке LIBOR + 0,75 п. п.), обеспеченные залогом прав требования по кредитам в иностранной валюте (в основном госбанкам и ВЭБу), модифицировать свои программы выделения инвалютной ликвидности российским банкам и смягчать пруденциальные требования. Из-за быстрого снижения международных резервов Банк России был вынужден с 13 мая 2015 г. возобновить покупку иностранной валюты на внутреннем рынке в объеме 100–200 млн долл. в течение операционного дня. Он также объявил о намерении в среднесрочной перспективе нарастить объем официальных валютных резервов до 500 млрд долл. США⁸, не разъяснив при этом макроэкономическую цель такого накопления.

В целом после объявления о введении плавающего курса рубля, что предполагает отказ ЦБ от управления курсом посредством прямого присутствия на внутреннем валютном рынке, Банк России просто заменил участие в торгах прямым распределением инвалютной ликвидности между банками и покупкой инвалюты на внутреннем рынке для пополнения международных резервов. Очевидно, что подобная практика не имеет ничего общего с плавающим, тем более гибко плавающим, обменным курсом. Поэтому заявления Банка России, что данные операции не связаны с интервенциями, а имеют цель обеспечить нужный запас прочности национальной экономики, предотвратить катастрофический обвал рубля и недопустимое сжатие рублевого рынка (Банк России, 2015b. С. 21), не убедительны. Напротив, эти операции, по нашему мнению, в условиях гибко плавающего обменного курса рубля не повышают доверие хозяйствующих субъектов к политике ЦБ и не стабилизируют их инфляционные и девальвационные ожидания в среднесрочной перспективе.

Процентная политика Банка России

В период подготовки к введению режима плавающего обменного курса Банк России пытался трансформировать процентную политику так, чтобы определяющими при ценообразовании на денежном рынке, то есть основным инструментом реализации ДКП, стали краткосроч-

⁷ После формирования у участников рынка нужных ЦБ ожиданий даже незначительные валютные интервенции могут придать импульс движению обменного курса в заданном направлении (см.: Miyajima, 2013).

⁸ http://www.cbr.ru/press/print.aspx?file=press_centre/Nabiullina_11092015.htm&pid=press&sid=ITM_29815.

ные ставки по его операциям и сделкам, а не обменный курс рубля. Банк России 13 сентября 2013 г. объявил, что в рамках перехода к режиму полного таргетирования инфляции намерен реализовать комплекс мер по совершенствованию процентных инструментов ДКП, в частности:

- ввел ключевую ставку, определяемую путем унификации процентных ставок по операциям предоставления и абсорбирования ликвидности на аукционной основе на срок 1 неделя;

- установил фиксированный и симметричный коридор процентных ставок и систему инструментов регулирования ликвидности банковского сектора;

- изменил роль ставки рефинансирования в системе своих инструментов.

В качестве основного инструмента достижения целевых показателей инфляции Банк России ориентируется на ключевую процентную ставку, уровень которой он задает, исходя из целевого показателя инфляции и требований по поддержанию финансовой стабильности. Банк России стремится максимально приблизить к ней все процентные ставки денежного рынка, используя процентный канал, способный, по мнению регулятора, эффективно транслировать изменения инфляционных ожиданий в реальной экономике. При этом сами границы процентного коридора должны определяться процентными ставками по операциям постоянного действия при предоставлении (верхняя граница) или изъятии (нижняя граница) ликвидности на срок 1 день, с колебаниями в диапазоне ± 1 п. п. относительно ключевой ставки.

По нашему мнению, процентный канал в условиях сильных и изменчивых внешних и внутренних шоков не в состоянии эффективно купировать риски роста инфляционных (девальвационных) ожиданий в экономике для бизнеса и населения. Основная причина — наличие фиксированного и симметричного коридора колебаний ключевой ставки.

Поддержание ключевой ставки в рамках заданного регулятором коридора колебаний определяет необходимость предоставлять денежную ликвидность в случае, если ставка приближается к верхней границе коридора, и абсорбировать ее путем привлечения на депозиты в Банк России, если ставка снижается до нижней границы процентного коридора. Однако в условиях внезапной спекулятивной активности доходность операций на валютном рынке начинает резко превышать значение ключевой ставки. Сначала Банк России продолжает удерживать процентную ставку в границах установленного коридора и увеличивает предоставление денежной ликвидности коммерческим банкам (в первую очередь госбанкам). В конечном счете эти ресурсы оказываются на валютном рынке, приводя к стремительному падению обменного курса российской валюты. Так было в декабре 2014 г., в марте и августе 2015 г.

Следовательно, использование Банком России фиксированного и симметричного процентного коридора стимулирует спекулятивную активность и усиливает давление на курс рубля. Банк России вынужден резко повышать ключевую ставку, чтобы сбить спекулятивную активность. Однако эта мера запаздывает и через некоторое время приводит к дезорганизации и остановке процесса кредитования в рос-

сийской экономике, нарушая характер взаимосвязей банковского сектора, с одной стороны, и вкладчиков и заемщиков — с другой.

Например, в декабре 2014 г. после повышения Банком России ключевой ставки (с 10,5 до 17,0%) соответствующий рост ставок денежного рынка должен был колебаться в диапазоне от 16,0% (по депозитам, MIBID) до 18,0% (по межбанковским кредитам, MIBOR). В реальности все выглядело иначе. Ставка MIBID 19 декабря 2014 г. составляла 16,63% (превышение +0,63 п. п.), а ставка MIBOR — 20,69% (+2,69 п. п.). В то же время разница между ставками спекулятивного рейтинга MIACR-B (28,49%) и инвестиционного MIACR-IG (24,19%) составляла 4,30 п. п., то есть участники денежного рынка ожидали существенного ухудшения ситуации с ликвидностью в краткосрочной перспективе. Если потребность банковского сектора в дополнительной ликвидности в конце 2014 г. в условиях высоких ставок межбанковских кредитов составляла 7,3 трлн руб., то как можно объяснить такую же потребность в дополнительной ликвидности (7,1 трлн руб. на 01.08.2015 г.) российских банков, когда ставки межбанковских кредитов в сегменте рынка «овернайт» опустились намного ниже целевого коридора процентных ставок Банка России (MIBID — 10,66%, MIBOR — 11,53, MIACR-B — 10,60 и MIACR-IG — 10,40%)?

Снижение ключевой ставки 3 августа 2015 г. до 11,0% не привело к значительному сокращению операций Банка России по рефинансированию отечественных банков. При этом ставки межбанковских кредитов в сегменте рынка «овернайт» значительно снизились (ставка MIACR в период с 3 августа по 3 сентября 2015 г. находилась в диапазоне 10,51—10,72%). Они колебались (за редким исключением) в границах нисходящего коридора процентных ставок денежного рынка. Такая траектория процентных ставок (отрицательных в реальном выражении), по мнению М. Вудфорда, желательна для регулятора, так как не приводит к росту инфляционных ожиданий в экономике (Вудфорд, 2014). Но Банк России столкнулся с иным развитием событий. Текущий темп инфляции в стране измеряется двузначной величиной: в августе 2015 г. она составила 15,8% в годовом исчислении.

Все это свидетельствует о том, что ключевая ставка не стала единственным и достаточным инструментом регулирования ценообразования на денежном рынке, как и процентных ставок для заемщиков и вкладчиков. Она не коррелирует со ставками по рублевым кредитам и депозитам нефинансовых организаций. Так, на июль 2015 г. ставки по депозитам нефинансовых организаций были выше нижней границы процентного коридора Банка России: до года — 10,33, выше года — 11,72%; а ставки по кредитам существенно превышали верхнюю границу: до года — 14,67, выше года — 14,87%. Картина, характерная для процентных ставок по базовым банковским продуктам для населения, выглядела следующим образом: ставки по депозитам до года — 9,13, выше года — 9,16%; ставки по кредитам до года — 26,29, выше года — 19,29%⁹. Расширение отклонений процентных ставок по банковским продуктам от задаваемого Банком России процентного коридора свидетельствует о неэффективности процентного канала трансмиссионного механизма ДКП. С таким выводом частично соглашается и сам Банк России, отмечая, что эффект от снижения

⁹ http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=int_rat.

ключевой ставки еще не проявился на кредитном рынке в полной мере (Банк России, 2015с. С. 24).

Наряду с ухудшением ситуации в финансовом и реальном секторах экономики это выразилось в резком снижении кредитной активности банковского сектора. За первое полугодие 2015 г. она уменьшилась на 9,1 п. п. (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Кредитная активность банковского сектора РФ

Показатель	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	01.07.2015
Кредитный портфель нефинансового сектора и населения, млрд руб.	28 654	33 635	40 983	40 111
Прирост кредитного портфеля, ΔКрП, млрд руб.	4913	4981	7348	–872
(ΔКрП/ВВП т. ц.) × 100%	107,9	107,5	110,3	98,7
Дефлятор ВВП (Дпр.), %	107,4	105,0	107,2	107,8
Кредитная активность (ΔКрП/ВВП т. ц. – Дпр.), п. п.	+0,5	+2,5	+3,1	–9,1

Источники: Банк России (<http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs>); расчеты автора.

В условиях закрытия внешнего оптового и розничного фондирования для национальных компаний процентная политика Банка России должна учитывать не только тренд мировых процентных ставок (чтобы не допускать притока в страну краткосрочных спекулятивных капиталов, привлекаемых процентным дифференциалом), но и характер взаимодействия банковского сектора, с одной стороны, и вкладчиков и заемщиков — с другой. Например, необходимо учитывать изменение взаимосвязей ставок на межбанковском рынке и по кредитам нефинансовому сектору и населению. Рентабельность нефинансовых организаций и банковская процентная ставка связаны через показатель чистой доходности предпринимательской деятельности (ЧДПД), определяемый как разность между рентабельностью в реальном секторе и ставками по привлеченным кредитам. Если значение данного показателя положительное, то растут производительное использование кредитов и денежный мультипликатор. Наоборот, при отрицательном значении показателя деловая активность сокращается, хотя ставки межбанковских кредитов в сегменте рынка «овернайт» могут находиться в отрицательной области (Андрюшин, Бурлачков, 2008).

Первоочередные меры Банка России в условиях санкций

В условиях высокой инфляции и сильной волатильности обменного курса рубля Банк России в вопросе приоритетности целей ДКП сделал выбор в пользу таргетирования инфляции. При этом его не смущает, что запланированный на 2015 г. целевой уровень инфляции (4% годовых) в очередной раз будет отодвинут, но уже на более поздний период — до 2017 г. Логика Банка России примерно следующая: если исходить из первичности темпов инфляции, то надо повышать ключевую ставку и ограничивать предложение внутренней

ликвидности. Это позволит стабилизировать обменный курс (правда, на очень короткий период) за счет резкого падения выпуска, роста числа банкротств (корпораций и банков) и ухудшения ситуации на финансовом рынке. Но чтобы этого не произошло, в дальнейшем необходимо регулировать инфляционные и дефляционные ожидания путем смягчения ДКП.

Другая точка зрения, которую мы разделяем, состоит в том, что в условиях финансовых санкций, кризиса ликвидности, оттока частного капитала и слабой инвестиционной активности бизнеса единственным эффективным режимом ДКП для Банка России выступает *таргетирование валютного курса рубля*. Для начала процесса дезинфляции до однозначной величины необходимо стабилизировать обменный курс рубля, чтобы снизить эффект переноса динамики обменного курса на внутренние цены (Катаранова, 2010; Пономарев и др., 2014; Салицкий, 2010). В этом случае следует вводить комплекс мер по обязательной продаже экспортной выручки, ограничивать отток капитала (за счет повышения нормативов обязательного резервирования по обязательствам в иностранной валюте) и способствовать активному привлечению в экономику страны прямых иностранных инвестиций (за счет снижения налогов и нормативов обязательного резервирования на данный тип внешнего фондирования). Увеличение предложения национальных денег (через валютный канал денежной эмиссии) позволит снизить процентные ставки на денежном рынке и активизировать банковское кредитование. Но в дальнейшем укрепление рубля будет снижать ценовую конкурентоспособность отечественных товаров и поощрять их замещение импортом. Для противодействия этому, как показывает опыт ведущих ЦБ, необходимо ужесточать меры пруденциального регулирования финансового (банковского) рынка.

В настоящее время Банк России, как надзорный орган, поступает наоборот: настойчиво поддерживает комплекс антикризисных мер по смягчению пруденциальных требований к российским банкам, принятый им в декабре 2014 г.¹⁰ В текущем году эти меры регулятором официально продлевались уже трижды (в мае, сентябре и октябре)¹¹, и пока срок их действия будет сохранен до 1 января 2016 г. Это позволило банковской системе страны, по мнению руководства Банка России, выдержать «экзамен на прочность» и оказаться устойчивой к внезапным внешним шокам. Но так ли это на самом деле? Смягчение пруденциальных требований к собственному капиталу и кредитным операциям банков, с одной стороны, привело к фактическому сокрытию «плохих» долгов на балансах российских банков¹², а с другой — снизило для

¹⁰ Пресс-релиз Банка России от 17 декабря 2014 г. «О мерах Банка России по поддержанию устойчивости российского финансового сектора».

¹¹ Пресс-релизы Банка России от 15.05.2015 г. «Об антикризисных мерах в сфере банковского регулирования»; от 21.09.2015 г. «Об антикризисных мерах в сфере банковского регулирования»; от 01.10.2015 г. «О мерах по приведению российского банковского регулирования в соответствие с международными базельскими стандартами».

¹² За первые 9 месяцев 2015 г., по данным Банка России, просроченная задолженность по кредитам организаций нефинансового сектора увеличилась на 46%, с 1250,7 до 1829,1 млрд руб., а населения соответственно — на 28,7%, с 667,5 млрд до 859,5 млрд руб.

банков стимулы активно наращивать собственный капитал и поддерживать уровень необходимой для кредитных операций ликвидности.

Так, за 8 месяцев 2015 г. (действия пониженных пруденциальных требований) в российских банках резко возросли темпы прироста «плохих» долгов: в Сбербанке — на 32,8%, ВТБ — на 56,9, Газпромбанке — на 74,1, Альфа-банке — на 107,4, Банке «Россия» — на 132,8, Банке «ФК Открытие» — на 171,7 и Национальном банке «Траст» — на 395,4%. При этом темпы прироста «плохих» долгов намного превышали темпы прироста кредитного портфеля (в основном за счет господдержки) в российских банках, а в отдельных из них он даже стремительно сокращался (например, в ВТБ-24 — на 5,5%, Росбанке — на 9,6, Банке «Уралсиб» — на 17,3, Банке «Русский стандарт» — на 17,6, Банке «Россия» — на 21,2% и т. д.)¹³.

Это также противоречит общемировой практике пруденциального регулирования, характерной для большинства ЦБ стран с формирующимся рынком. Так, результаты исследования специалистов Центрального банка Аргентины показывают, что ужесточение капитальных требований не повышает, а резко снижает кредитные риски. В частности, в высококапитализированных банках волатильность неработающих кредитов примерно на 35–45% ниже, чем в слабокапитализированных. Аналогично, волатильность ставок по потребительским кредитам на 25%, а по коммерческим — на 18% ниже при достаточности капитальной базы банка. Более того, волатильность темпов инфляции при высокой достаточности капитала у банков в среднем в полтора раза ниже (Aguirre, Blanco, 2015).

В настоящее время российским банкам в условиях действующего целевого режима ДКП вряд ли удастся быстро уменьшить дефицит ликвидности и нарастить собственный капитал за счет смягчения пруденциальных требований, особенно тех, которые регламентируют качество кредитных портфелей и влияют на кредитную (инвестиционную) активность банковского сектора страны. Так, по оценкам Банка России, в 2015 — первой половине 2016 г. доля «плохих» кредитов, накопленных российскими банками, может достигнуть 17,0% стоимости совокупного кредитного портфеля (Банк России, 2015d. С. 5), то есть стать критически опасной.

Для повышения кредитной активности банковского сектора и снижения на их балансах доли «плохих» долгов Банку России необходимо как можно быстрее отказаться от продления действия комплекса антикризисных мер по смягчению пруденциальных требований к собственному капиталу и кредитным операциям в российских банках. Желательно, чтобы регулятор отменил:

— введенное (пока действует до 01.01.2016 г.) для снижения воздействия высокой волатильности курса рубля на финансовые показатели банков разрешение применять при расчете обязательных нормативов по операциям в иностранной валюте фиксированные курсы рубля к иностранным валютам¹⁴;

¹³ <http://www.banki.ru/banks/ratings/>.

¹⁴ Курс доллара США — 55 руб., евро — 64 руб., фунта стерлингов — 86 руб., швейцарского франка — 58 руб. и 100 японских иен — 46 руб.

— положение, разрешающее банкам не ухудшать оценку качества обслуживания кредитной задолженности клиентами вне зависимости от оценки финансового положения заемщика по ссудам, реструктурированным, например, в случае изменения валюты долга, вне зависимости от изменения срока погашения ссуды (основного долга и/или процентов), размера процентной ставки. Данная мера маскирует реальное состояние кредитных портфелей банков, позволяет им создавать меньше провизий, тем самым стимулируя накапливать «плохие» долги на своих балансах;

— разрешение банкам не ухудшать оценку финансового положения заемщика (экспортера) при формировании резервов на возможные потери по кредитам (просрочка, невозврат задолженности), если изменения в его финансовом положении обусловлены введением отдельными зарубежными государствами ограничительных мер экономического и/или политического характера. Данная мера может привести к увеличению открытых валютных позиций, расширению валютных разрывов и стать в среднесрочной перспективе источником серьезного системного риска.

Кроме того, важно обязать банки выполнять норматив краткосрочного ликвидного покрытия (LCR). В августе 2015 г. Банк России принял решение о его введении с 1 января 2016 г. (с минимального значения 70%) в качестве обязательного для системно значимых российских банков (в настоящее время это 10 банков¹⁵) и должен строго его придерживаться. Не следует также отодвигать введение новых правил расчета норматива максимального размера риска на одного заемщика или группу связанных заемщиков (Н6) в связи с новыми юридическими и экономическими критериями учета связанности заемщиков в группу с учетом МСФО.

Комплекс антикризисных мер, провозглашенных Банком России в декабре 2014 г. и продленных до 2016 г., может дать ощутимый эффект с точки зрения обеспечения финансовой стабильности в банковском секторе (уже в среднесрочной перспективе) лишь при одном условии — смене целевого режима ДКП, а именно переходе от таргетирования инфляции к таргетированию валютного курса. Данный переход должен сопровождаться отказом Банка России от фиксированного и симметричного процентного коридора колебаний ключевой ставки, стимулирующего спекулятивные сделки на внутреннем валютном рынке и развитие торговли типа carry trade (Глазьев, 2015. С. 129—131).

В условиях, когда «динамика валютных курсов становится более мощным инструментом защиты рынков, чем таможенные тарифы» (Медведев, 2015. С. 12), сдерживание спекулятивного давления на обменный курс рубля (в случае как его укрепления, так и ослабления) должно стать доминирующим приоритетом ДКП. Банку России необходимо вернуться, заявив об этом публично, к стерилизующим валютным интервенциям для ограничения чрезмерных колебаний рублевой стоимости бивалютной корзины на внутреннем рынке и для формирования у участников рынка нужных ЦБ ожиданий. При этом

¹⁵ Это ЮниКредит Банк, Газпромбанк, ВТБ, Альфа-банк, Сбербанк, «ФК Открытие», Росбанк, Промсвязьбанк, Райффайзенбанк и Россельхозбанк.

выбор частоты и объемов интервенций Банка России на внутреннем валютном рынке будет зависеть от притока/оттока того или иного типа капиталов (прямых или портфельных инвестиций, кредитов или трансфертов).

Так, в условиях притока/оттока прямых иностранных инвестиций регулятор должен свести свое вмешательство к минимуму, позволяя обменному курсу найти новый равновесный уровень. Несомненно, колебания обменного курса будут сильнее в условиях притока/оттока портфельных инвестиций, особенно если они краткосрочные и связаны со спекулятивными мотивами. В этом случае частота и объем интервенций Банка России не должны подрывать макроэкономическую и финансовую стабильность. В дальнейшем такая политика за счет введения дополнительных мер (как фискального, так и пруденциального характера) позволит Банку России свести объем и частоту своих валютных интервенций к минимуму, а для участников рынка динамика реального эффективного курса рубля окажется стабильной и ожидаемой.

* * *

Режим полного таргетирования инфляции — неэффективный целевой ориентир ДКП Банка России, так как в условиях высокой волатильности на мировых финансовых рынках и финансовых санкций в отношении нашей страны свободное курсообразование не способно формировать в экономике низкие инфляционные ожидания и обеспечить их корреляцию с динамикой потребительских цен в пределах установленного регулятором целевого показателя. Ключевая процентная ставка Банка России с учетом кризиса ликвидности в экономике не отражает адекватную цену хранения и использования денежных средств населения, финансовых и нефинансовых организаций, тем самым переставая влиять на макроэкономическую ситуацию в стране. Основными факторами усиления спекулятивной атаки на российский рубль выступают наличие и использование фиксированного и симметричного процентного коридора, определяющего доступность рублевой ликвидности для спекулянтов при поддержке Банком России ключевой ставки, а также нарушение характера взаимосвязи банковского сектора и кредитования реального сектора экономики.

Режим плавающего обменного курса Банка России не стал механизмом абсорбирования внешних шоков, а усилил волатильность обменного курса рубля. Вместо стабилизации валютных ожиданий данный режим вызывает долларизацию экономики, ускоряет расходование суверенных международных резервов, приводит к росту «плохих» долгов и резкому спаду кредитной активности в российских банках. Поддерживать ценовую и финансовую стабильность в российской экономике можно только за счет постепенного выхода российских банков из комплекса антикризисных мер Банка России, перехода к новому целевому режиму таргетирования валютного курса и отказа от фиксированного и симметричного процентного коридора в процессе регулирования ставок денежного рынка.

Список литературы / References

- Андрюшин С., Бурлачков В. (2008). Денежно-кредитная политика и глобальный финансовый кризис: вопросы методологии и уроки для России // Вопросы экономики. № 11. С. 38–50. [Andryushin S., Burlachkov V. (2008). Monetary policy and global financial crisis: Methodological aspects and lessons for Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 38–50. (In Russian).]
- Андрюшин С., Кузнецова В. (2009). Банковский сектор России и пути его реформирования // Вопросы экономики. № 7. С. 15–30. [Andryushin S., Kuznetsova V. (2009). Russian banking sector and ways of its reforming. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 15–30. (In Russian).]
- Андрюшин С., Кузнецова В. (2010). Центральный банк как кредитор последней инстанции: новые вопросы теории денежно-кредитной политики // Вопросы экономики. № 12. С. 70–81. [Andryushin S., Kuznetsova V. (2010). Central bank as a lender of last resort: New issues of the monetary policy theory. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 70–81. (In Russian).]
- Андрюшин С., Кузнецова В. (2011). Курсовая политика центральных банков стран с формирующимся рынком // Вопросы экономики. № 12. С. 21–34. [Andryushin S., Kuznetsova V. (2011). Emerging markets central banks exchange rate policy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 21–34. (In Russian).]
- Андрюшин С. (2014). Перспективы режима таргетирования инфляции в России // Вопросы экономики. № 11. С. 107–121. [Andryushin S. (2014). Perspectives on inflation targeting regime in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 107–121. (In Russian).]
- Банк России (2015a). Доклад о денежно-кредитной политике. № 1. Март. [Bank of Russia (2015a). *Monetary policy report*, No. 1, March. (In Russian).]
- Банк России (2015b). Доклад о денежно-кредитной политике. № 2. Июнь. [Bank of Russia (2015b). *Monetary policy report*, No. 2, June. (In Russian).]
- Банк России (2015c). Доклад о денежно-кредитной политике. № 3. Сентябрь. [Bank of Russia (2015c). *Monetary policy report*, No. 3, September. (In Russian).]
- Банк России (2015d). Обзор финансовой стабильности. IV квартал 2014 – I квартал 2015. № 1. Март. [Bank of Russia (2015d). *Financial stability review*. 2014 Q4 – 2015 Q1, No. 1, March. (In Russian).]
- Вудфорд М. (2014). Таргетирование инфляции: совершенствовать, а не списывать в утиль // Вопросы экономики. № 10. С. 44–55. [Woodford M. (2014). Inflation targeting: Fix it, don't scrap it. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 44–55. (In Russian).]
- Глазьев С. (2015). О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. № 9. С. 124–135. [Glazyev S. (2015). On inflation targeting. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 124–135. (In Russian).]
- Катаранова М. (2010). Связь между обменным курсом и инфляцией в России // Вопросы экономики. № 1. С. 44–62. [Kataranova M. (2010). Relationship between exchange rate and inflation in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 44–62. (In Russian).]
- Кузнецова В. В. (2015). Курсовая политика Банка России и валютные интервенции // Банковское дело. № 4. С. 6–13. [Kuznetsova V. (2015). Bank of Russia's exchange rate policy and foreign exchange market interventions. *Bankovskoe Delo*, No. 4, pp. 6–13. (In Russian).]
- Медведев Д. (2015). Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. № 10. С. 5–29. [Medvedev D. (2015). A new reality: Russia and global challenges. *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 5–29. (In Russian).]
- Пономарев Ю., Трунин П., Улюкаев А. (2014). Эффект переноса динамики обменного курса на цены в России // Вопросы экономики. № 3. С. 21–35. [Ponomarev Y., Trunin P., Ulyukayev A. (2014). Exchange rate pass-through in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 21–35. (In Russian).]
- Салицкий И. (2010). Перенос обменного курса рубля в цены импорта Российской Федерации // Экономическая политика. № 6. С. 176–195. [Salitsky I. (2010). Exchange rate pass-through in import prices of the Russian Federation. *Ekonomicheskaya Politika*, No. 6, pp. 176–195. (In Russian).]

- Aguirre H. A., Blanco E. F. (2015). Credit and macroprudential policy in an emerging economy: A structural model assessment. *BIS Working Papers*, No. 504.
- BIS (2013). Market volatility and foreign exchange intervention in EMEs: What has changed? *BIS Papers*, No 73.
- Gambacorta L., Illes A., Lombardi M. J. (2014). Has the transmission of policy rates to lending rates been impaired by the global financial crisis? *BIS Working Papers*, No. 477.
- Ghosh A. R., Ostry J. D. (2009). Choosing an exchange rate regime. *Finance & Development*, No. 12, pp. 1–3.
- Ghosh A. R., Ostry J. D., Qureshi M. S. (2014a). Exchange rate management and crisis susceptibility: A reassessment. *IMF Working Paper*, No. 11.
- Ghosh A. R., Qureshi M. S., Tsangarides C. G. (2014b). Friedman redux: External adjustment and exchange rate flexibility. *IMF Working Paper*, No. 146.
- Hofmann B., Bogdanova B. (2012). Taylor rules and monetary policy: A global “Great Deviation”? *BIS Quarterly Review*, September, pp. 37–49.
- IMF (2014). *Annual report on exchange arrangements and exchange restrictions*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Laeven L., Valencia F. (2012). Systemic banking crises database: An update. *IMF Working Paper*, No. 163.
- Miyajima K. (2013). Foreign exchange intervention and expectation in emerging economies. *BIS Working Papers*, No. 414.
- Plosser C. I. (2011). *Bubble, bubble, toil and trouble: A dangerous brew for monetary policy*. Speech, Cato Institute’s 28th Annual Monetary Conference, November 18, Washington, DC.
- Vredin A. (2015). Inflation targeting and financial stability: Providing policymakers with relevant information. *BIS Working Papers*, No. 503.
- Turner P. (2014). The global long-term interest rate, financial risks and policy choices in EMEs. *BIS Working Papers*, No. 44, February.
- Woodford M. (2010). Financial intermediation and macroeconomic analysis. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 24, No. 4, pp. 21–44.

Arguments for the Ruble Exchange Rate Management

Sergey Andryushin

Author affiliation: Institute of Economics, RAS (Moscow, Russia).

Email: sandr956@gmail.com.

The paper discusses the target guides and the Bank of Russia’s monetary policy operational instruments. Events of 2014–2015 showed that the inflation targeting regime is not an effective target guide of the Bank of Russia’s monetary policy. The key interest rate fails to reflect the proper price of holding and using of financial resources of households, financial and non-financial organizations. The floating exchange rate regime has not become an automatic mechanism of external shocks absorption, but intensifies the exchange rate volatility instead. The exchange rate management is the only effective regime for the current Bank of Russia’s monetary policy.

Keywords: Bank of Russia, monetary policy, key interest rate, exchange rate, prudential requirements, inflation targeting.

JEL: E52, E58.

Н. Орлова, С. Егиев

Структурные факторы замедления роста российской экономики

В статье анализируются структурные факторы замедления роста российской экономики, в частности проблемы основного капитала и слабость рынка труда. Расчеты, сделанные в 2015 г. с помощью многомерного фильтра, показывают, что потенциальные темпы роста ВВП России замедлились и в ближайшие годы составят 0,5—1,0% ВВП в год. В этой ситуации требуется новая стратегия развития: импортозамещение, которое представляется приоритетным, на самом деле формировало контекст экономической политики России, начиная с 2000-х годов, и не смогло предотвратить структурное замедление экономики. Политика экспортоориентированного роста, исходя из опыта других стран, выглядит более привлекательной, но не может быть реализована в условиях слабого мирового спроса. Чтобы вывести страну из стагнации, необходимо существенно повысить внутреннюю эффективность экономики, особенно ее госсектора.

Ключевые слова: структурное замедление, потенциальный рост, импортозамещение.

JEL: G20, E6, E01.

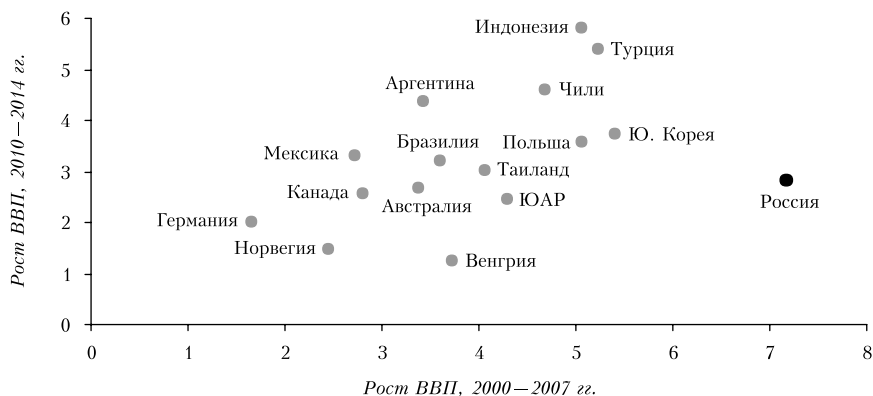
Структурные факторы и оценки потенциального роста

Замедление роста российской экономики после 2010 г. стало предметом обсуждения в экспертном сообществе. В 2000—2007 гг., по данным МВФ, в странах с развивающимся рынком средние темпы роста составили 6,5% в год, и Россия с показателем 7,2% была одной из наиболее динамично развивающихся экономик в этой группе. Однако после 2008 г. ситуация изменилась (рис. 1). В 2010—2014 гг. темпы роста в странах с развивающимся рынком составили 5,7% в среднем за год. Однако динамика ВВП России существенно замедлилась: если в среднем за этот период темпы роста составляли 2,8%, то в 2013 г. — лишь 1,3%, а в 2014 г. экономика выросла только на 0,6%.

Показательно, что это замедление произошло на фоне стимулирующей экономической политики. Ненфтяной дефицит бюджета в период

Орлова Наталия Владимировна (norlova@alfabank.ru), Ph.D., проф., главный экономист, руководитель Центра макроэкономического анализа Альфа-Банка (Москва); *Егиев Сергей Константинович* (s.egiev@hse.ru), аспирант, стажер-исследователь НИУ ВШЭ (Москва).

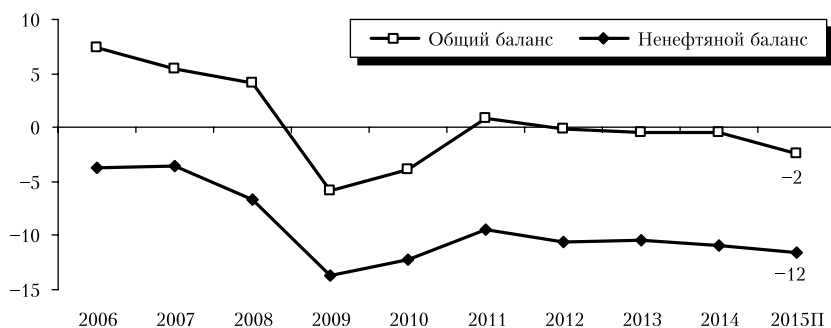
**Рост ВВП в России и других развивающихся странах,
2010—2014 vs. 2000—2007 гг. (в %)**

Источник: МВФ.

Рис. 1

**Нефтефандый и обшй баланс
федерального бюджета РФ (% ВВП)**

Источник: Минфин.

Рис. 2

с 2007 по 2014 г. вырос с 3 до 12% ВВП (рис. 2). В 2009—2010 гг. сбережения Минфина на счетах в Резервном фонде и ФНБ сократились примерно на 100 млрд долл., которые были потрачены на поддержку компаний и банков, пострадавших от ухудшения глобальной конъюнктуры. Кроме того, с 2008 г. правительство перешло к практике размещения депозитов в российских банках, что позволяло смягчить негативные последствия глобального кризиса для банковского кредитования. Не остался в стороне и ЦБ РФ. Система рефинансирования, минимально развитая и не использовавшаяся как средство поддержки банков до 2007 г., была затем существенно модифицирована и стала доступна банкам не только как кризисный механизм, но и как инструмент покрытия структурного дефицита ликвидности.

Однако эти действия государства не смогли предотвратить ухудшение динамики ВВП РФ. В чем же его истинная причина? Ряд экспертов связывают снижение темпов роста с избыточной зависимостью

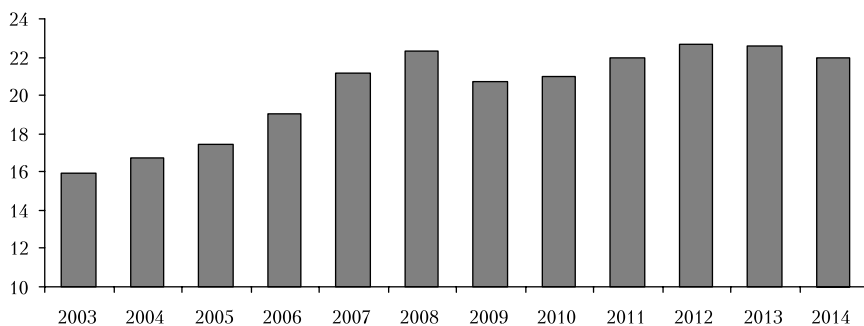
России от цен на нефть, которые перестали расти с 2010 г., а также от мировых рынков капитала (Кудрин, Гурвич, 2014). В то же время роль этих циклических факторов представляется второстепенной по сравнению со структурными ограничениями роста.

Первое и принципиально важное ограничение роста было связано с недостаточностью основного капитала. Хотя с 2003 г. инвестиции в него выросли с 16 до 23% ВВП в 2012–2013 гг. (рис. 3), этого было недостаточно для сохранения темпов роста российской экономики. Во-первых, среднее значение по странам с развивающимся рынком составляет 32% ВВП. Во-вторых, недостаточность инвестиций усугубляется высокой степенью изношенности имеющегося оборудования. Несмотря на высокие темпы роста инвестиций — в среднем на 15% ежегодно в реальном выражении в 2003–2007 гг., согласно данным ЦМАКП, средний возраст производственных активов мало изменился с начала 2000-х годов. Как отмечают И. Воскобойников и Л. Соланко, хотя инвестиции в основной капитал сыграли важную роль в ускорении роста российской экономики в 2001–2008 гг., они во многом отражали повышение инвестиционной активности в нефтегазовом секторе (Voskoboynikov, Solanko, 2014). Неудивительно, что на фоне низкого качества инвестиционного капитала предельная загрузка мощностей, которая для России оценивается на уровне 66% по методологии ОЭСР, была достигнута уже в 2007 г. (рис. 4), что в значительной степени обусловило замедление темпов экономического роста еще до финансового кризиса 2008 г.

Показательно, что с 2013 г. ситуация усугубилась спадом инвестиций. Первое снижение было зафиксировано в III квартале 2013 г., и по итогам года в целом Росстат зафиксировал рост инвестиций лишь на 0,9%, что стало негативной новостью с учетом окончания многих проектов накануне Олимпиады в Сочи (февраль 2014 г.). Далее, по итогам 2014 г. инвестиции снизились на 2,0%, а во II квартале 2015 г. — уже на 7,4% г/г. В результате к 2016 г. отношение инвестиций к ВВП может составить 21%, что ниже отметки 2010 г.

С 2012 г., помимо инвестиционного ограничения, проявились ограничения со стороны трудовых ресурсов. Анализ факторов роста показывает, что российская экономика сталкивается с ограничениями

Инвестиции в основной капитал в РФ (% ВВП)

Источник: МВФ.

Рис. 3

Источник: ОЭСР.

Рис. 4

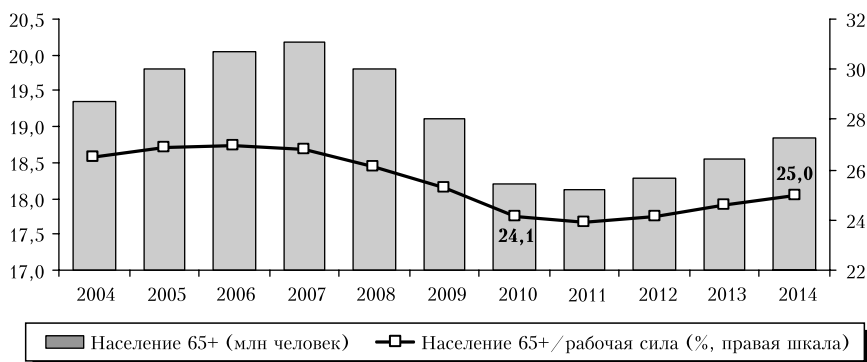
роста рынка труда (демографические ограничения), занятости (использование рабочей силы) и производства ВВП на одного работника (производительность труда).

Из-за падения рождаемости в начале 1990-х годов в России в последние годы приостановился рост численности рабочей силы. На наш взгляд, этот процесс лучше всего отражает сокращение численности россиян в возрасте до 20 лет на 7 млн человек, начиная с 2002 г. В целом с 1989 г. численность населения моложе 20 лет сократилась на 14 млн человек. Еще до недавнего времени старение населения не было серьезной проблемой: количество россиян в возрасте старше 65 лет снизилось с 20,2 млн в 2007 г. до 18,1 млн в 2011 г. Однако затем эта цифра выросла на 0,8 млн — до 18,9 млн человек (рис. 5). Раньше Россия выигрывала от снижения коэффициента демографической нагрузки (количество иждивенцев на 1000 населения трудоспособного возраста), который опустился до минимума — 507 человек — в 2012 г. С 2012 г. тренд изменился, и хотя Россия еще не достигла показателя демографической нагрузки 2002 г. (616 человек), сейчас она уже составляет 521 человек. Кроме того, рост демографической нагрузки сопровождался сокращением рабочей силы на 0,4 млн до 75,4 млн человек в период с 2011 по 2014 г.

Коэффициент использования рабочей силы также достиг максимальной отметки в последние годы — 95%. Несмотря на снижение ВВП на 3,5% в первом полугодии 2015 г. и падение спроса, безработица колеблется на историческом минимуме — около 5%. Хотя принято считать, что показатель безработицы в России негибкий, в кризис 2008—2009 гг. он все же был гораздо более чувствителен к замедлению экономики и вырос с 5,4% в мае 2008 г. до 9,4% в феврале 2009 г. (рис. 6). В ходе текущего кризиса безработица повысилась с исторического минимума 4,8% в августе 2014 г. лишь до 5,9% в марте 2015 г. и затем вновь снизилась до 5,2% к сентябрю.

Демографическую картину осложняет распределение трудовых ресурсов в экономике. Начиная с 2009 г., стремясь проводить контрциклическую экономическую политику, государство увеличивало за-

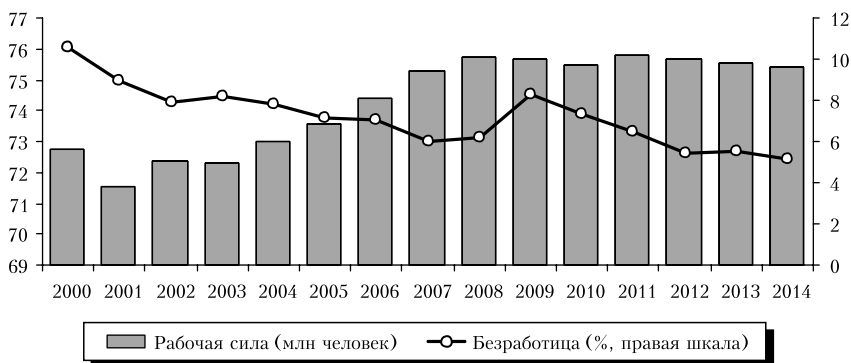
Население в возрасте старше 65 лет и соотношение между ним и рабочей силой

Источник: Росстат.

Рис. 5

Рабочая сила и уровень безработицы

Источник: Росстат.

Рис. 6

нятость в госсекторе. По состоянию на 2012 г., в нем работало 17,7—17,8 млн, или 23% рабочей силы, что, по мировым меркам, достаточно много. В частности, в странах с таким же низким уровнем безработицы, как в России, занятость в госсекторе в среднем составляет около 10%.

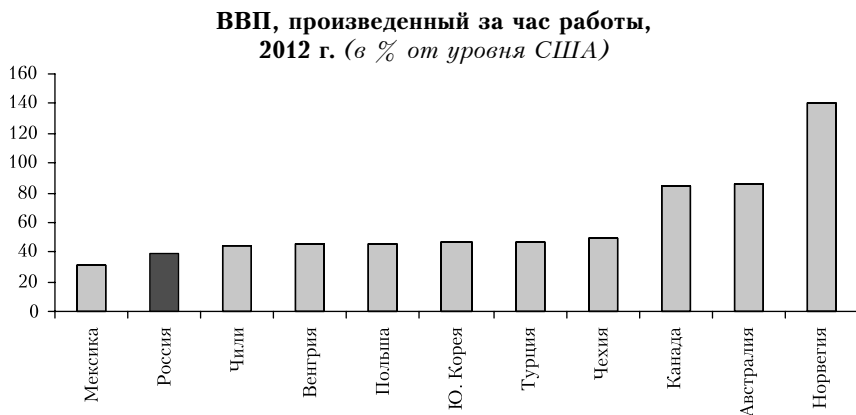
Дополнительной проблемой стала реаллокация занятости в неформальный сектор (Gimpelson, Kapelyushnikov, 2015). В 2014 г. занятость в нем выросла почти на 1 млн — с 14,1 млн до 15,0 млн человек. По данным Росстата, доля «серых» зарплат повысилась с исторического минимума 11% совокупных зарплат в 2012—2013 гг. до 14% в 2014 г. Более того, согласно последним исследованиям НИУ ВШЭ и «ОПОРЫ России», количество занятых в неформальном секторе может возрасти до 17—18 млн человек в 2015 г., то есть составить почти 24% общей занятости. Особенно серьезные опасения вызывает то, что в неформальный сектор уходит все больше квалифицированных кадров: доля специалистов с высшим образованием в нем выросла с 13% в 2008 г. до 16% в 2013 г. Отток квалифицированных кадров

из более эффективных предприятий малого и среднего бизнеса или госкомпаний в менее эффективный неформальный сектор приводит к снижению производительности труда во всей экономике.

Наконец, ограничения связаны и с динамикой производительности труда. Как отмечают И. Воскобойников и В. Гимпельсон, реаллокация трудовых ресурсов между секторами и сопутствовавшее ей повышение производительности труда были важными факторами роста российской экономики (Воскобойников, Гимпельсон, 2015). Вместе с тем производительность труда все еще сравнительно низкая. Так, по данным ОЭСР за 2012 г., в России ВВП, произведенный за 1 час рабочего времени, составлял 39% соответствующего показателя в США (рис. 7). Это выше, чем 29% в середине 2000-х годов, но ниже, чем в странах Восточной Европы, и составляет лишь 45% уровня ЕС. Увеличение количества рабочих часов отчасти компенсировало низкую производительность труда. По их количеству на душу населения (985 часов в год) Россия заняла второе место в мире (после Ю. Кореи), опередив другие страны ОЭСР (рис. 8). Следовательно, проблему низкой производительности нельзя решить за счет большей загрузки занятых работников.

Низкая производительность труда, судя по всему, связана с качеством инвестиций, а не трудовых ресурсов. Россия пока относится к странам с высоким уровнем развития человеческого потенциала в рейтинге ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала). Система образования в России еще превосходит зарубежные аналоги, а средняя продолжительность учебы составила 11,7 года в 2012 г., что больше, чем во многих странах. Иными словами, российская экономика не может оптимально использовать свои трудовые ресурсы.

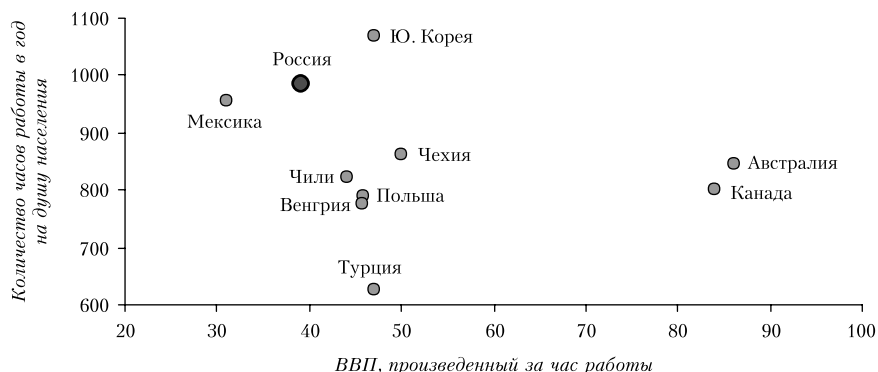
На основе данных о факторах производства — капитале и труде — в 2013 г. мы оценили потенциальный ВВП России при помощи производственной функции. Использование этой методики позволяет определить уровень потенциального ВВП при полной загрузке всех факторов. Наши расчеты показали, что потенциальный рост экономики составил 1,5–2,0% (год к году), что соответствовало результатам, полученным ранее другими экспертами.

Источник: ОЭСР.

Рис. 7

**Количество часов работы в год на душу населения и ВВП,
произведенный за час работы, 2012 г. (в % от уровня США)**

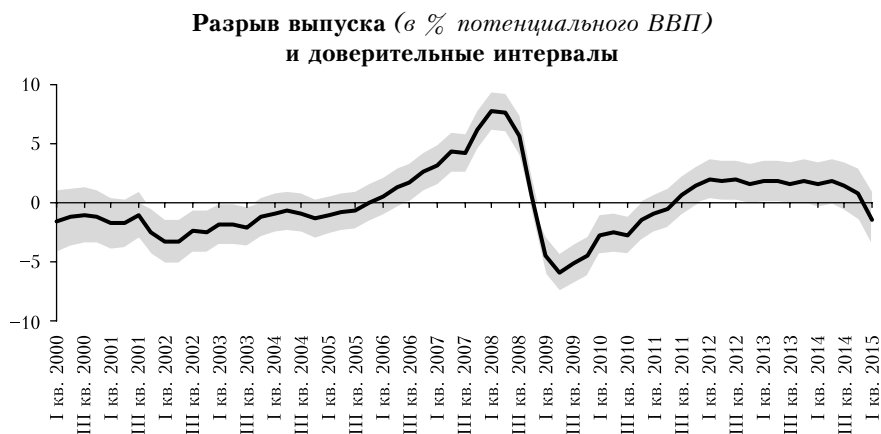
Источник: ОЭСР.

Рис. 8

Так, Д. Йоргенсон и К. Ву в своем исследовании 122 стран провели расчет потенциального роста для России, используя данные за 1989–2008 гг. (Jorgenson, Vu, 2010). Авторы предлагали несколько сценарных прогнозов (пессимистичный, базовый, оптимистичный) с базовым прогнозом роста 2,0% в 2009–2019 гг. М. Кубониwa также оценивал потенциальные темпы роста при помощи производственной функции, используя данные за 1995–2010 гг. (Kuboniwa, 2011). Р. Энтов и О. Луговой приводят несколько прогнозных сценариев роста российской экономики. В базовом сценарии они оценили перспективу роста на уровне 3,1% (год к году) (Entov, Lugovoy, 2013).

Оценка потенциального роста, основанная на декомпозиции ВВП на вклад отдельных факторов, часто опирается на метод сглаживания исходного ряда для удаления циклических колебаний из данных — так называемый фильтр Ходрика—Прескотта (Hodrick, Prescott, 1997). Хотя этот подход широко используется для расчета тренда производительности — в качестве примера можно привести такие восточно-европейские страны, как Польша (Epstein, Macchiarelli, 2010) или Словакия (Konuki, 2008), — его применение вызывает ряд замечаний. Сглаживание данных такого рода одномерными фильтрами сопряжено со значительным риском последующего пересмотра по мере поступления новых данных. При этом переоценка того, что есть цикл, а что — тренд, происходит даже в случае, если статистические органы не пересматривают свои оценки за предыдущие периоды (Laxton, Tetlow, 1992).

Чтобы снизить риск последующего пересмотра оценок, в 2015 г. мы провели дополнительный расчет с использованием многомерного фильтра, предложенного Й. Бенешом с соавторами (Benes et al., 2010). Он учитывает информацию, которая содержится в таких макроэкономических переменных, как уровень занятости, загрузка мощностей, инфляция. Таким образом, мы связали три разрыва: разрыв выпуска (отклонение фактического ВВП от потенциального; рис. 9), разрыв на рынке труда (отклонение уровня безработицы от естественного уровня) и отклонение загрузки мощностей от равновесного уровня. Равновесные значения интерпретируются как ненаблюдаемые переменные, уровни которых оцениваются на основе данных при помощи метода регуляри-

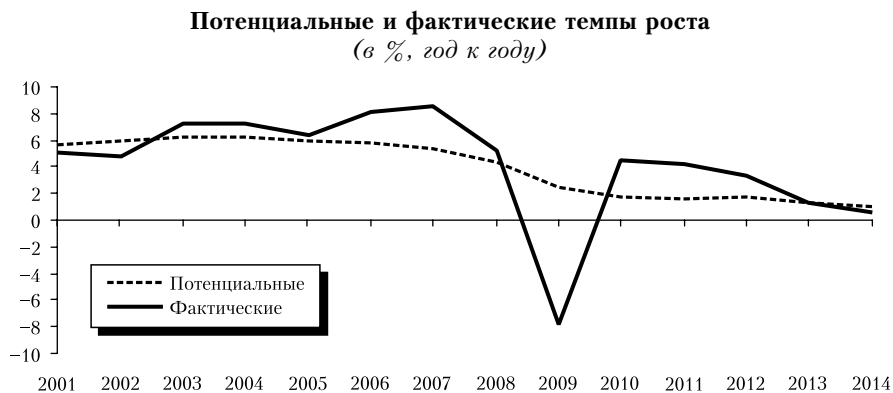
Источники: расчеты авторов на основе данных Росстата, ЦБ РФ, ИМЭМО РАН.

Рис. 9

зованного максимального правдоподобия (Ljung, 1999). С учетом всех указанных данных мы получили оценку потенциального темпа роста российской экономики на уровне 0,5–1,0%.

Во-первых, наши оценки показали, что темпы потенциального роста в России радикально замедлились в 2007–2009 гг. (рис. 10). Если в 2000–2007 гг. они в среднем составляли 6% и были сопоставимы с фактическими темпами роста экономики (за исключением 2005–2006 гг., когда экономика находилась в состоянии перегрева), то с 2010 г. значения фактических темпов роста ВВП и потенциальных расходятся почти в два раза. Однако, поскольку замедление потенциального роста в России совпало с мировым кризисом, на первый план вышли циклические факторы, а вопрос о структурных причинах замедления российской экономики почти не обсуждался.

Во-вторых, согласно нашим расчетам, потенциальный рост замедлился до 2% уже в 2010–2012 гг., когда экономика росла опережающими темпами. При стандартном методе оценки — с использованием

Источники: расчеты авторов на основе данных Росстата, ЦБ РФ, ИМЭМО РАН.

Рис. 10

одномерных фильтров — подобное расхождение можно объяснить статистическими артефактами, вызванными структурными изменениями в переходной экономике (Бессонов, 2011). Однако при оценке с использованием множества макроэкономических переменных такое объяснение выглядит менее правдоподобным, а более вероятной становится гипотеза, что в 2012 г. в российской экономике действительно наблюдался перегрев. Как следствие, невозможно ускорить темпы экономического роста после провала в 2014 г.: значительное падение ВВП служит «платой» за перегрев в прошлом, а не отставанием в росте, которое можно было бы компенсировать в последующие годы. Таким образом, сейчас настоятельно требуется стратегия новых реформ, которые помогли бы минимизировать ограничения факторов экономического роста.

Импортозамещение или экспортоориентированный рост?

Все страны, инициирующие реформы, по сути, выбирают между двумя стратегиями — опорой на импортозамещение и акцентом на экспортоориентированный рост. В России традиционно в силу высокой зависимости от нефти, с одной стороны, и наличия емкого внутреннего рынка — с другой, стратегия импортозамещения выглядит более естественной, чем выбор в пользу экспортоориентированного роста. Этот тезис, однако, нуждается в некоторой критической оценке.

На основе исторического опыта можно составить довольно точное описание канонической политики импортозамещения, во всяком случае в том виде, в котором она реализовывалась раньше:

- государство проводит активную политику определения приоритетов развития национальной экономики, то есть предполагается реструктуризация экономики сверху. Создание институтов развития отражает реализацию такой стратегии;

- точками роста становятся государственные компании, имеющие доступ к дешевым кредитным ресурсам, государственным субсидиям и т. д.;

- торговая политика государства нацелена на создание барьеров для внешней конкуренции в виде квот, тарифов или субсидий;

- иностранные компании могут получить доступ на внутренний рынок, только локализуя здесь свое производство или импортируя технологии;

- проводится политика укрепления валютного курса с целью снизить стоимость инвестиционного импорта.

Как можно видеть, многие меры из «меню» политики импортозамещения уже реализованы в России с середины 2000-х годов. Так, первые корпорации и банки развития были созданы в стране еще в середине прошлого десятилетия именно с целью стать проводниками государственной политики в отраслевом разрезе. Тогда же была озвучена концепция разделения экономики на «стратегические» и прочие секторы. Правда, институтам развития никогда не отводилась роль лидеров индустрии, скорее они были инструментом реализации государственных проектов. Тем не менее со временем их роль в экономике

становилась все заметнее, особенно после 2009 г., когда часть из них получила финансовую помощь от государства либо для дальнейшего распределения среди пострадавших от кризиса структур (ВЭБ), либо для финансирования конкретных проектов поддержки экономического роста (АИЖК). На конец 2014 г. в России действовало 10 институтов развития, под управлением которых находились активы на сумму около 7 трлн руб., или 10% ВВП (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Корпорации и банки развития

	Активы (баланс) на конец 2014 г., млрд руб.
Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере	4
Инвестиционный фонд Российской Федерации	214
Внешэкономбанк	3886
Российская венчурная компания	36
Агентство по ипотечному жилищному кредитованию	350
Российская корпорация нанотехнологий	173
Фонд содействия реформированию ЖКХ	27
Российский сельскохозяйственный банк	2063
Росагролизинг	108
Российский фонд информационно-коммуникационных технологий	1
Итого по институтам развития	6863

Источники: Минэкономразвития; расчеты авторов.

За последние десять лет в российской экономике выросла доля игроков с государственным статусом. Формально никогда не располагавшие специальными привилегиями, они по факту имели значительные преимущества. Государственное участие в капитале обеспечивало им высокий рейтинг и доступ к дешевым займам на международных рынках. На докапитализацию государственных банков в 2008—2009 гг., по оценкам МВФ, было потрачено порядка 1,2 трлн руб., или 3% российского ВВП. Доля государственных банков в банковском секторе значительно выросла с начала 2000-х годов, в частности за 15 лет их участие в суммарных активах банковского сектора возросло с 30 до 53% (Орлова, 2014).

В 2012 г. Россия вступила в ВТО, но этот процесс занял почти 20 лет, и переговорная позиция РФ заключалась в сохранении максимальной защищенности внутренних рынков. Присоединение к ВТО не сопровождалось радикальным изменением регулирования внутреннего рынка и его открытием для иностранного капитала. По сути, Россия зафиксировала статус-кво: она не просила для своих товаров доступа на новые рынки сбыта, но и не облегчала условия прихода иностранных игроков на внутренний рынок. Так, работающие в нашей стране иностранные банки обязаны регистрировать дочернюю структуру в России, хотя во многих странах допустимо прямое присутствие в виде филиалов. Иностранные компании действуют в России в основном в автомобильной промышленности, а также в торговле (мировые розничные сети), однако в ряде секторов по-прежнему представлены недостаточно.

С точки зрения курсовой политики страны, приступавшие к импортозамещению, а) фиксировали валютный курс, чтобы удешевить импортное оборудование, и б) пользовались международными капиталами для финансирования своего роста. До 2014 г. курсовая политика Банка России в общих чертах соответствовала именно этой стратегии: ЦБ РФ придерживался политики управляемого валютного курса и на протяжении многих лет старался именно таким способом обеспечить приемлемое замедление темпов инфляции.

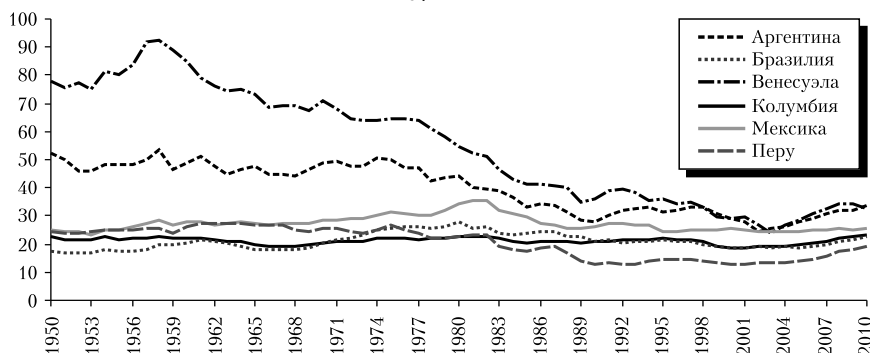
Иными словами, за последние 10—15 лет Россия последовательно реализовывала основные меры политики импортозамещения, однако это не позволило предотвратить структурное замедление темпов роста в последние годы. Фиаско политики импортозамещения неудивительно с точки зрения международного опыта. Межстрановые сравнения показывают, что страны, делавшие ставку на него, проигрывали тем, кто делал упор на развитие экспорта.

Традиционные примеры реализации политики импортозамещения — страны Латинской Америки, которые в 1950—1980-е годы анонсировали переход к ней в качестве основы стратегии роста. В то же время страны Азии сделали ставку на развитие экспорта, и их опыт оказался более успешным. По данным Г. Коула с соавторами, в 1950 г. среднее значение ВВП на душу населения в Азии составляло 16% от уровня США, а в Латинской Америке — 28%. Однако уже к 1980 г. этот индикатор в Азии вырос почти в три раза — до 46%, а латиноамериканский показатель увеличился лишь до 30% (Cole et al., 2005) (см. также рис. 11—12).

Важны не только собственно цифры роста, но и его качество. По данным М. Родригеса, среднегодовые темпы прироста выпуска на душу населения в 1960—1985 гг. в Восточной Азии составляли 4,7 против 1,3% в Латинской Америке. Но производительность росла в Азии более высокими темпами: 2,8% в год против 0,5% в Латинской Америке (табл. 2) (Rodrigues, 2010). Это означает, что экономический рост в азиатских странах был не только более быстрым, но и более качественным.

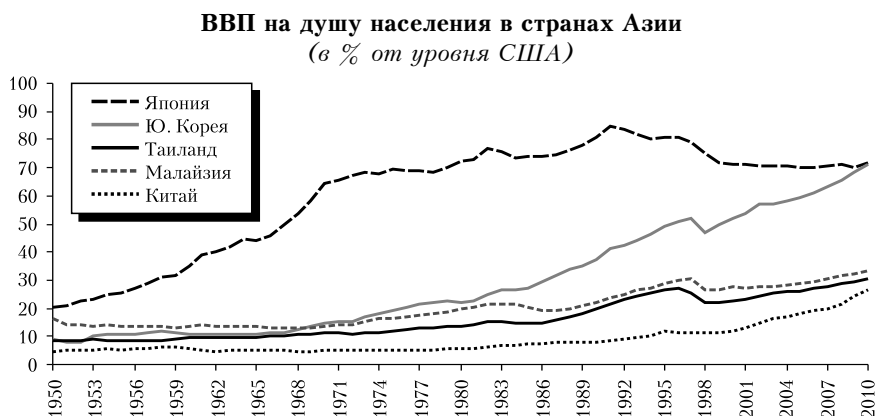
Очевидно, что принимать импортозамещение в качестве основы экономической политики и стратегии будущего роста нецелесообразно,

ВВП на душу населения в странах Латинской Америки
(в % от уровня США)

Источник: проект А. Мэдисона.

Рис. 11

Источник: проект А. Мэдисона.

Рис. 12

Т а б л и ц а 2

Среднегодовой темп прироста производительности
в 1960—1985 гг. (в %)

	Выпуск на душу населения	Отношение капитала к выпуску	Производительность
Латинская Америка	1,3	1,4	0,5
Восточная Азия	4,7	1,6	2,8
Развитые страны	2,4	0,6	1,5
Мир	2,2	1,1	1,2

Источник: Rodrigues, 2010.

но выбор в пользу экспортоориентированного роста тоже вызывает много вопросов. Во-первых, экспортоориентированный сегмент производства в России развит слабо. Около 65% российского экспорта приходится на нефть, нефтепродукты и газ. И в 1998 г., и в 2009 г., и в первом полугодии 2015 г. в ответ на девальвацию рубля объем ненефтяного экспорта не рос, а сокращался — на 4%, 32 и 14% соответственно. С 2005 по 2014 г. физический объем экспорта цветных металлов из России снизился на 26%, а черных — на 21%, хотя на долю этих двух товаров приходится порядка 30% ненефтяного экспорта России. Доля экспортеров в российской обрабатывающей промышленности составляла 8,4% в 2008 г., что значительно ниже, чем в США (14,6%) или Франции (17,4%) (Волчкова, 2010). Такая ситуация препятствует наращиванию экспортного потенциала страны.

Во-вторых, в отличие от стран Юго-Восточной Азии, которые выходили на экспортные рынки в период, когда глобализация торговых и финансовых потоков набирала силу, сейчас Россия сталкивается с более сложными внешними условиями. Слабый спрос заставляет даже основных мировых экспортеров, например Китай, использовать политику валютного курса для поддержания своего экспортного потенциала. Безусловно, выход нового игрока на экспортные рынки в таких условиях проблематичен.

Контекст экономической политики России в последний год изменился, и с этим нельзя не считаться. В частности, решение ЦБ РФ перейти к плавающему валютному курсу означает отказ от следования предписаниям классической политики импортозамещения. Конкурентное ценовое преимущество благодаря значительной девальвации рубля в 2014–2015 гг. можно было использовать для поддержки не столько производителей, ориентированных на внутренний рынок, сколько компаний, стремящихся выйти на внешние рынки, что создало бы предпосылки для формирования базы экспортоориентированного роста.

Политика экспортоориентированного роста, в отличие от политики импортозамещения, имеет одно преимущество, которое объясняет ее успешность в исторической перспективе: она делает акцент на создании конкурентного товара. Причем речь идет о перераспределении ресурсов не только между отраслями, но и внутри отраслей — от менее производительных фирм к более производительным. Самое опасное для России сейчас — использовать накопленные государственные резервы для поддержки внутренних производителей, которые в условиях санкций снижают уровень качества, ранее задававшийся импортной продукцией. Было бы неразумно потратить ресурсы экономики — неважно, в виде кредитов российских банков или прямой государственной помощи, — на поддержание производства продукции, которая после отмены санкций быстро утратит свою конкурентоспособность. Выход компаний на внешние рынки стал бы гарантией выживаемости наиболее конкурентных проектов. Нынешняя политика плавающего валютного курса не очень подходит для стимулирования импортозамещения, зато могла бы поддержать экспортеров, обеспечивая их ценовую конкурентоспособность. Таким образом, первый шаг для поддержки сырьевого экспорта уже сделан, нужны следующие.

Ставка на эффективность

Создание конкурентного товара (что удалось экспортоориентированным странам и не удалось странам, проводившим политику импортозамещения) отражает не только собственно выбор стратегии, но и эффективность распределения экономических ресурсов. Поэтому независимо от того, какое стратегическое направление будет выбрано для России, в будущем повышение эффективности ведения бизнеса станет первоочередной задачей. Поскольку провал стратегий импортозамещения был часто связан с низкой эффективностью госсектора и госуправления (Franko, 2007), именно этому аспекту следует уделить основное внимание в настоящий момент.

В данной области необходимо реализовать два пакета мер. Первый должен быть нацелен на контроль эффективности госкомпаний/госбанков. Во-первых, речь идет о максимальном контроле операционных издержек государственных игроков. В отличие от международных аналогов, российские госкомпании редко пользуются аутсорсингом, что приводит к увеличению занятости в этом секторе

и росту оплаты труда в экономике в целом. Это справедливо для компаний из разных секторов.

Так, частная компания НОВАТЭК по итогам 2014 г. производила 51 баррель нефтяного эквивалента на одного сотрудника в год против 7 баррелей в «Газпроме». В Россельхозбанке, одном из институтов развития, в первой половине 2015 г. на одного занятого приходилось 68 млн руб. активов — один из наиболее низких показателей среди топ-20 российских банков, среднее значение по которым составляет 181 млн руб. активов на одного занятого.

Во-вторых, необходимо оптимизировать управление финансовыми расходами госкомпаний. Государство должно вести жесткий мониторинг роста внешней долговой нагрузки государственных игроков. Если в 2010 г. внешний квазисуверенный долг составлял 40% экспортных доходов страны, то в 2013 г. — 57%. В середине 2015 г., то есть через год после введения санкций против России, объем квазисуверенного долга по-прежнему составлял 54% экспортных доходов, или порядка 230 млрд долл. Хотя режим санкций может заставить ряд игроков сократить свою зависимость от внешних рынков, в условиях падающих цен на нефть квазисуверенный долг представляет большую угрозу для стабильности российского бюджета.

Государственную поддержку госкомпаниям следует предоставлять не безвозмездно, а как минимум по ставкам инструментов долгового финансирования. Целесообразно, в частности, выделять средства ФНБ под ключевую ставку ЦБ РФ плюс несколько процентных пунктов. Низкая стоимость государственной поддержки или ее безвозмездное предоставление снижает уровень альтернативных издержек и приводит к неэффективному расходованию финансовых ресурсов.

В период кризиса госбанки могут стать источником дополнительных финансовых расходов, их финансовое положение должно быть предметом тщательного мониторинга. Опыт других стран показывает, что в странах с высокой долей госбанков банковские кризисы обходятся существенно дороже, чем в странах с низкой долей государственных игроков.

В Индонезии в начале 1990-х годов доля государственных банков в секторе составляла 55%, и банковский кризис в 1997 г. обошелся стране в 55–60% ВВП; Ю. Корея, где доля госбанков в начале 1990-х годов составляла всего 21%, потратила на решение аналогичных проблем всего 17–23% ВВП, а Таиланд (доля госбанков — 13%) — порядка 24% ВВП (Hawkins, Mihaljek, 2001). Опыт Мексики 1980-х годов показывает, что по причине почти полной национализации банковского сектора в период кризиса начала 1980-х годов страна так и не вернулась на траекторию высоких темпов роста. Даже через 20 лет после кризиса отклонение выпуска на одного человека трудоспособного возраста от тренда составляло –30% (Bergoeing et al., 2001).

Второй пакет реформ должен быть нацелен на поддержку частного бизнеса. Инвестиционный рост призваны обеспечить частные компании, долю госкомпаний в инвестициях следует сокращать. Доминирование госкомпаний в инвестиционном процессе приводит к неэффективному использованию финансовых ресурсов, что недопустимо в экономике, страдающей от ограничений по источникам роста.

В Чили в 1980-е годы государство широко пользовалось механизмом концессий в металлургии и в секторе ЖКХ. Благодаря этому механизму доля частных компаний

в инвестициях в инфраструктуру с 1995 по 2005 г. выросла с 9 до 65%, что позволило Чили в указанный период поддерживать темпы роста выше, чем в других странах Латинской Америки (Bethell, 2008). Структурные трансформации в азиатских странах, например Китае, также опирались на идею высвобождения ресурсов из неэффективных секторов (в случае Китая — сельскохозяйственного) путем повышения производительности труда в них и через госпрограммы перепрофилирования кадров.

Государство может контролировать положение частного бизнеса, отслеживая его долю в общем объеме инвестиций. Хотя общий индикатор участия частного сектора в инвестициях в основной капитал, по данным Росстата, составляет порядка 60% и демонстрирует рост на долгосрочном горизонте, целесообразно сделать этот индикатор более детальным, что позволит получить информацию об истинном положении в сегменте мелких, средних и крупных частных компаний.

Реализация указанных мер не означает отказ от выбора между стратегиями импортоориентированного или экспортоориентированного роста. Вместе с тем это позволит улучшить использование ресурсов в экономике вне зависимости от того, какое стратегическое решение по поводу модели экономического роста будет принято и когда это произойдет.

Список литературы / References

- Бессонов В. (2011). Анализ краткосрочных тенденций в российской экономике: как рассеять «туман настоящего»? // Вопросы экономики. № 2. С. 93–108. [Bessonov V. (2011). Analysis of short-term trends in the Russian economy: How to clear the “fog of the present” away? *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 93–108. (In Russian).]
- Волчкова Н. А. (2010). Торговая политика как инструмент развития экономики России // Стратегия модернизации российской экономики. Гл. 4 / Под ред. В. М. Полтеровича. М.: Алетейя. С. 122–172. [Volchkova N. A. (2010). Trade policies as an instrument of Russian economy development. In: V. M. Polterovich (ed.). *The strategy of Russian economy modernization*. Ch. 4. Moscow: Aleteiya, pp. 122–172. (In Russian).]
- Воскобойников И., Гимпельсон В. (2015). Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. № 11. С. 30–61. [Voskoboinikov I., Gimpelson V. (2015). Productivity growth, structural change and informality: The case of Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 30–61. (In Russian).]
- Кудрин А., Гурвич Е. (2014). Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. № 12. С. 4–36. [Kudrin A., Gurvich E. (2014). A new growth model for the Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 4–36. (In Russian).]
- Орлова Н. (2014). Финансовые санкции против России: влияние на экономику и экономическую политику // Вопросы экономики. № 12. С. 54–66. [Orlova N. (2014). Financial sanctions: Consequences for Russia's economy and economic policy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 54–66. (In Russian).]
- Benes J., Clinton K., Garcia-Saltos R., Johnson M., Laxton D., Manchev P., Matheson T. (2010). Estimating potential output with a multivariate filter. *IMF Working Paper*, No. WP/10/285.
- Bergoeing R., Kehoe P., Kehoe T., Soto R. (2001). A decade lost and found: Mexico and Chile in the 1980s. *NBER Working Paper*, No. WP 8520.
- Bethell L. (2008). *The Cambridge history of Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Cole H. L., Ohanian L. E., Riascos A., Schmitz J. A. Jr. (2005). Latin America in the rearview mirror. *Journal of Monetary Economics*, Vol. 52, No. 1, pp. 69–107.
- Entov R., Lugovoy O. (2013). Growth trends in Russia after 1998. In: M. Alexeev, S. Weber (eds.). *The Oxford handbook of the Russian economy*. N.Y.: Oxford University Press, pp. 132–160.
- Epstein N., Macchiarelli C. (2010). Estimating Poland's potential output: A production function approach. *IMF Working Paper*, No. WP/10/15.
- Franco P. M. (2007). *The puzzle of Latin American economic development*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publ.
- Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. (2015). Between light and shadow: Informality in the Russian labour market. In: *The challenges for Russia's politicized economic system*. L.; N.Y.: Routledge, Ch. 3, pp. 33–58.
- Hawkins J., Mihaljek D. (2001). The banking industry in the emerging market economies: Competition, consolidation and systemic stability. *BIS Working Paper*, No. 4, pp. 1–44.
- Hodrick R. J., Prescott E. C. (1997). Post-war U.S. business cycles: An empirical investigation. *Journal of Money, Credit and Banking*, Vol. 29, No. 1, pp. 1–16.
- Jorgenson D. W., Vu K. M. (2010). Potential growth of the world economy. *Journal of Policy Modelling*, Vol. 32, No. 5, September–October, pp. 615–631.
- Konuki T. (2008). Estimating potential output and the output gap in Slovakia. *IMF Working Paper*, No. WP/08/275.
- Kuboniwa M. (2011). The Russian growth path and TFP changes in light of estimation of the production function using quarterly data. *Post-Communist Economies*, Vol. 23, No. 3, pp. 311–325.
- Laxton D., Tetlow R. (1992). *A simple multivariate filter for the measurement of potential output* (Technical Report No. 59). Ottawa: Bank of Canada.
- Ljung L. (1999). *System identification: Theory for the user*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Rodriguez M. (2010). Import substitution and economic growth. *Journal of Monetary Economics*, Vol. 57, No. 2, pp. 175–188.
- Voskoboynikov I., Solanko L. (2014). When high growth is not enough: Rethinking Russia's pre-crisis economic performance. *BOFIT Policy Brief*, No. 6.

Structural Factors of Russian Economic Slowdown

Natalia Orlova^{1,*}, Sergey Egiev²

Authors affiliation: ¹ Alfa Bank (Moscow, Russia);

² National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: norlova@alfabank.ru.

This article considers structural factors of Russian economic slowdown, particularly capital stock dynamics and labor market. Potential growth as of 2015 is estimated with a multivariate filter. The results indicate the structural slowdown of Russian economic growth to 0.5–1.0% per year. Low growth rates call for a new development strategy as the import-substitution approach that framed economic policy since the 2000s has failed to prevent the slowdown. Export-oriented strategy is more promising but will be hard to implement in an environment of weak global demand. Productivity improvement, particularly in the state sector, is necessary for averting stagnation.

Keywords: structural slowdown, potential GDP, import substitution.

JEL: G20, E6, E01.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

В. Тамбовцев

Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях

Статья посвящена критическому анализу современного подхода к включению фактора культуры в экономические исследования. Национальная культура в этих исследованиях рассматривается как реифицированная сущность, измеряемая социальными ценностями, и часто трактуется в различных контекстах как «культурный код». В статье обсуждаются работы, в которых такое понимание опровергается, и предлагается альтернативная методология экономического анализа культурных феноменов: каждая массовая культурная практика должна изучаться отдельно, и всякий раз следует проводить анализ выгод и издержек всех вовлеченных в конкретные процессы лиц.

Ключевые слова: культура, экономический рост, культурный код, реификация, социальные ценности, культурные практики.

JEL: E02, O17, O43, Z10.

В современных условиях выхода мировой экономики из кризиса резко усилилась важность понимания причин и источников роста, развития и модернизации. Кризис подчеркнул неоднородность мировой экономики, разнообразие реакции отдельных стран на произошедшие изменения. В одних правительства восприняли кризис как очередное проявление «созидательного разрушения», как стимул к поиску новых подходов, реализации новых возможностей; в других взоры обратились к «славному прошлому», к попыткам найти внешних врагов — виновников кризиса и восстановить «все как было». При этом собственная экономическая политика, часто усугублявшая негативное влияние динамики общемировых экономических условий, объявлялась совершенно правильной и не требовавшей каких-либо изменений по *внутренним* причинам.

Классическая теория экономического роста, восходящая к трудам А. Смита и Д. Рикардо, включала три основных фактора производства — труд, капитал (инвестиции) и землю (природные ресурсы)¹.

Тамбовцев Виталий Леонидович (vitaly_tambovtsev@gmail.com), д. э. н., проф., главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва).

¹ Представления о природных ресурсах как основе экономического роста были поколеблены Дж. Саксом и Э. Уорнером (Sachs, Warner, 1995).

Позже к ним были добавлены такие факторы, как технологии (Romer, 1986), институты (Rodrik et al., 2004; Robinson et al., 2005) и культура (Licht et al., 2007).

Именно последний из них — с акцентом на специфике российской национальной культуры, на наличии в ней коренного, не изменявшегося веками и не подлежащего изменению без утраты национальной идентичности «культурного кода» — трактуется в нынешних условиях в нашей стране рядом исследователей, публицистов и политиков как конечная причина принципиальных отличий российской экономики от других. В «культурном коде» они видят основание не только бесполезности, но и вредности применения в ней подходов и мер экономической политики, которые обеспечивали и обеспечивают рост, развитие и модернизацию других национальных экономик.

Оставляя в стороне чисто идеологический аспект так называемого «цивилизационного подхода», рассмотрим *научные* (теоретические и эмпирические) аргументы в пользу определяющего влияния национальной культуры на экономическое развитие и рост, а также контраргументы, подчеркивающие, что культура, как и многое другое, *влияет* на экономику, но *не предопределяет* ее характер.

Культура как система ценностей: измерение и использование в экономическом анализе

Понятие культуры, несмотря на его широкое использование в разных отраслях науки об обществе, не имеет в настоящее время общепринятого определения. Если в середине XX в. А. Кребер и К. Клакхон (Kroeber, Kluckhohn, 1952) насчитали 164 определения культуры, то в начале XXI в. их число превысило 500 (Кравченко, 2000. С. 271). Вплоть до начала 1980-х годов в прикладных экономических исследованиях феномен культуры — как объясняющий либо как объясняемый фактор — фактически не фигурировал по вполне понятной причине отсутствия достаточно массовых данных, полученных на основании использования более или менее валидных измерителей. Ситуация изменилась после публикации Г. Хофстеде, который не только предложил операционализацию культуры в виде *системы социальных ценностей*, но и провел масштабное международное исследование, которое дало основания построить индикаторы национальных культур, позволившие проводить количественные межстрановые сопоставления (Hofstede, 1980). В дальнейшем ценностное понимание (национальной) культуры стало почти всеобщим, а измерения культуры пополнились дополнительными международными проектами, в которых начали накапливаться обширные статистические базы (Inglehart et al., 2004; Schmitt et al., 1993; House et al., 2001). Массовое принятие исследователями подхода Хофстеде объясняется, с нашей точки зрения, предоставляемой им возможностью перейти от чисто качественного к количественному анализу связей культур с иными сторонами и сферами экономической, социальной и политической жизни.

Хофстеде трактует культуру как «коллективное программирование разума, которое отличает членов одной группы или категории от других» (Hofstede, 1991. Р. 4). Такое программирование осуществляется посредством социализации членов группы, привития им определенной системы ценностей. Последние понимаются как «общая склонность предпочитать определенное состояние дел другим», образующая «ключевой элемент культуры» (Hofstede, 1991. Р. 35). При этом сам Хофстеде четко различает ценности каждого отдельного индивида и социетальные ценности, характеризующие группу (или категорию) в целом и отличающие ее от других групп: «Трудно найти индивида, который ответил бы на каждый вопрос точно так, каков усредненный ответ в его или ее группе: „средняя личность“ в стране не существует» (Hofstede, 1991. Р. 253). Соответственно социетальная культура понимается как статистический агрегат, *базирующийся* на индивидуальной «общей склонности» предпочитать одни ситуации другим, но *выявляемый* путем формирования и интерпретации кластеров («измерений» культуры).

На основании статистической обработки нескольких десятков тысяч индивидуальных ответов Хофстеде выявил пять измерений социетальных культур:

- дистанция (по отношению к) власти (PDI) (оценка по шкале «высокая/низкая»);
- избегание неопределенности (UAI) (оценка по шкале «высокое/низкое»);
- индивидуализм (IDV) (оценка по шкале «индивидуализм/коллективизм»);
- маскулинность (MAS) (оценка по шкале «маскулинность/феминность»);
- долгосрочная ориентация (LTO) (оценка по шкале «высокая/низкая»).

Схожим путем идут создатели альтернативных систем измерения социетальных культур, хотя, в силу использования иных первичных анкет, получают другие «измерения» культур на уровне национальных (страновых) сообществ. «Опросы индивидов относительно их установок, ценностей или каких-либо форм поведения для измерения психологических конструктов являются общим методом. Усредняя ответы, мы будем оценивать средний уровень соответствующего психологического конструкта внутри выбранной группы» (Fischer, 2006. Р. 1420). Общепринятость такого подхода не лишает его весьма значительных проблем, возникающих при попытке трактовать упомянутые средние (и более сложные статистические агрегаты, например, кластеры, главные компоненты и т. п.) как характеристики некоторых целостностей, существующих как самостоятельные объекты, вне и помимо индивидов, оценки и суждения которых отражались в первичных измерениях.

Основная методическая проблема связана со значительной чувствительностью агрегатов к набору исходных данных. Как следствие, интерпретация результатов эконометрических расчетов, в которых они используются в качестве переменных, будут сильно зависеть от параметров выборок, на базе которых строились такие агрегаты. Приведем несколько примеров проявления этой проблемы.

Первый связан с выводами Р. Инглхарта и его коллег, анализировавших связь между «материалистическими» и «пост-материалистическими» ценностями и экономическим ростом (Granato et al., 1996). Основываясь на выборке из 25 стран, они показали, что культурные

установки на достижение² (achievement) и экономность (thrift) *положительно влияют* на экономический рост в долгосрочной перспективе, в то время как приоритет «постматериалистических» ценностей влияет на него *отрицательно*. Более поздние расчеты продемонстрировали, однако, что эти связи и влияния *неустойчивы* как к составу выборки, так и к анализируемому периоду, то есть фактически представляют собой *артефакты*, а не реально существующие зависимости (Edwards, Patterson, 2009; Hanson, 2009).

Второй пример касается также работы Инглхарта (и его коллеги К. Вельцеля) (Inglehart, Welzel, 2006). Согласно развиваемой ими теории последовательности человеческого развития, ставшей популярной среди теоретиков модернизации и политиков, первично *экономическое* развитие: оно порождает *культурные* изменения (в системе ценностей), позволяющие осуществить *демократизацию* общества. Эту логику авторы выводят из статистического анализа соответствующих данных по странам, население которых составляет 85% общей численности населения Земли. Однако последующий анализ практически тех же данных, проведенный В. Спайзером и др. (Spaiser et al., 2014), использовавшими разработанный ими новый подход — метод байесовских динамических систем (Ranganathan et al., 2014), показал, что фактически последовательность изменений другая: защита прав человека и демократизация *предшествуют* повышению приоритета ценностей эмансипации — личной автономии и гендерного равенства. Более того, исследования показали, что с ростом уровня развития человеческого потенциала в стране повышается сначала уровень развития демократии, а лишь затем — уровень эмансипации (индивидуальных свобод), причем эти изменения происходят после того, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) превысит некоторый уровень. При этом анализ выявил, что более высокий уровень эмансипации обуславливает *границу* роста богатства общества: достигая высокого уровня демократии и индивидуальных свобод, общества как бы стремятся к некоторому равновесию, которое не поддерживает дальнейший экономический рост. Подчеркнем, что эти два примера приведены здесь не для того, чтобы показать ошибочность концепций Инглхарта, а с целью продемонстрировать, что использование в эконометрическом «макроанализе» агрегатных статистических характеристик социетальных культур требует повышенного внимания к методологии исследования, включая как выбор переменных (измерителей культуры), так и технику их обработки.

Это обстоятельство подчеркивает третий пример. Дж. Капас, отметив неудовлетворительность измерения культуры уровнем обобщенного доверия³, провела исследование связи *индивидуальных* ценностей и эко-

² Внимание к связи «достижительности» и экономического роста возросло после выхода книги Д. МакКлиланда (McClelland, 1961), логически привлекательные выводы которого, однако, не нашли впоследствии эмпирического подтверждения (Beugelsdijk, Smeets, 2008).

³ С этим трудно не согласиться, поскольку уровень обобщенного доверия в стране, как показал ряд эмпирических исследований (Beugelsdijk, 2006; Rothstein, Stolle, 2008; Herreros, 2012), определяется в первую очередь качеством формальных институтов. Поэтому обобщенное доверие не может служить, например, корректным измерителем культуры и/или неформальных институтов, действующих в той или иной стране, хотя именно так его используют (см., например: Tabellini, 2010; Williamson, 2009 и др.).

номического развития (Karas, 2014), используя данные международного проекта Ш. Шварца (Schwartz Values Survey). Межстрановой анализ показал, что индивидуальные ценности, измеренные по Шварцу, *не влияют* на экономическое развитие — при условии контроля индикатора качества формальных институтов. Этот результат отличается от полученных при иных индикаторах ценностей — индекса культуры, построенного на основе измерителей ценностей по Инглхарту (World Values Survey), и уровня индивидуализма, измеренного по Хофстеде. Их использование свидетельствует о том, что ценности *влияют* на экономическое развитие. Тем самым получается, что ответ на центральный вопрос всего направления «макроанализа» о влиянии культуры на экономическое развитие зависит от того, какие измерители ценностей включаются в эконометрический анализ.

Реификация культуры и культурный код

Отмеченная выше проблематичность включения измерителей социетальной культуры в макроэкономический анализ⁴ дает основания предполагать, что она обусловлена пониманием культуры, на котором основаны эти измерители: трактовка культуры как самостоятельного объекта, существующего вне индивидов.

В понимании национальной культуры фактически с начала ее научного исследования сосуществовали и конкурировали два подхода. В рамках одного, восходящего к Э. Тайлору (Tylor, 1871) и А. Креберу (Kroeber, 1917)⁵, культура трактовалась как нечто «надорганизменное» (superorganic), согласованное и целостное (холистическое). В рамках второго, одним из основателей которого был Б. Малиновский (Malinowski, 1926)⁶, — как совокупность процессов, происходящих в обществе, включенных в общество, разрозненных и противоречивых. Первый подход фактически означает *реификацию* культуры, рассмотрение ее как отдельной от людей «вещи», обладающей собственной сущностью и независимым существованием. Он породил такое научно-публицистическое явление, как *культурный детерминизм*, то есть представления о культуре как факторе, определяющем если не все, то большинство общественных процессов, включая экономические. Второй подход подчеркивал производность культуры от человеческой деятельности, ее неотделимость от последней. В наши задачи не входит анализ развития этих подходов, их перекрестной критики и т. п. — это вопросы внутренней жизни антропологии и культурологии. нас интересуют здесь только *последствия* принятия одной из этих позиций

⁴ Схожие проблемы существуют и на микроуровне, в рамках применения индикаторов культуры в исследованиях по менеджменту. Ограниченные рамки данной статьи не позволяют проанализировать эту предметную область.

⁵ Культура — «это сложное целое, включающее знания, убеждения, искусство, право, мораль, обычаи и любые другие способности и привычки, приобретенные человеком как членом общества» (Tylor, 1871. P. В; цит. по: Soares et al., 2007).

⁶ «Реальность человеческой культуры — не последовательная или логическая схема, а скорее бурлящая смесь конфликтующих принципов» (Malinowski, 1926. P. 121; цит. по: Soares et al., 2007).

для методологии исследования влияния национальной (социетальной) культуры на экономические процессы.

В настоящее время преобладают в экономических исследованиях культуры первое, холистическое, понимание, а также детерминистский подход (McSweeney, 2009; Taras et al., 2010). Как представляется, это обусловлено широким использованием результатов и данных Хофстеде, точнее, их явной или неявной *интерпретацией* со стороны его последователей и ряда оппонентов⁷. Дело в том, что сам Хофстеде *не считает*, что социетальная культура (как система ценностей) отделима от индивидов, о чем ясно говорит название одной из его статей — «Измерения не существуют...», где под измерениями имеются в виду перечисленные выше пять измерений культуры (Hofstede, 2002). Тем не менее, как утверждается в недавней публикации Шварца, социетальная культура — это «гипотетическая, латентная, нормативная система ценностей, которая поддерживает и оправдывает функционирование социетальных институтов. Как таковая, культура является внешней по отношению к индивидам» (Schwartz, 2014. Р. 5)⁸.

Реифицированная культура не может не обладать свойством *устойчивости во времени*. И действительно, как пишет Хофстеде, «культуры, особенно национальные, чрезвычайно устойчивы во времени... Различия между национальными культурами в конце последнего столетия были уже легко узнаваемы в 1900, 1800 и 1700 гг., если не раньше. Нет никаких оснований считать, что они не останутся легко узнаваемыми по крайней мере до 2100 г.» (Hofstede, 2001. Р. 34—36). Эмпирические подтверждения этого тезиса как минимум противоречивы. В литературе действительно представлено значительное число свидетельств того, что изменения в социетальных культурах происходят весьма медленно (их обзор см., например, в: Schwartz, 2009). Вместе с тем имеются также свидетельства достаточно быстрого изменения культурных ценностей (Фаис, 2003; Drnáková, 2006 и др.).

В рамках холистического («цивилизационного») понимания культур неизбежно возникает вопрос об источниках их устойчивости, воспроизводства во времени, а также различий между культурами⁹. Ведь и поведение людей как носителей этих культур, и социально-экономическая среда, в которой они действуют, постоянно изменяются. В литературе обсуждается несколько таких источников (и механизмов): *институционализация* (Zucker, 1977), то есть механизмы внешнего принуждения к вовлечению в те или иные поведенческие практики, ранее

⁷ По мнению М. Морриса, причина преобладания такого подхода более глубокая — это «встроенная в человеческий мозг склонность к эссенциализму» (Morris, 2014. Р. 14).

⁸ Заметим, что ранее у Шварца социетальная культура характеризовалась в первую очередь ценностями, разделяемыми членами сообщества, а также уровнем ценностного консенсуса индивидов (Schwartz, 2006; Schwartz, Sagie, 2000).

⁹ Очевидно, что в рамках альтернативного «процессного» понимания эти вопросы не принципиальны, поскольку между культурами не возводятся разделяющие их границы, культурные процессы переплетаются и перекрещиваются. В нем относительно устойчивые целостности в совокупном культурном процессе не столько существуют «сами по себе», сколько определяются исследователями (в том числе непрофессиональными, то есть самими индивидами, которые задумываются над отличиями между собой и «другими», формируют стереотипы восприятия других, оказывающиеся, как правило, неточными или просто ошибочными, см.: Terracciano et al., 2005).

осуществлявшиеся исключительно по выбору их субъектов; *имитация* (Bryson, 2014), или индивидуальное обучение, возможность которого обеспечена наличием в человеческом мозге так называемых «зеркальных нейронов» (Rizzolatti, Craighero, 2004); *модульное устройство когнитивных механизмов*, «встроенных» в мозг, что позволяет без изменения переносить из поколения в поколение базовые представления о мире, его устройстве и т. п. (Sperber, Hirschfeld, 2004). Что же касается причин дифференциации устойчивых культур, то их можно найти в концепции *множественных равновесий* (Cohen, 2001).

С нашей точки зрения, наиболее значим среди названных механизмов первый, в то время как второй и третий, опирающиеся на генетические особенности человеческого мозга, имеют более широкие функции, чем обеспечение устойчивости культур. Правда, механизм институционализации¹⁰ предполагает понимание социетальной культуры скорее как совокупности норм, чем как системы ценностей, однако это не умаляет его объяснительной значимости. И хотя у устойчивости самих социальных норм обнаруживаются генетические (нейро-) корни (Buckholtz, Marois, 2012), как представляется, для понимания (относительной) устойчивости культур достаточно опираться на (относительную) устойчивость норм.

Такое объяснение, однако, по каким-то (предположительно — идеологическим) причинам не устраивает часть исследователей, ищущих иные основания устойчивости культур. Анализ показывает, что среди них встречаются как явные, так и неявные, требующие изучения контекста. К первым относятся, например, так называемые «институциональные матрицы X и Y» С. Г. Кирдиной¹¹, ко вторым — понятие «культурного кода» (КК).

Необходимо подчеркнуть, что выражение «культурный код» имеет два разных смысла — семиотический и политико-публицистический. В рамках *семиотической* трактовки «код культуры понимается как „сетка“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» (Красных, 2002. С. 232). Другими словами, КК — это знания индивида, обусловленные его знакомством с феноменами той или иной культуры, которые позволяют ему трактовать различные явления внешнего мира — природные и социальные — как *знаки*, имеющие значение и смысл. Так, белый цвет в большинстве культур Запада имеет смысл чистоты, в то время как в Индии — это цвет траура. Как отмечал А. Моль, «все то, что сверх набора знаков заранее известно как получателю, так и отправителю сообщения, мы будем называть „кодом“» (Моль, 1973. С. 130). Таким образом, семиотический КК — это общее знание группы, позволяющее (но не предписывающее!) ее членам сходным образом интерпретировать (осмысливать) различные вещи, свойства и отношения как знаки. Именно с существованием разных КК связаны многочисленные факты взаимного непонимания людей, обладающих несовпадающими

¹⁰ Термин «институционализация» присущ скорее языку социологии, чем экономической теории, где принято говорить о возникновении или формировании институтов.

¹¹ Детальный критический разбор подхода Кирдиной представлен в: Бессонова, 2007, что позволяет не анализировать его здесь.

«фоновыми» знаниями. Устранить такое непонимание (при желании) легко посредством прямой коммуникации, позволяющей пополнить эти знания для участников взаимодействия¹².

Второй, политико-публицистический смысл термина «культурный код», как показывает анализ контекстов, в которых он употребляется, ближе всего к системе социетальных ценностей общества. Так, комментарий информагентства «Финмаркет» к исследованию, посвященному влиянию ценностей на поведение фирм с точки зрения принятия ими рисков (Mihet, 2012), получил заголовок «Модернизации России мешает ее культурный код»¹³. А. Верижников, реконструируя КК России по текстам песен поп-культуры, хотя и ссылается на его семиотическое понимание К. Рапая (Rapaille, 2006. Р. 5), формулирует свои выводы в терминах, близких к измерениям Хофстеде (маскулинность/фемининность, детскость/сенильность, гиперактивность/лень) (Верижников, 2008). В диалоге А. Кончаловского и А. Аузана понятие КК также явно связывается с набором основных ценностей, свойственных тому или иному обществу (стране)¹⁴.

Но если КК — всего лишь удвоение понятия социетальной культуры, имеет ли смысл уделять ему большое внимание, говорить о мифе «культурного кода» и т. п.? По нашему мнению, делать это нужно, поскольку именно в концепции КК особенно выпукло представлены два теоретически и практически важных момента: во-первых, это *определяющее влияние культуры* на ход практически всех значимых социальных, экономических и политических процессов в той или иной стране (нации), а во-вторых — *целостность и неизменяемость* культуры как следствие неизменяемости ее КК. Иными словами, концепция КК — это разновидность концепций культурного *детерминизма*, в практическом плане означающая бессмысленность попыток изменить *status quo*, пойти «против своего культурного кода».

Проблема целостности и определяющего характера социетальной культуры

Развернутое исследование, в котором реализованы идеи культурного детерминизма, — при чрезвычайно широком понимании культуры, отождествляющем ее с совокупностью неформальных институтов, — предпринято недавно А. Алесиной и П. Джулиано (Alesina, Giuliano, 2013). Схожей точки зрения придерживаются также ряд отечественных экономистов (Ясин, 2007, 2014; Лебедева, 2007; Лебедева, Татарко, 2009; Медведева, Медведев, 2010; Аузан и др., 2011; Нифаева, Нехамкин, 2013).

Однако если культура определяет в различных сообществах практически все — от системы политической власти до тонких параметров

¹² Подробный анализ функционирования семиотического КК дан в: Enfield, 2000.

¹³ <http://www.finmarket.ru/main/article/3033422>.

¹⁴ Андрей Кончаловский vs. Александр Аузан: У русского человека нет желания быть богатым // Сноб. 2015. 25 февр. <http://snob.ru/selected/entry/88524>. Более широкий обзор публицистических употреблений термина «культурный код» представлен в: Трудолюбов, 2013.

финансовой сферы, то что определяет характеристики самой культуры в той или иной стране? Является ли любая культура, столь жестко предопределяющая возможности и ограничения развития стран, *одно-родным монолитом*, действующим на людей независимо от их воли и сознания? Факты свидетельствуют об обратном.

Начнем с громкого тезиса о «столкновении цивилизаций» (Huntington, 1993), весьма привлекательного для ряда отечественных публицистов. Обстоятельный статистический анализ динамики уровней защиты прав человека в разных цивилизациях, проведенный недавно У. Коулом (Cole, 2013), выявил лишь слабое подтверждение этого тезиса, особенно в той части, где предсказывается усиление культурного конфликта в связи с «западными» стандартами прав человека. Малозначимым с точки зрения влияния на практику защиты прав человека в странах, отнесенных к разным цивилизациям, оказалось и окончание «холодной войны», что прямо противоречит утверждениям С. Хантингтона. Используя данные за 1989–2007 гг. по 20 странам, представляющим 55% населения Земли, И. Уз показал, что различия между западными и не-западными культурами несколько возросло, но не потому, что они движутся в разных направлениях, а потому, что в ходе движения в одном — «западном»! — направлении скорость первых выше скорости вторых (Uz, 2015).

В какой мере социетальные культуры обуславливают ценности «принадлежащих» к ним индивидов? Эмпирически установлено, что страновые «общекультурные» факторы объясняют только 2–4% вариации в индивидуальных ценностях (Green et al., 2005; McSweeney, 2009 и др.). Поэтому некорректно утверждать, что социетальная культура *предопределяет* индивидуальные ценности. Это четко подтверждает, например, исследование Р. Фишера и Шварца, показавшее, что индивидуальные ценности, «соотносящиеся с автономией, связанностью (relatedness) и компетентностью, везде демонстрируют высокую значимость и высокий уровень консенсуса [между индивидами]» во всех исследованных странах и культурах (Fischer, Schwartz, 2011. Р. 1127). Об ограниченности культурного влияния на индивидуальное развитие ясно свидетельствуют исследования Ч. Хельвига (Helwig, 2006).

Далее, эмпирический анализ показал, что фундаментальное, с точки зрения большинства исследователей и практиков, противопоставление индивидуалистических и коллективистских культур вовсе не является столь фундаментальным. Исходя из эволюционного понимания культуры как механизма адаптации к внешней среде, Д. Ойзерман и ее коллеги отмечают, что «в зависимости от требований ситуации адаптивными являются как стратегии, ориентированные на индивидуализм, так и стратегии, ориентированные на коллективизм; следовательно, человеческий мозг, скорее всего, способен мыслить в обоих этих модусах» (Oyserman et al., 2002. Р. 110).

Внутренняя неоднородность социетальных культур прослеживается на уровне городов одной страны (Plaut et al., 2012) и регионов (Talhelm et al., 2014). Важные наблюдения были сделаны в сфере взаимодействия культуры и поведения предприятий. Так, в работах Б. Герхарта показано, что большинство вариаций в корпоративных

культурах не объясняется различиями национальных культур, измеряемых индексами Хофстеде и GLOBE (Gerhart, 2008a; 2008b). В весьма представительном обзоре исследований, посвященных выявлению связей между характеристиками национальных культур, с одной стороны, и переменными, описывающими разные аспекты организационного поведения, — с другой (Tsui et al., 2007), показано, что каких-либо результатов обобщающего характера здесь пока не получено. Вместе с тем проведенные к тому времени исследования выявили значительное число *частных, локальных* зависимостей, представляющих несомненный интерес с точки зрения целей нашей статьи. Наконец, нельзя не упомянуть исследование, посвященное корректности отождествления культуры, измеряемой социетальными ценностями, и страны, в которой расположена изучаемая фирма (Sawang et al., 2006). Авторы, изучая поведение работников фирм, расположенных в Австралии, Сингапуре и Шри-Ланке, пришли к выводу, что *страна (нация) и совокупность социетальных ценностей — отнюдь не одно и то же*, они не могут считаться взаимозаменяемыми в статистическом анализе.

Приведенные результаты эмпирических исследований (число подобных работ много больше, в журнальной статье можно упомянуть лишь малую их часть) однозначно свидетельствуют о том, что, во-первых, национальные культуры *разнородны*, их нельзя рассматривать как единые, целостные системы (разумеется, если не считать, как Шварц, что культуры существуют независимо от людей) и, во-вторых, их параметры — социетальные ценности — *влияют* на поведение индивидов и фирм, но *не предопределяют* его. С точки зрения методологии включения фактора культуры в экономический анализ это означает, что реифицированная трактовка культуры, присущая большинству таких исследований, — не лучшая основа для ее измерения¹⁵. Озвучиваемые иногда исследователями суждения о том, что ценностные измерители культуры имеет смысл использовать потому, что «так проще измерять», и, кроме того, потому что имеются соответствующие базы данных, нельзя признать убедительными оправданиями такого использования. Безусловно, данные о весе индивидов гораздо проще собирать, чем данные об уровне их интеллекта (IQ); более того, вес индивида *косвенно* отражает уровень его IQ, поскольку (за исключением случаев эндокринных заболеваний) излишняя полнота вряд ли свидетельствует о высоком интеллекте. Однако никому из исследователей человеческого интеллекта почему-то не приходит в голову использовать в качестве измерителя интеллекта вес индивида.

В прикладном плане это означает, что рекомендации относительно того, какие виды экономической деятельности «соответствуют» культуре страны, а какие — нет (их не надо пытаться в ней развивать¹⁶),

¹⁵ Развернутая критика ценностного понимания социетальной культуры дана в: Morris, 2014.

¹⁶ Примером могут служить известные выводы Хофстеде: в странах с маскулинной культурой эффективны производство массовой продукции, тяжелая индустрия, основная химия; в странах с феминной культурой следует заниматься штучным производством, индивидуализированными услугами, сельским хозяйством и биохимическими производствами; там, где избегание неопределенности слабо выражено, следует заниматься инновациями, а там, где оно сильно, продуктивно высокоточное производство и т. п. (Hofstede, Hofstede, 2005. P. 240).

лишены научных оснований. Итак, в силу внутренней неоднородности групп (в частности, обществ, населения стран и т. п.) использовать социальные ценности для объяснения действий отдельных индивидов и поведения фирм в стране — именно они обуславливают состояние экономики стран (разумеется, вместе с внешними факторами) — значит совершать так называемую «экологическую ошибку» (Brewer, Venaik, 2014), то есть приписывать статистические характеристики и соотношения, существующие на уровне *группы*, каждому *элементу* этой группы.

Есть и еще одно важное обстоятельство, свидетельствующее о неадекватности ценностного понимания культуры задачам встроить ее в экономический анализ. Дело в том, что ценности *непосредственно* не влияют на поведение, что наглядно доказал еще классический натурный эксперимент Р. Лапьера (LaPiere, 1934). Схема «ценности → действия», которая была популярна у социальных психологов несколько десятилетий назад, усилиями многих исследователей давно трансформировалась в схему, хорошо понятную экономистам: «ценности → *ограничения* → действия», где в качестве ограничений в разных моделях выступают различные феномены — от тех или иных видов норм (Cialdini et al., 1990) до так называемой самодейственности, то есть уверенности индивида в том, что у него достаточно ресурсов и способностей, чтобы осуществить свои намерения (Bandura, 1977). Социетальная культура (культурный контекст) также выступает одним из посредников между ценностями и действиями, ограничивая (а иногда и детерминируя) *варианты* допустимого поведения (Roccas, Sagiv, 2010). В этой связи неудивительно, что даже в такой значимой для многих людей сфере, как религия, совпадение верований, убеждений, ценностей и фактического поведения скорее исключение, чем правило (Chaves, 2010).

Альтернативное понимание и измерение культуры

Приведенные выше данные показывают, что реифицированная трактовка культуры и ее ценностное измерение не позволяют корректно включать фактор культуры в экономический анализ. Это заставляет кратко очертить ее иное понимание.

Последовательным критиком трактовки культуры как целостности (entity), ключевыми компонентами которой выступают ценности, является Ш. Китаяма. Он отмечает, что общепринятый метод измерения ценностей и установок может фиксировать не глубинные структуры сознания и подсознания, а ситуативную реакцию респондентов. Поэтому нет оснований предполагать, что выявленная таким способом совокупность ценностей предопределяет все поведение индивидов. С его точки зрения, более реалистично понимание культуры «как динамической системы, составленной из многих слабо организованных, часто причинно связанных элементов — значений, практик и соотносящихся с ними ментальных процессов и откликов» (Kitayama, 2002. Р. 92). Тем самым «системный подход к культуре в явной форме признает, что все психологические процессы и механизмы потенциально доступны всем

народам и культурам» (Kitayama, 2002. Р. 93)¹⁷. Легко видеть, что системное понимание фактически сближается с «перечислительными» определениями культуры, отличительной чертой которых является затруднительность измерения, препятствующая применению такого понимания в экономических исследованиях.

Альтернативной реифицированному пониманию культуры выступает, как отмечалось выше, ее *процессное* понимание, в чем-то схожее с «перечислительными» трактовками, однако отличающееся от них тем, что в нем на передний план выходят именно процессы, то есть последовательность некоторых действий, изменений и т. п. Более детально мы рассмотрим это понимание в заключительном разделе статьи, попытавшись связать его с новой методологией включения фактора культуры в экономический анализ, здесь же остановимся на других альтернативах ценностному измерению национальных культур.

Социальные аксиомы. Подход, предложенный К. Леунгом, М. Бондом и их коллегами, основан на предпосылке о том, что культуры различаются тем, как люди видят устройство окружающего их мира (Leung et al., 2002). Если ценности репрезентируют *ситуации* (состояния), оцениваемые как желательные или нежелательные, то социальные аксиомы репрезентируют *связи* между индивидом и миром, а также внутри (социального) мира.

Обработка эмпирических данных позволила выявить пять обобщенных «измерений» такого видения: *цинизм* — негативный либо позитивный взгляд на природу человека; *социальная сложность* — уверенность во множестве или единственности пути достижения цели; *награда за усилия* — уверенность (или ее отсутствие) в том, что усердие «по жизни» вознаграждается; *духовность* — вера в существование сверхъестественного или ее отсутствие; *управление судьбой* — убежденность в предопределенности жизненных событий либо в том, что человек сам определяет свой жизненный путь.

Эмпирический анализ показал, что социальные аксиомы обладают значительной предсказательной способностью, особенно в ситуациях, когда намечаемое действие зависит от того, как, по мнению его субъекта, будут вести себя другие (Kurman, 2011). Это сближает данный подход с трактовкой культуры как совокупности дескриптивных норм (см. далее).

Каждое из приведенных «измерений» состоит из ряда «частных» аксиом, общий список которых в принципе открыт, как открыт и перечень самих «измерений». Так, недавно в качестве независимого измерения была предложена и эмпирически обоснована социальная аксиома убежденности в том, что социальные отношения — это игра с нулевой суммой, что чей-то выигрыш обязательно влечет чей-то проигрыш (Ryzycka-Tran et al., 2015). Очевидно, наличие или отсутствие такой убежденности у индивида потенциально значимо во всех сферах жизни — от взаимодействия с соседями до международных отношений.

Препятствует (хочется надеяться — временно) использованию этого подхода в экономическом анализе ограниченность базы эмпирических

¹⁷ Схожей точки зрения придерживаются Д. Ойзерман и ее коллеги, подчеркивающие стохастический, а не детерминированный характер связи культурных универсалий и поведенческих актов (Oyserman et al., 2014).

данных по странам мира. Естественно, как и для любого макроизмерения культуры, здесь важно не совершать экологическую ошибку.

Рыхлость/плотность культуры. Этот подход, развиваемый М. Гельфанд с коллегами, предполагает оценку национальной культуры с точки зрения уровня жесткости социальных норм и санкций за их нарушение (Gelfand et al., 2006). Данный параметр проявляется на всех уровнях — общества в целом, различных организаций, индивидуального поведения — и влияет на широкий спектр экономических и социальных явлений и процессов. Так, показано, что он воздействует на различия в понимании феномена лидерства в разных странах (Dickson et al., 2012), на уровень дискреционности в действиях менеджмента (Crossland, Hambrick, 2011) и т. п. Единственная претензия, которую можно предъявить этому подходу — рыхлость/плотность характеризует не только (и не столько) культуру, сколько *всю институциональную среду* страны, включая совокупность вводимых государством законов и правил. В этой связи сомнение вызывает обоснованность соединения в данной характеристике жесткости собственно *норм* и жесткости *механизмов принуждения* к их исполнению: как показывает опыт (в том числе отечественный), жесткие нормы могут исполняться избирательно, то есть не жестко.

Культура как совокупность интерсубъективных представлений. В отличие от двух предыдущих, это направление изучения культуры не является более или менее целостным, не обладает даже общей терминологией. Общим для него является трактовка культуры как совокупности представлений ее «участников» о преобладающих в ней ценностях и убеждениях. Если эти представления оказываются совпадающими, они трактуются не как индивидуальные, а как интерсубъективные. Ч.-Ю. Чиу и соавторы определяют интерсубъективные представления о культуре как «убеждения и ценности, которые участники культуры воспринимают как те, которые должны быть широко распространены в их культуре» (Chiu et al., 2010. Р. 482). Легко видеть, что это определение очень близко к понятию *дескриптивной нормы* — представлениям членов некоторой группы о том, какое поведение, *по их мнению*¹⁸, является типичным (широко распространенным) в различных ситуациях для других ее членов. Именно так предлагают трактовать индивидуализм/коллективизм Р. Фишер и его коллеги (Fischer et al., 2009). Преимущества такого понимания культуры его сторонники видят в значительной объясняющей силе норм (Shteynberg et al., 2009), с чем, конечно, трудно не согласиться (Rimal, Real, 2003). Однако интерсубъективный подход сталкивается как минимум с двумя проблемами: как «участники» культуры идентифицируют других ее участников и как — в какой форме и где — существуют интерсубъективные представления? (Fischer, 2012). Без убедительного ответа на эти вопросы трудно говорить о перспективности данного направления, хотя расширение понятия культуры за счет включения в него, наряду с ценностями, также и норм (даже в вычурной форме «интерсубъективных представлений»), является его безусловно позитивной чертой.

¹⁸ Разумеется, это мнение может быть ошибочным, см.: Miller, McFarland, 1987.

Завершив этот краткий и неполный обзор неценностных измерений культур как целостностей, перейдем к характеристике принципиально иного понимания национальной культуры.

Культура как деятельность и экономический анализ

Вероятно, одним из наиболее общих можно считать понимание культуры как «любого поведения, рутинно усваиваемого от представителей своего вида негенетическим путем. Наречие „рутинно“ означает, что такое поведение разделяется некоторым значительным подмножеством взрослой части популяции» (Bryson, 2009. Р. 78).

Коль скоро не предопределенное генетически поведение достаточно массовое, оно, как представляется, является и повторяющимся (в определенных ситуациях), что сближает его с понятием *практики*. В понимании последней мы следуем А. Реквицу, согласно которому практика — это «рутинизированный тип поведения, состоящий из нескольких взаимосвязанных элементов: форм физической активности, форм ментальной активности, „вещей“ и их использования, базовых знаний в форме понимания, ноу-хау, эмоциональных состояний и мотиваций» (Reckwitz, 2002. Р. 249).

Значимость практик для исследования социальных (в том числе экономических и политических) процессов подчеркнул недавно К. Бюгер (Bueger, 2014. Р. 386). Он обратил внимание на то, что в них отражается как явное, так и неявное (*tacit*) знание, которым располагают индивиды, в силу чего они *онтологически первичны* по отношению к различным структурным компонентам сообществ — институты, социетальные ценности и т. п.

Понимание культуры как массовой деятельности¹⁹, как совокупности практик не означает, что в культуре нет ничего, кроме практик. Ведь субъекты практики, индивиды, сознательно или бессознательно обрабатывая воспринимаемую ими информацию, строят разнообразные обобщения, модели мира, социальные аксиомы и т. п.: «Мы рассматриваем культуру как социально интерактивный процесс конструирования, включающий два основных компонента: культурные практики и культурную интерпретацию. Оба компонента культурных процессов по своей природе кумулятивны, поскольку происходят как между поколений, так и внутри них» (Greenfield et al., 2003. Р. 462). Важно только подчеркнуть, что «более высокие» уровни культуры, часто выделяемые исследователями (Erez, Gati, 2004), по содержанию могут сильно отличаться от представлений о них у массовых создателей культуры, в силу чего объяснительные возможности этих «более высоких» уровней неочевидны.

Различие между ценностным (и другими реифицированными) и деятельностным пониманием содержания культуры группы (сообщества) можно метафорически охарактеризовать так: согласно первому,

¹⁹ Перефразируя заголовок статьи Э. Даля (Dahl, 2014), можно сказать, что культура — это не то, что люди имеют, а то, что они делают.

групповая культура — это *пересечение* индивидуальных культурных деятельностей (практик, включая семиотические практики), согласно второму — это их *объединение*, включая все «более высокие» конструкторы, которыми располагают и обмениваются индивиды. Поскольку консенсус (как пересечение) может устанавливаться относительно весьма небольшого числа ценностей и других конструкторов (Wan et al., 2010), культура как консенсус представляет очень «бедное» описание разнообразия ценностей и других конструкторов индивидов, «принадлежащих» одной культуре. Как отмечают М. Кеммельмайер и Ю. Кюннен, «искушение трактовать культуру и культурные различия как „вещь“ очень сильно. Однако исследования в социальной психологии культуры и смежных дисциплинах продемонстрировали, что лучше понимать культуру как процесс» (Kemmelmeier, Kühnen, 2012. Р. 171).

Трактовка культуры как совокупности практик и стоящих за ними конструкторов (и другой информации) сталкивается с проблемой отграничения ее (и культурных практик) от других сфер жизни общества — например экономики. Одна из традиций ответов на этот вызов была сформулирована К. Гирцем: культура — «это не сила, не то, чему могут быть причинно атрибутированы социальные явления, поведения, институты или процессы; это контекст, внутри которого они могут быть внятно — детально — описаны» (Geertz, 1973. Р. 14; цит. по: Schudson, 1989. Р. 153). Развивая эту мысль, М. Шадсон писал: «Вопрос о влиянии культуры безответен, поскольку культура неотделима от социальных структур, экономики, политики и других характеристик человеческой деятельности» (Schudson, 1989. Р. 153). Понятно, что эти оценки относятся именно к культуре как *некоторому целому*, а не к отдельным феноменам или компонентам культуры.

С нашей точки зрения, культурные практики могут быть отделены от других практик. Основанием для их отделения могут послужить так называемые *культурные универсалии*, то есть типы действий, которые присутствуют *во всех человеческих сообществах* и обеспечивают базовую функцию культуры — адаптацию этих сообществ к меняющейся среде, их выживание (Murdock, 1945; Brown, 1991; Buss, 2001 и др.). Культурные универсалии (в том или ином их перечне) относятся к культуре как совокупности не predetermined генетически типов поведения, в то время как способы и *формы реализации* культурных универсалий, то есть различные практики, бытующие в том или ином сообществе, представляют собой собственно *культуры этих сообществ*. Иными словами, культуры сообществ (в том числе национальные культуры) выделяются по *нефункциональным* признакам, их отличают друг от друга характеристики, которые незначимы с точки зрения функции человеческой культуры в целом, то есть с точки зрения адаптации к внешней среде. Такой подход полностью соответствует, например, исследовательской практике в археологии, где культуры различаются по *нефункциональным* признакам: орнаменту на керамических изделиях, штриховке каменных орудий и т. п.

В целом в рамках процессной парадигмы культура трактуется как эволюционирующее «соединение плохо организованных идей и практик, которые разделяются (хотя и несовершенно) среди совокупности

взаимозависимых индивидов и передаются через поколения для координации индивидуальных целей, преследуемых в рамках совместного проживания» (Chiu et al., 2011. Р. 4). Понятно, что в рамках такого понимания вопрос об измерении реифицированной культуры отпадает — в силу отсутствия реификации.

Как в таком случае ввести феномен культуры в экономические исследования? По нашему мнению, альтернативный ныне преобладающему подходу состоит в «поштучном» анализе воздействия тех или культурных феноменов (относительно массовых культурных практик) на экономические процессы. В качестве примера можно сослаться на исследование экономических последствий распространенного в Южной Африке обычая «лоболо» (Ansell, 2001), состоящего в уплате семье невесты значительных сумм в денежной или натуральной форме, схожего с известным в тюркоязычных сообществах обычаем («калым»). Такого рода анализ, будучи вполне позитивным, дает одновременно основания и для нормативных рекомендаций, в зависимости от знака совокупных издержек и выгод для всех стейкхолдеров.

Подобных примеров можно привести гораздо больше, однако и данный пример хорошо иллюстрирует суть предлагаемого подхода: предметом анализа влияния культурных феноменов на экономику в первую очередь должны стать (относительно) массовые культурные практики, то есть практики, массовые в той или иной группе индивидов: наемные работники, мелкие предприниматели, региональные политики и т. п.

* * *

Т. Фридман, комментируя соотношение экономики и культуры, отметил: «Сводить функционирование национальной экономики только к культуре смехотворно, но и анализировать ее без учета культуры столь же смехотворно, хотя именно так и хотели бы сделать многие экономисты и политологи» (Friedman, 2007. Р. 562). Проблема заключается в том, *как именно* учитывать культуру в экономическом анализе. Мы попытались показать, что объяснения макро-, мезо- и микрохарактеристик экономики через фикцию реифицированной социетальной культуры и фиксирующего ее ценностного «культурного кода» как минимум непродуктивны (если не прибегать к оценке Фридмана).

Более продуктивно изучать феномены культуры «поштучно», «по-институтно», оценивая влияние на экономические процессы каждого отдельного культурного феномена, а не всей их совокупности, поскольку все имеющиеся «совокупные» измерители устроены так, что в них влияние культуры неотделимо от влияния формальных институтов — начиная с ценностей и кончая доверием. Следовательно, говорить, что измерено влияние целостной культуры, а не совокупной институциональной среды, можно, лишь убедительно отграничив их друг от друга, что, как правило, невозможно. Поэтому можно сказать, что установление эконометрической связи каких-то параметров социетальной культуры и некоторых макроэкономических переменных фиксирует возникновение *проблемы* для микроэкономического иссле-

дования, для выявления того, какие именно из культурных феноменов и с помощью каких механизмов приводят к макроэкономическим последствиям. Разумеется, покомпонентный, «штучный» анализ влияния феноменов культуры на экономику не позволяет делать громких заявлений (типа «культура правит» или «культурный код мешает модернизации»), однако предоставляет широкие возможности для *позитивного эмпирического исследования* воздействия конкретных черт культуры на те или иные экономические процессы на разных уровнях.

Список литературы / References

- Аузан А. А., Архангельский А. Н., Лунгин П. С., Найшуль В. А. (2011). Культурные факторы модернизации. М.; СПб.: Фонд «Стратегия 2020». [Auzan A. A., Arhangelskiy A. N., Lungin P. S., Nayshul V. A. (2011). *Cultural factors of modernization*. Moscow, St. Petersburg: Fondation "Strategiya 2020". (In Russian).]
- Бессонова О. Э. (2007). Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы // Экономическая наука современной России. № 2. С. 23–33 [Bessonova O. E. (2007). Phenomenon of the "institutional matrixes theory": Restoration of the out-of-date paradigm. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 2, pp. 23–33. (In Russian).]
- Верижников А. (2008). Песни о главном: «Владимирский централ» и «Белые розы» как символы российской идентичности // Индустрия рекламы. № 10. С. 90–94. [Verizhnikov A. (2008). Songs on the main things: "Vladimirskiy bastille" and "White roses" as Russian identity's symbols. *Industriya Reklamy*, No. 10, pp. 90–94. (In Russian).]
- Кравченко А. И. (2000). Культурология: Словарь. М.: Академический проект. [Kravchenko A. I. (2000). *Culturology: A dictionary*. Moscow: Akademicheskii projekt. (In Russian).]
- Красных В. В. (2002). Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис. [Krasnykh V. V. (2002). *Ethno-linguistics and cultural linguistics*. Moscow: Gnozis. (In Russian).]
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (2009). Культура как фактор общественного прогресса. М.: Юстицинформ. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N. (2009). *Culture as factor of social progress*. Moscow: Yustitsinform (In Russian).]
- Лебедева Н. М. (2007). Культура и экономическое развитие: существует ли связь? // Модернизация экономики и общественное развитие. Т. 2 / Отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Издат. дом ГУ ВШЭ. С. 220–231 [Lebedeva N. M. (2007). Culture and economic development: Is there a linkage? In: E. G. Yasin (ed.). *Economic modernization and social development*, Vol. 2. Moscow: HSE Publ., pp. 220–231. (In Russian).]
- Медведева Е., Медведев А. (2010). Как появилась рыночная экономика и возможна ли она в современной России. М.: М-Студио. [Medvedeva E., Medvedev A. (2010). *How did market economy emerge, and is it possible in contemporary Russia*. Moscow: M-Studio. (In Russian).]
- Моль А. (1973). Социодинамика культуры. М.: Прогресс. [Moles A. (1973). *Sociodynamics of culture*. Moscow: Progress (In Russian).]
- Нифаева О., Нехамкин А. (2013). Формирование цивилизованной модели российской экономики. Институциональный подход. М.: Наука. [Nifaeva O., Nekhamkin A. (2013). *Russian economy's civilizational model formation: Institutional perspective*. Moscow: Nauka (In Russian).]
- Трудолюбов М. (2013). Культурный код: Шифровка из центра // Ведомости. 23 сент. [Trudolyubov M. (2013). Culture code: Cryptogram from the center. *Vedomosti*, September 23. (In Russian).]

- Фаис О. Д. (2003). Модернизация в Сардинии и этно-культурные трансформации. М.: Изд. РУДН. [Fais O. D. (2003). *Modernization at Sardinia and ethno-cultural transformations*. Moscow: RUDN Publ. (In Russian).]
- Ясин Е. (2007). Модернизация и общество // Вопросы экономики. № 5. С. 4–29. [Yasin E. (2007). *Modernization and society*. *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 4–29. (In Russian).]
- Ясин Е. Г. (2014). Влияние культуры на модернизацию России: Доклад к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ, Москва, 1–4 апр. М.: Издат. дом ВШЭ. [Yasin E. G. (2014). *Cultural influence on Russian modernization*. Paper presented at the XV International conference on economic and social development, Higher School of Economics, Moscow, April 1–4. (In Russian).]
- Alesina A., Giuliano P. (2013). Culture and institutions. *NBER Working Paper*, No. 19750.
- Ansell N. (2001). “Because it’s our culture!” (Re)negotiating the meaning of *lobola* in Southern African secondary schools. *Journal of Southern African Studies*, Vol. 27, No 4, pp. 697–716.
- Bandura A. (1977). Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, Vol. 84, No. 2, pp. 191–215.
- Beugelsdijk S. (2006). A note on the theory and measurement of trust in explaining differences in economic growth. *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 30, No. 3, pp. 371–387.
- Beugelsdijk S., Smeets R. (2008). Entrepreneurial culture and economic growth. *American Journal of Economics and Sociology*, Vol. 67, No. 5, pp. 915–939.
- Brewer P., Venaik S. (2014). The ecological fallacy in national culture research. *Organization Studies*, Vol. 35, No. 7, pp. 1063–1086.
- Brown D. E. (1991). *Human universals*. N.Y.: McGraw-Hill.
- Bryson J. J. (2009). Representations underlying social learning and cultural evolution. *Interaction Studies*, Vol. 10, No. 1, pp. 77–100.
- Buckholtz J. W., Marois R. (2012). The roots of modern justice: cognitive and neural foundations of social norms and their enforcement. *Nature neuroscience*, Vol. 15, No. 5, pp. 655–661.
- Bueger C. (2014). Pathways to practice: praxiography and international politics. *European Political Science Review*, Vol. 6, No. 3, pp. 383–406.
- Buss D. M. (2001). Human nature and culture: An evolutionary psychological perspective. *Journal of Personality*, Vol. 69, No. 6, pp. 955–978.
- Chaves M. (2010). Rain dances in the dry season: Overcoming the religious congruence fallacy. *Journal for the Scientific Study of Religion*, Vol. 49, No. 1, pp. 1–14.
- Chiu C.-Y., Gelfand M. J., Yamagishi T., Shteynberg G., Wan C. (2010). Intersubjective culture: The role of intersubjective perceptions in cross-cultural research. *Perspectives on Psychological Science*, Vol. 5, No. 4, pp. 482–493.
- Chiu C.-Y., Leung A. K.-Y., Hong Y.-Y. (2011). Cultural processes: An overview. In: A. K.-Y. Leung, C.-Y. Chiu, Y.-Y. Hong (eds.) *Cultural processes: A social psychological perspective*. N.Y.: Cambridge University Press, pp. 3–22.
- Cialdini R. B., Kallgren C. A., Reno R. R. (1990). A focus theory of normative conduct: Recycling the concept. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 58, No. 6, pp. 1015–1026.
- Cohen D. (2001). Cultural variation: considerations and implications. *Psychological Bulletin*, Vol. 127, No. 4, pp. 451–471.
- Cole W. M. (2013). Does respect for human rights vary across “civilizations”? A statistical reexamination. *International Journal of Comparative Sociology*, Vol. 54, No. 4, pp. 345–381.
- Crossland C., Hambrick D. C. (2011). Differences in managerial discretion across countries: how nation-level institutions affect the degree to which CEOs matter. *Strategic Management Journal*, Vol. 32, No. 8, pp. 797–819.
- Dahl Ø. (2014). Is culture something we have or something we do? From descriptive essentialist to dynamic intercultural constructivist communication. *Journal of Intercultural Communication*, No. 36.

- Dickson M. W., Castaco N., Magomaeva A., Den Hartog D. N. (2012). Conceptualizing leadership across cultures. *Journal of World Business*, Vol. 47, No. 4, pp. 483–492.
- Drnáková L. (2006). *Cultural values in transition environment – assessment based on international social survey programme data* (Discussion Paper No. 2006-159). Charles University, Center for Economic Research and Graduate Education.
- Edwards M. S., Patterson D. (2009). The influence of cultural values on economic growth: An expanded empirical investigation. *Journal of Political Science*, Vol. 37, pp. 148–73.
- Enfield N. J. (2000). The theory of cultural logic: How individuals combine social intelligence with semiotics to create and maintain cultural meaning. *Cultural Dynamics*, Vol. 12, No. 1, pp. 35–64.
- Erez M., Gati E. (2004). A dynamic, multi-level model of culture: From the micro level of the individual to the macro level of a global culture. *Applied Psychology*, Vol. 53, No. 4, pp. 583–598.
- Fischer R. (2006). Congruence and functions of personal and cultural values: Do my values reflect my culture's values? *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 32, No. 11, pp. 1419–1431.
- Fischer R., Ferreira M. C., Assmar E., Redford P., Harb C., Glazer S., Cheng B. S., Jiang D. Y., Wong C., Kumar N., Kaertner J., Hofer J., Achoui M. (2009). Individualism–collectivism as descriptive norms: Development of a subjective norm approach to culture measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 40, No. 2, pp. 187–213.
- Fischer R. (2012). Intersubjective culture: Indeed intersubjective or yet another form of subjective assessment? *Swiss Journal of Psychology*, Vol. 71, No. 1, pp. 13–20.
- Friedman T. L. (2007). *The world is flat 3.0: A brief history of the twenty-first century*. N.Y.: Picador.
- Geertz C. (1973). *The Interpretation of Cultures*. N.Y.: Basic Books.
- Gelfand M. J., Nishii L. H., Raver J. L. (2006). On the nature and importance of cultural tightness-looseness. *Journal of Applied Psychology*, Vol. 91, No. 6, pp. 1225–1244.
- Gerhart B. (2008a). Cross cultural management research: Assumptions, evidence, and suggested directions. *International Journal of Cross Cultural Management*, Vol. 8, No. 3, pp. 259–274.
- Gerhart B. (2008b). How much does national culture constrain organizational culture? *Management and Organization Review*, Vol. 5, No. 2, pp. 241–259.
- Granato J., Inglehart R., Leblang D. (1996). The effect of cultural values on economic development: Theory, hypotheses, and some empirical tests. *American Journal of Political Science*, Vol. 40, No. 3, pp. 607–631.
- Green E. G. T., Deschamps J.-C., Páez D. (2005). Variation of individualism and collectivism within and between 20 countries: A typological analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 36, No. 3, pp. 321–339.
- Greenfield P. M., Keller H., Fuligni A., Maynard A. (2003). Cultural pathways through universal development. *Annual Review of Psychology*, Vol. 54, pp. 461–490.
- Hanson J. K. (2009). *Cultural values and economic growth: A new look at past findings*. Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association, April 2–5.
- Helwig C. C. (2006). The development of personal autonomy throughout cultures. *Cognitive Development*, Vol. 21, No. 4, pp. 458–473.
- Herreros F. (2012). The state counts: State efficacy and the development of trust. *Rationality and Society*, Vol. 24, No. 4, pp. 483–509.
- Hofstede G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Beverly Hills: Sage.
- Hofstede G. (2001). *Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage.
- Hofstede G., Hofstede G. J. (2005). *Cultures and organizations: Software of the mind* (2nd ed., revised and expanded). N.Y.: McGraw-Hill.

- Hofstede G. (1991). *Cultures and organizations: Software of the mind*. London: McGraw-Hill.
- Hofstede G. (2002). Dimensions do not exist — a reply to Brendan McSweeney. *Human Relations*, Vol. 55, No. 11, pp. 1355–1361.
- House R. J., Javidan M., Dorfman P. (2001). The GLOBE project. *Applied Psychology: An International Review*, Vol. 50, No. 4, pp. 489–505.
- Huntington S. P. (1993). The clash of civilizations? *Foreign Affairs*, Vol. 72, No. 3, pp. 22–49.
- Inglehart R., Welzel C. (2006). *Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence*. N.Y.: Cambridge University Press.
- Inglehart R., Basanez M., Deiz-Medrano J., Halman L., Luijkx R. (eds.) (2004). *Human beliefs and values: A cross-cultural sourcebook based on the 1999–2002 values surveys*. Mexico City: Siglo XXI.
- Kapas J. (2014). *How culture matters: The impact of individual values on development*. International Institute of social and economic sciences. Paper presented at the 14th International Academic Conference, Malta, October 28.
- Kemmelmeyer M., Kühnen U. (2012). Culture as process: The dynamics of cultural stability and change. *Social Psychology*, Vol. 43, No. 4, pp. 171–173.
- Kitayama S. (2002). Culture and basic psychological processes-toward a system view of culture: Comment on Oyserman et al. *Psychological Bulletin*, Vol. 128, No. 1, pp. 89–96.
- Kroeber A. L., Kluckhohn C. (1952). Culture: A critical review of concepts and definitions. *Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University*, Vol. XLVII, No. 1. Cambridge, MA.
- Kroeber A. L. (1917). The superorganic. *American Anthropologist*, Vol. 19, No. 2, pp. 163–213.
- Kurman J. (2011). What I do and what I think they would do: Social axioms and behaviour. *European Journal of Personality*, Vol. 25, No. 6, pp. 410–423.
- LaPiere R. T. (1934). Attitudes vs. actions. *Social Forces*, Vol. 13, No. 2, pp. 230–237.
- Leung K., Bond M. H., de Carrasquel S. R., Munoz C., Hernandez M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T. M. (2002). Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 33, No. 3, pp. 286–302.
- Licht A. N., Goldschmidt C., Schwartz S. H. (2007). Culture rules: The foundations of the rule of law and other norms of governance. *Journal of Comparative Economics*, Vol. 35, No. 4, pp. 659–688.
- Malinowski B. (1926). *Crime and custom in savage society*. N.Y.: Harcourt Brace.
- McClelland D. C. (1961). *The achieving society*. Princeton: D. Van Nostrand.
- McSweeney B. (2009). Dynamic diversity: Variety and variation within countries. *Organization Studies*, Vol. 39, No. 9, pp. 933–957.
- McSweeney B. (2009). Incoherent culture. *European Journal of Cross-Cultural Competence and Management*, Vol. 1, No. 1, pp. 22–27.
- Mihet R. (2012). Effects of culture on firm risk-taking: A cross-country and cross-industry analysis. *IMF Working Paper*. No. WP/12/210.
- Miller D. T., McFarland C. (1987). Pluralistic ignorance: When similarity is interpreted as dissimilarity. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 53, No. 2, pp. 298–305.
- Morris M. W. (2014). Values as the essence of culture: Foundation or fallacy? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 45, No. 1, pp. 14–24.
- Murdock G. P. (1945). The common denominators of culture. In: R. Linton (ed.). *The science of man in the world crisis*. N.Y.: Columbia University Press, pp. 123–142.
- Oyserman D., Kemmelmeier M., Coon H. M. (2002). Cultural psychology, a new look: Reply to Bond (2002), Fiske (2002), Kitayama (2002), and Miller (2002). *Psychological Bulletin*, Vol. 128, No. 1, pp. 110–117.
- Oyserman D., Novin S., Flinkenflogel N., Krabbendam L. (2014). Integrating culture-as-situated-cognition and neuroscience prediction models. *Culture and Brain*, Vol. 2, No. 1, pp. 1–26.

- Plaut V. C., Markus H. R., Treadway J. R., Fu A. S. (2012). The cultural construction of self and well-being: A tale of two cities. *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 38, No. 12, pp. 1644–1658.
- Ranganathan S., Spaier V., Mann R. P., Sumpter D. J. T. (2014). Bayesian dynamical systems modelling in the social sciences. *PLoS ONE*, Vol. 9, No. 1: e86468.
- Rapaille C., (2006). *The culture code: An ingenious way to understand why people around the world live and buy as they do*. N.Y.: Broadway Books.
- Reckwitz A. (2002). Toward a theory of social practices: A development in culturalist theorizing. *European Journal of Social Theory*, Vol. 5, No. 2, pp. 243–263.
- Rimal R. N., Real K. (2003). Understanding the influence of perceived norms on behaviors. *Communication Theory*, Vol. 13, No. 2, pp. 184–203.
- Rizzolatti G., Craighero L. (2004). The mirror-neuron system. *Annual Review of Neuroscience*, Vol. 27, pp. 169–192.
- Robinson J. A., Acemoglu D., Johnson S. (2005). Institutions as a fundamental cause of long-run growth. In: P. Aghion, S. Durlauf (eds.) *Handbook of economic growth*, Vol. 1A. Amsterdam: Elsevier, pp. 386–472.
- Roccas S., Sagiv L. (2010). Personal values and behavior: Taking the cultural context into account. *Social and Personality Psychology Compass*, Vol. 4, No. 1, pp. 30–41.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. (2004). Institutions rule: The primacy of institutions over geography and integration in economic development. *Journal of Economic Growth*, Vol. 9, No. 2, pp. 131–165.
- Romer P. M. (1986). Increasing returns and long-run growth. *Journal of Political Economy*, Vol. 94, No. 5, pp. 1002–1037.
- Rothstein B., Stolle D. (2008). The state and social capital: An institutional theory of generalized trust. *Comparative Politics*, Vol. 40, No. 4, pp. 441–459.
- Ryzycka-Tran J., Boski P., Wojciszke B. (2015). Belief in a zero-sum game as a social axiom: A 37-nation study. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 46, No. 4, pp. 525–548.
- Sachs J., Warner A. (1995). Natural resource abundance and economic growth. *NBER Working Paper*, No. 5398.
- Sawang S., Oei T. P. S., Goh Y. W. (2006). Are country and culture values interchangeable? A case example using occupational stress and coping. *International Journal of Cross Cultural Management*, Vol. 6, No. 2, pp. 205–219.
- Schmitt M. J., Schwartz S., Steyer R., Schmitt T. (1993). Measurement models for the Schwartz values inventory. *European Journal of Psychological Assessment*, Vol. 9, No. 2, pp. 107–121.
- Schudson M. (1989). How culture works: Perspectives from media studies on the efficacy of symbols. *Theory and Society*, Vol. 18, No. 2, pp. 153–180.
- Schwartz S. H. (2006). A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, Vol. 5, No. 2–3, pp. 136–182.
- Schwartz S. H. (2009). Causes of culture: National differences in cultural embeddedness. In: A. Gari, K. Mylonas (eds.) *Quod erat demonstrandum: From Herodotus' ethnographic journeys to cross-cultural research*. Athens: Pedio Books, pp. 1–12.
- Schwartz S. H. (2014). Rethinking the concept and measurement of societal culture in light of empirical findings. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 45, No. 1, pp. 5–13.
- Schwartz S. H. (2014). Societal value culture: Latent and dynamic. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 45, No. 1, pp. 42–46.
- Schwartz S. H., Sagie G. (2000). Value consensus and importance: A cross-national study. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 31, No. 4, pp. 465–497.
- Shteynberg G., Gelfand M. J., Kim K. (2009). Peering into the “magnum mysterium” of culture: The explanatory power of descriptive norms. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 40, No. 1, pp. 46–69.
- Soares A. M., Farhangmehr M., Shoham A. (2007). Hofstede's dimensions of culture in international marketing studies. *Journal of Business Research*, Vol. 60, No. 3, pp. 277–284.

- Spaiser V., Ranganathan S., Mann R. P., Sumpter D. J. T. (2014). The dynamics of democracy, development and cultural values. *PLoS ONE*, Vol. 9, No. 6: e97856.
- Sperber D., Hirschfeld L. A. (2004). The cognitive foundations of cultural stability and diversity. *Trends in Cognitive Sciences*, Vol. 8, No. 1, pp. 40–46.
- Tabellini G. (2010). Culture and institutions: economic development in the regions of Europe. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 8, No. 4, pp. 677–716.
- Talhelm T., Zhang X., Oishi S., Shimin C., Duan D., Lan X., Kitayama S. (2014). Large-scale psychological differences within China explained by rice versus wheat agriculture. *Science*, Vol. 344, No. 6184, pp. 603–608.
- Taras V., Kirkman B.L., Steel P. (2010). Examining the impact of culture's consequences: a three-decade, multilevel, meta-analytic review of Hofstede's cultural value dimensions. *Journal of Applied Psychology*, Vol. 95, No. 3, pp. 405–439.
- Terracciano A., Abdel-Khalek A. M., Adam N., Adamovova L. et al. (2005). National character does not reflect mean personality trait levels in 49 cultures. *Science*, Vol. 310, No. 5745, pp. 96–100.
- Tsui A. S., Nifadkar S. S., Ou A. Y. (2007). Cross-national, cross-cultural organizational behavior research: Advances, gaps, and recommendations. *Journal of Management*, Vol. 33, No. 3, pp. 426–478.
- Tylor E. B. (1871). *Primitive culture*. London: John Murray.
- Uz I. (2015). Do cultures clash? *Social Science Information*, Vol. 54, No. 1, pp. 78–90.
- Wan C., Torelli C. J., Chiu C. (2010). Intersubjective consensus and the maintenance of normative shared reality. *Social Cognition*, Vol. 28, No. 3, pp. 422–446.
- Williamson C.R. (2009). Informal institutions rule: institutional arrangements and economic performance. *Public Choice*, Vol. 139, No. 3–4, pp. 371–387.
- Zucker L. G. (1977). The role of institutionalization in cultural persistence. *American Sociological Review*, Vol. 42, No. 5, pp. 726–743.
-

The Myth of the “Culture Code” in Economic Research

Vitaly Tambovtsev

Author affiliation: Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Email: vitalytambovtsev@gmail.com.

The paper is devoted to the critical analysis of today's mainstream approach to the inclusion of the factor of culture in economic research. National culture is treated in this framework as a reified entity measured by societal values and is persistently included as a “culture code” throughout different contexts. The paper presents evidence contradicting this treatment, and an alternative methodology for economic analysis of cultural phenomena is suggested, namely that each mass cultural practice should be analyzed on a “case-by-case” basis, comparing stakeholders' costs and benefits.

Keywords: culture, economic growth, culture code, reification, societal values, cultural practices.

JEL: E02, O17, O43, Z10.

Г. Клейнер

Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории*

Часть I

Базовые аспекты проблемы устойчивости экономики в стратегической перспективе рассматриваются в статье с позиций системной экономической теории. Статья состоит из двух частей. В первой части предлагается концепция динамики национальной экономики как циклически повторяющейся последовательности четырех фаз развития — кризисной, посткризисной, межкризисной и предкризисной. При этом переход от одной стадии к другой синхронизируется со сменой ролевых функций (лидерство, оппозиция, нейтралитет, поддержка) четырех ключевых макроподсистем экономики и последовательностью фаз жизненных циклов подсистем (зрелость, обновление, становление, развитие). В качестве ключевых подсистем экономики (понимаемой в широком смысле) рассматриваются экономическая наука, социально-экономическая политика, сфера управления экономикой и хозяйственная практика («реальная экономика»). Предложена нормативная модель распределения ролевых функций подсистем по стадиям кризисного цикла движения экономики, позволяющая при формировании социально-экономической стратегии в наибольшей степени учесть потенциал каждой подсистемы и определить возможные рычаги регулирования длительности той или иной стадии кризисного цикла экономики. Во второй части статьи будут раскрыты возможности системной экономической теории в сфере анализа устойчивости экономики и ее ключевых подсистем, исследован потенциал четырех системных секторов экономики (объектного, проектного, процессного и средового) в активизации развития и стабилизации функционирования экономики, предложены меры по обеспечению ее системной устойчивости.

Ключевые слова: устойчивость экономики, системная экономическая теория, кризисный цикл экономики, жизненный цикл, экономическая наука, управление экономикой, экономическая политика, хозяйственная практика, системная структура экономики.

JEL: B4, B5, E32, L53, O1.

Клейнер Георгий Борисович (george.kleiner@inbox.ru), член-корр. РАН, зам-директора ЦЭМИ РАН, завкафедрой Финансового университета при Правительстве РФ (Москва).

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-02294.

За последние 25 лет Россия пережила четыре масштабных экономических кризиса. «Трансформационный» кризис 1990—1992 гг. сопровождался наибольшим снижением ВВП — на 14,5% (1992 г.). В период «долгового» кризиса 1998—2000 гг. максимальное падение годового ВВП составило 5,3% (1998 г.). Под воздействием мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. ВВП России сократился в 2009 г. на 7,8%. Текущий «экономико-политический» кризис, по разным прогнозам, может вызвать снижение ВВП в 2015 г. на 3—5%. По меньшей мере семь значимых кризисов можно насчитать и в экономике СССР (Клейнер, 2000). Несмотря на то что амплитуда колебаний ВВП снижается, последствия как основных кризисов, так и их «афтершоков» прерывают кумулятивное развитие экономики, нарушают естественный эволюционный ход экономических процессов, отбрасывают экономику назад в плане технологического прогресса.

Еще одно негативное проявление «кризисного стиля» развития характерно именно для России: происходит постоянное шарахание экономической политики от одной крайности к другой («открытая экономика» — импортозамещение; коллективизация — приватизация; укрупнение хозяйственных звеньев — разукрупнение; натуральное планирование — тотальная монетизация; централизация — децентрализация и т. д.). Подобные развороты поглощают огромное количество ресурсов и сами порождают экономические кризисы. При этом допущенные в экономической политике перегибы и ошибки не исправляются, а «меняют знак».

Поскольку рассчитывать на возможности бескризисного развития нет оснований (достаточно вспомнить теории цикличности экономики, связанные с именами Кондратьева, Кузнеця, Чижевского, Жюгляра, Китчина и др.), концепцию устойчивости экономического развития необходимо модифицировать с учетом более или менее регулярного наступления кризисов. Проблема устойчивости российской экономики давно находится в центре внимания экономистов (см., например: Гурвич, Прилепский, 2013; Бобылев и др., 2015; Зоидов, 2007; 2008; и др.). Различные направления экономической теории предлагают разные модели сущности и факторов устойчивости экономики и соответственно различные рекомендации по ее стабилизации. Представители *неоклассического* направления апеллируют к повышению эффективности деятельности экономических агентов за счет создания «безбарьерной» экономической среды для бизнеса; *институционалисты* ставят во главу угла создание системы эффективных институтов, прежде всего обеспечения прав собственности; представители *эволюционного* направления концентрируют внимание на поведенческих рутинах и генетических механизмах передачи признаков следующим поколениям агентов данной популяции в периоды ослабления экономической активности.

Есть свои рекомендации стабилизационного характера и у *системной экономической теории* — нового направления экономической теории, активно развивающегося с конца 1990-х годов и основанного на системной парадигме Я. Корнаи (Kornai, 1998; Корнаи, 1999; 2002). В отличие от неоклассической теории, где в качестве основной единицы анализа выступает экономический *агент*, от институциональной теории,

где основная единица анализа — *транзакция*, и от эволюционной теории, для которой такой единицей служит наследуемая *рутина* (в более общем смысле — укоренившаяся *тенденция*), в системной экономике роль основной единицы анализа играет относительно автономная социально-экономическая *система*. Последняя трактуется как локализованная во времени и/или в пространстве относительно *устойчивая* часть странового (иногда — мирового) социально-экономического континуума, обладающая внешней целостностью и внутренним многообразием (Клейнер, 2013b). Таким образом, понятие *устойчивости* органически вплетено в базисный концептуальный ряд системной экономической теории, и обоснованно ожидать от нее именно «системных» рекомендаций по преодолению и предотвращению крупных экономических кризисов.

Для России проблема стабилизации развития играет особую роль. «Зигзагообразный» в экономическом пространстве и возвратно-поступательный в экономическом времени, циклический, по сути, характер социально-экономического развития неоднократно обсуждался в литературе (Клейнер, 2000; Гольц, 2002; Зоидов, 2007; 2008; Айрапетян, 2014; и др.). Переход от возвратно-поступательной к эволюционной траектории развития мы считаем основной стратегической целью экономической политики России.

Можно ли провести какую-либо параллель между четырьмя последними кризисами, учитывая разнообразие их причин и особенности протекания? Существуют ли в России социально-экономические силы, способные при надлежащей экономической политике повлиять на периодичность и амплитуду кризисов? Совместимо ли вообще понятие устойчивости экономики с признанием наличия систематически повторяющихся кризисов?

В данной статье мы даем положительные ответы на эти вопросы, базируясь на системном анализе как в широком смысле слова, то есть рассматривая основные объекты исследования в качестве систем (см., например: Лившиц, 2013), так и в узком смысле — как применение системной экономической теории, или системной экономики (см.: Клейнер, 2013b). В итоге на платформе системной экономики удастся объединить концепции кризисных и жизненных циклов общества, экономики и их ключевых подсистем, связать рациональное распределение ролевых функций этих подсистем с фазами кризисных и жизненных циклов экономики. Экономическая динамика рассматривается как чередование кризисных, посткризисных, межкризисных и предкризисных периодов, а *устойчивость* — как предсказуемость и частичная регулируемость длительности этих четырех стадий, достигаемая за счет принятия релевантных стратегических решений по поддержке тех или иных подсистем. При таком подходе отчетливо выявляются, в частности, роль и место экономической науки как самостоятельной и равноправной подсистемы экономики. Исследуются ролевые функции подсистем экономики на каждой стадии ее кризисного цикла, строится структурная модель экономической динамики как результата реализации этих функций в условиях синхронизации кризисного цикла экономики с жизненными циклами ее подсистем. Экономика в широком смысле рассматривается как система, объединяющая четыре ключевые подсистемы.

темы: экономическую науку (*economics*), социально-экономическую политику (*economic policy*), сферу управления экономикой (*management*) и хозяйственную практику, или экономику в узком смысле (*economy*). В свою очередь, последняя объединяет четыре внутренние подсистемы, так называемые системные секторы, охватывающие однотипные системы: средовой, процессный, проектный и объектный (Клейнер, 2011b).

На этом пути удастся раскрыть суть так называемого системного полиморфизма — свойства крупномасштабных систем, когда одна и та же система демонстрирует в разных ситуациях черты систем разных типов — средового, процессного, проектного или объектного. В предлагаемой концепции чередование этих черт синхронизировано с чередованием стадий кризисного цикла. Так, в кризисной фазе экономика демонстрирует выраженные черты проектной системы, в посткризисной — объектной, в межкризисной — средовой, в предкризисной фазе — процессной системы.

Такая модель предъявляет новые требования к разработке социально-экономической стратегии страны. Она должна учитывать оценки и прогнозы текущей и последующих стадий кризисного цикла, содержать решения о распределении ресурсов между системными секторами экономики. Для текущей ситуации в России особое значение имеют активизация проектного сектора с целью ослабить негативные аспекты кризиса, а также поддержать и сохранить объектный сектор для развития экономики на посткризисной стадии.

Статья состоит из четырех разделов. В первом национальная экономика (в широком смысле) рассматривается как система, функционирующая благодаря взаимодействию четырех ключевых подсистем: экономической науки; социально-экономической политики; сферы управления экономикой; хозяйственной практики («реальной экономики»). Предлагается модель жизненного цикла экономической динамики как чередующейся последовательности четырех периодов: кризисного, посткризисного, межкризисного и предкризисного, синхронизированной с жизненными циклами каждой подсистемы и чередованием их ролевых функций во взаимодействии с экономикой в целом. На основе модели качественно определяются факторы системной устойчивости экономики и длительности межкризисного периода. Аналогичная модель строится для экономики в узком смысле, ключевыми подсистемами которой служат четыре сектора экономики — проектный, объектный, процессный и средовой.

Во втором разделе раскрываются возможности системной экономической теории (СЭТ), или системной экономики, связанные с объяснением структуры устойчивых системных конфигураций и анализом понятия устойчивости национальной экономики. Вводится понятие полиморфизма систем и предлагается концепция, согласно которой в зависимости от фазы кризисного цикла проявляются те или иные системные признаки социально-экономических систем.

В третьем разделе исследуется сбалансированность системных секторов как условие устойчивости экономики. На базе теории тетрад — минимальных устойчивых комплексов из четырех систем разных типов — формулируются требования к системным секторам, необходи-

мые для выполнения ими своих ролевых функций на разных стадиях кризисного цикла экономики.

Четвертый раздел посвящен проблемам устойчивости экономики России. Показана роль *многоуровневой структуры экономических субъектов* как своеобразного каркаса национальной экономики. Ставится задача его развития и укрепления, в том числе присвоения статуса субъекта особого рода наиболее значимым экономическим проектам, а также усиления субъектных свойств отраслей экономики; предлагаются связанные с этим преобразования в структурах органов власти и принятия решений.

В заключение формулируются рекомендации по основным направлениям экономической политики, преследующие цель обеспечить системную устойчивость российской экономики

Кризисные циклы, антикризисные силы, системная структура движения экономики

Кризисный цикл развития экономики

В исторической науке и социальной практике периодизацию развития страны часто осуществляют с опорой на наиболее значимые события в жизни государства — войны, революции и т. д. Время делится на периоды по принципу «до войны», «во время войны», «после войны». Экономическая история стран также разбивается на периоды, связанные с наступлением тех или иных общеэкономических кризисов. Так появляются «кризисный», «посткризисный» и «предкризисный» периоды. Если макрокризисы возникают достаточно редко и влияние предшествующих кризисов на поведение социальных и экономических агентов со временем ослабевает, то имеет смысл также выделять «межкризисный» период. Таким образом, траектория развития экономики естественным образом разбивается на четыре периода (стадии, фазы): кризисный, посткризисный, предкризисный и межкризисный.

Этот цикл в разных пропорциях повторяется неограниченное число раз, мы называем его кризисным циклом экономического развития страны (рис. 1). Движение по часовой стрелке на представленной схеме соответствует последовательности смены стадий кризисного цикла экономики. Движение по стрелкам в обратном направлении отражает влияние ожиданий, связанных с наступлением следующей стадии, на протекание предшествующей.

Объективно отнести конкретный год к той или иной фазе этого цикла, разумеется, непросто. Обычно переход из кризисной

**Кризисный цикл экономического
развития страны**

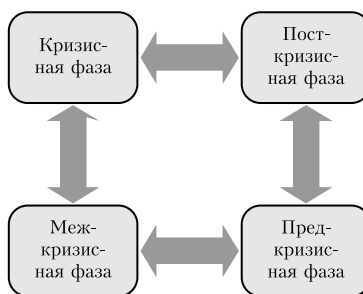

Рис. 1

фазы в посткризисную связывают с прекращением падения годового ВВП; для межкризисного периода характерны средние темпы роста ВВП (2–4%); предкризисная фаза связана с перегревом экономики (рост ВВП на 5–10%). Существуют и другие индикаторы смены фаз кризисного цикла экономики, основанные на техническом и фундаментальном анализе фондового рынка, предпринимательской уверенности, социальных ожиданий и т. п. Ключевую фазу цикла — кризисную, по нашему мнению, следует характеризовать как «войну всех против всех», то есть период активного влияния противоположно направленных движущих сил и факторов экономики.

Признание циклического характера движения экономики, неограниченного повторения кризисных и связанных с ними предшествующих и последующих периодов обогащает содержание стратегического планирования и социально-экономической политики в целом. В частности, в литературе давно дискутируется вопрос о сроках стратегического планирования для экономических систем микро-, мезо- и макроэкономического уровня. Исходя из нашей периодизации, можно предположить, что естественным сроком действия стратегии выступает продолжительность соответствующей фазы кризисного цикла данного объекта. По ее окончании должен автоматически ставиться вопрос о корректировке стратегии.

Содержание стратегического планирования в свете концепции кризисных циклов также должно быть модифицировано. В документах, разрабатываемых в соответствии с законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации», должны быть предусмотрены разделы, отражающие идентификацию текущей фазы кризисного цикла и длительность двух последующих фаз. Социально-экономическая стратегия призвана не только обеспечить решение проблем текущей фазы цикла, но и предусматривать подготовку к задачам следующей стадии.

*Ключевые подсистемы экономики — наука, политика,
управление, практика*

Анализ факторов, влияющих на реальную хозяйственную практику, в контексте системной экономической теории показывает, что ключевыми подсистемами экономики выступают:

- *экономическая теория* (в более широком контексте — экономическая наука как система знаний об экономике, economics);
- *экономическая политика* (совокупность принимаемых в сфере экономики стратегических решений, economic policy);
- *управление экономикой* (сфера передаточных организационно-экономических механизмов, доводящих принятые решения до реализации, management);
- *хозяйственная практика* (сфера ведения реального хозяйства, economy)¹.

¹ Данная четырехэлементная структуризация экономики («квадратура») не противоречит ее трехэлементной структуризации (см.: Клейнер, 2010), а представляет детализацию последней: экономическая политика разделена на собственно политику и управление, чтобы отделить стратегические процессы (формирование экономической политики) от тактических (управление).

Каждая подсистема имеет свои морфологические и функциональные особенности, развивается по своим закономерностям, располагает своими институтами регулирования и связана с другими подсистемами. Наиболее важные их взаимодействия возникают в ходе цикла подготовки, обсуждения, принятия и реализации управленческих решений в экономике (рис. 2).

Двусторонние стрелки на рисунке 2 отражают прямые и обратные связи участников цикла подготовки и принятия решений: «научная теория — политика — конкретные управленческие решения — их практическая реализация — анализ и обобщение результатов — усовершенствованная научная теория». В прямом цикле стрелка 1 указывает на движение вариантов развития, предсказываемых теорией, по направлению к сфере социально-экономической политики; 2 указывает на превращение политических решений в управленческие; 3 символизирует доведение одобренных решений до хозяйствующих субъектов; стрелка 4 отражает анализ результативности принятых и реализованных решений.

Рис. 2

Индивидуальными представителями первой (научной) сферы выступают ученые-экономисты (эксперты), представителями второй — политики, участвующие в формировании и принятии политических решений экономического характера (депутаты и члены Федерального Собрания РФ, администрация Президента РФ, члены правительства РФ, крупные бизнесмены и предприниматели и т. д.). Управленческую сферу представляют чиновники и менеджеры разных уровней, а сферу реального производства — работники предприятий и организаций (экономисты-практики). Кратко эти группы можно охарактеризовать как ученые, политики, управленцы, работники.

Четыре указанные подсистемы располагаются по всей территории страны. Вместе с тем можно заметить, что сфера экономической науки — это средовая система, то есть она не имеет определенных границ ни в пространстве, ни во времени (фактически национальная экономическая наука — часть мировой). Экономическая политика относится к числу процессных систем (не имеет определенных пространственных границ и состоит из ряда ограниченных во времени инициатив). Сферу управления экономикой можно рассматривать как совокупность отдельных актов управления, каждый из которых локализован в пространстве и времени (проектная система). Наконец, ядром хозяйственной сферы выступает совокупность хозяйствующих субъектов, что позволяет отнести ее к числу объектных систем (Клейнер, 2011а). В совокупности эти системы составляют законченный комплекс, реализующий полный спектр функций, необходимых для устойчивого функционирования и развития экономики как системы (сочетание стабильности и изменчивости, однородности и разнообразия) (Клейнер, 2013b).

Жизненные циклы ключевых подсистем экономики

Каждая из четырех указанных на рисунке 2 подсистем экономики проходит в рамках своего *внутреннего жизненного цикла* определенные стандартные стадии (фазы): зрелость; обновление (реструктуризация, переформатирование); становление (в рамках цикла — восстановление); развитие (рис. 3).

В стадии *зрелости* каждая ключевая подсистема концентрируется на своем вкладе в экономику в целом, при этом ориентация на собственные проблемы отходит на второй план. По мере дальнейшего прохождения стадий своего жизненного цикла ориентация подсистемы на потребности внешней надсистемы ослабевает. На стадии *обновления* обычно происходит серьезная реструктуризация, или переформатирование, данной подсистемы. (В частности, меняется парадигмальная база экономической науки, изменяется ее инструментарий, в науку приходит новое поколение ученых.) В период инновационного обновления (реструктуризации) подсистемы ее концентрация на внутренних проблемах достигает максимума, а внимание к внешним — минимума. На стадии *становления* идут обучение использованию нового аппарата, «нащупывание» новой сферы применения, адаптация подсистемы к новым внутренним и внешним условиям. На стадии *развития* инструментарий, используемый данной подсистемой, усложняется, сфера ее деятельности расширяется.

Как и на рисунке 1, движение по часовой стрелке на рисунке 3 соответствует последовательности смены стадий внутреннего жизненного цикла каждой подсистемы экономики. Движение по стрелкам в обратном направлении отражает влияние ожиданий, связанных с наступлением следующей стадии, на протекание предшествующей.

Рис. 3

Рольевые циклы подсистем по отношению к экономике

Влияние ключевых экономических подсистем на экономику в целом определяется стадией кризисного цикла экономики в широком смысле, а также фазой развития каждой подсистемы. Можно выделить четыре *ролевые функции*, сформированные по принципу участия подсистем в развитии экономики:

- *лидерство* (статус подсистемы как основной доминанты, движущей силы на данной стадии кризисного цикла экономики);
- *оппозиция* (статус подсистемы как критического наблюдателя в результате разочарования, выявления существующих в экономике проблем и противоречий; поиск своего места в новой экономической ситуации);

— *нейтралитет* (статус подсистемы как пассивного и избегающего ответственности наблюдателя);

— *поддержка* (статус подсистемы как активного участника перемен, союзника лидера в процессе развития данной фазы).

Чередование ролевых функций данной подсистемы в определенной последовательности образует ее *ролевой цикл* в экономике. Стадия *лидерства* обычно заканчивается разочарованием общества и формированием критической позиции в отношении подсистемы-лидера. Вслед за ней наступает стадия *оппозиции* данной подсистемы по отношению к обществу. Она сменяется снижением напряженности во взаимоотношениях и переходом к стадии *нейтралитета*. В результате сближения позиций подсистемы и экономики в целом их взаимоотношения переходят в стадию *поддержки* (сотрудничества) (рис. 4).

Функциональный цикл ключевых подсистем экономики

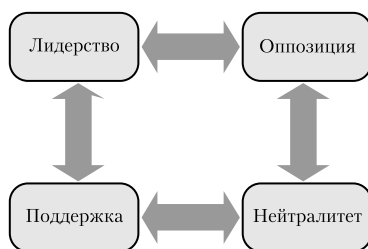

Рис. 4

Как и на рисунках 1 и 3, движение по часовой стрелке на рисунке 4 соответствует последовательности смены стадий жизненного цикла каждой подсистемы экономики. Движение по стрелкам в обратном направлении отражает влияние ожиданий, связанных с наступлением следующей стадии, на протекание предшествующей.

Комплексная структурная модель циклического функционирования экономики и ее подсистем

Сопоставляя стадийные ролевые функции подсистем с фазами их собственных жизненных циклов, можно построить нормативную качественную модель функционирования данного комплекса в целом. Представляется естественным, чтобы функцию *лидерства* брала на себя подсистема, находящаяся в стадии *зрелости*, поскольку непродуманные или неосторожные действия лидера могут надолго дестабилизировать обстановку и увести на ложный путь; функцию *поддержки* лидера (и экономики в целом) должна осуществлять *развивающаяся подсистема*; *нейтральную* позицию может занять подсистема, концентрирующаяся на внутренних проблемах, то есть проходящая стадию *становления*; наконец, критическую позицию (в состоянии *оппозиции*), поиски нового пути можно доверить подсистеме, находящейся в стадии *обновления*, или реструктуризации. Такая синхронизация жизненных циклов подсистем с их внешними циклами и кризисным циклом экономики в целом позволит наилучшим образом распределить нагрузку (и соответственно права на получение ресурсов) и ответственность каждой подсистемы перед обществом.

Задача построить нормативную модель функционирования экономики страны в виде рассматриваемого комплекса состоит в соединении рисунков 1–4 и решается с учетом следующих предпосылок.

1. Каждая ключевая подсистема экономики проходит полный цикл развития, включающий последовательно стадии зрелости, обновления (реструктуризации), становления (апробации) и развития.

2. На каждой стадии/фазе странового кризисного цикла ведущая роль в процессах социально-экономического развития страны должна принадлежать подсистеме, которая находится в стадии зрелости.

3. На *кризисной* стадии ведущая роль должна быть отдана подсистеме *непосредственного управления*. Передача лидерства представителям управленческой сферы на период кризиса аналогична практике назначения «технического правительства», широко применяемой в развитых странах. Такое правительство часто рассматривают как единственную силу, способную вывести страну из кризиса.

4. На *посткризисной* стадии лидирующая роль должна принадлежать *хозяйственной практике*, поскольку именно она определяет возможности преодолеть последствия кризиса.

5. На *межкризисной* стадии лидерство переходит к *экономической науке*, нацеленной на повышение эффективности экономики, разработку и реализацию модели устойчивого развития страны.

6. На *предкризисной* стадии лидирующие функции должны быть сконцентрированы в сфере *экономической политики*, поскольку усилия именно этой подсистемы способны отсрочить наступление кризиса.

В таблице 1 скомбинированы и синхронизированы кризисный цикл экономики в целом, а также жизненные и функциональные циклы ее ключевых подсистем. Возникает циклическая по горизонтали и вертикали последовательность сменяющих друг друга ролей этих подсистем.

Т а б л и ц а 1

**Рольевые функции и жизненные циклы подсистем
на разных стадиях развития экономики (в широком смысле)**

Ключевая подсистема экономики	Период развития экономики			
	кризисный	посткризисный	межкризисный	предкризисный
Управление экономикой	Лидерство Зрелость	Оппозиция Обновление	Нейтралитет Становление	Поддержка Развитие
Хозяйственная практика	Поддержка Развитие	Лидерство Зрелость	Оппозиция Обновление	Нейтралитет Становление
Экономическая наука	Нейтралитет Становление	Поддержка Развитие	Лидерство Зрелость	Оппозиция Обновление
Экономическая политика	Оппозиция Обновление	Нейтралитет Становление	Поддержка Развитие	Лидерство Зрелость

Заметим, что данная модель определяет не только динамику движения ключевых подсистем и их отношений с экономикой в целом, но и взаимоотношения самих подсистем. Так, в стадии лидерства в *кризисный* период представители *хозяйственной практики* должны сотрудничать с представителями управленческой сферы (управление экономикой) для скорейшего преодоления кризиса. В *посткризисный* период возрастает значимость кооперации *экономической науки* и хо-

зяйственной практики, когда экономическая наука пытается создать новую модель экономики, опираясь на данные хозяйственной практики и разработанные в ходе предыдущего этапа новые подходы и т. д. В межкризисный период экономическая политика пытается поддерживать науку, рассчитывая увеличить длительность межкризисной стадии. На предкризисной стадии представители сферы экономической политики стремятся оказать поддержку управленцам, рассчитывая отсрочить наступающий кризис.

Отметим также, что предложенная системная модель не ориентирована на бескризисное развитие, однако позволяет обеспечить динамическую устойчивость экономики и ее ключевых подсистем за счет циклического перенесения «центра тяжести» (ответственности за национальную экономику) на ту или иную ключевую подсистему в зависимости от периода развития экономики и стадии функционирования каждой ключевой подсистемы. Применение такой концепции при формировании экономической политики, в частности при разработке и принятии государственного бюджета, позволило бы сформировать и реализовать антикризисную стратегию и соответствующую экономическую политику, заблаговременно перемещая ресурсы в наиболее важную для того или иного этапа подсистему.

Структурная модель взаимодействия экономической науки, политики, управления и практики с экономикой в целом представлена на рисунке 5. По сути, функции всех четырех подсистем симметричны: в какой-то период каждой из них доверяют ведущую роль в составе системных факторов, определяющих состояние и направленность развития экономики. Это означает, что в среднесрочной перспективе данные подсистемы должны быть сопоставимы как по уровню и потенциалу внутреннего развития, так и по возможностям влиять на экономику страны. Иными словами, между этими системами должен существовать определенный «мощностный» баланс (Клейнер, 2015; Рыбачук, 2014). Сбалансированное развитие экономической науки, экономической политики, управленческой сферы и хозяйственной практики — необходимое условие долгосрочного устойчивого развития страны. Соответственно распределять национальные ресурсы нужно с целью решить эту важнейшую задачу регулирования экономики.

Отметим, наконец, что концепция циклически чередующегося лидерства подсистем перекликается с концепцией чередующегося лидерства традиционных факторов производства (см.: Бадалян, Криворотов, 2012).

Системное окружение экономики (в широком смысле)

Принципы системного анализа в экономике (см., например: Лившиц, 2013) требуют рассматривать каждую систему с двух позиций — внутренней и внешней. Применительно к экономике в целом это означает, что ее нужно рассматривать, с одной стороны, как совокупность взаимосвязанных подсистем, а с другой — как подсистему в объемлющей системе (надсистеме). Минимальной такой надсистемой

Структурная модель взаимодействия экономической науки, политики, управления и практики с экономикой в целом

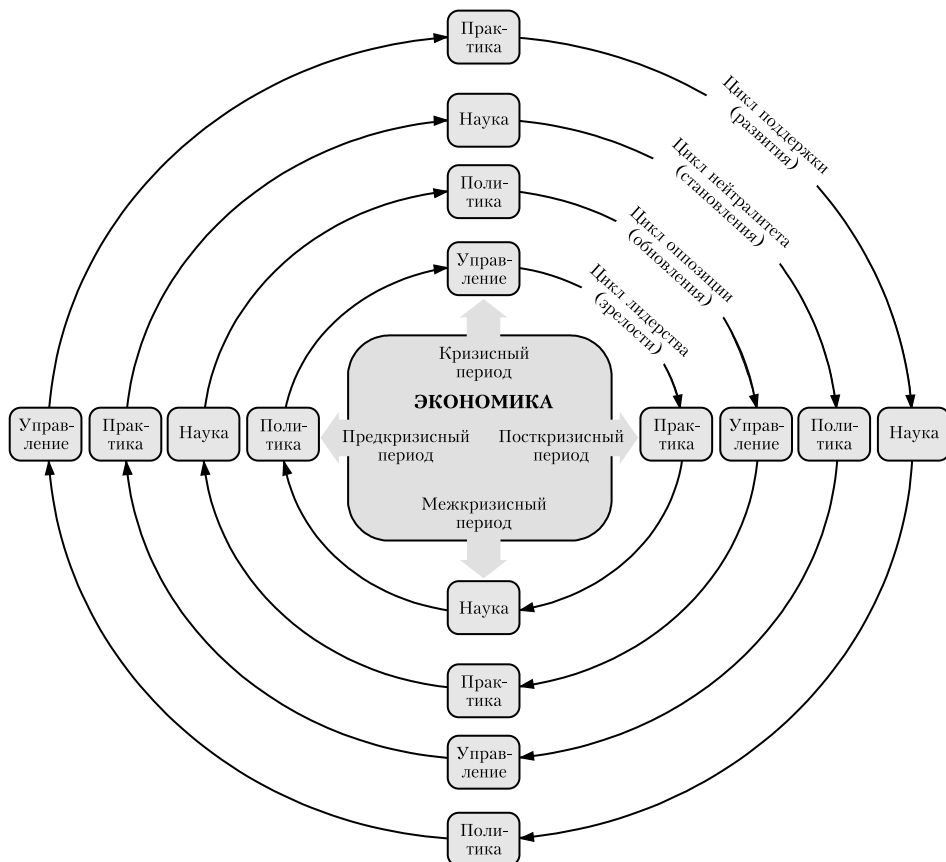

Рис. 5

(надсистемной оболочкой) для экономики выступает общество (Зотов и др., 2001). Общую системную структуру социально-экономической сферы каждой страны (мы используем для ее обозначения термин «общество») можно представить в виде совокупности взаимодействующих подсистем (Клейнер, 2013а):

1) *государства* (как политической организации, обладающей властными полномочиями по регулированию общества на всей территории страны в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе); типичный индивидуальный представитель — государственный служащий;

2) *социума* (как структурированного с помощью различного рода негосударственных политических и общественных организаций населения); типичный представитель — гражданин данной страны;

3) *экономики* (как объединения экономической науки, практики, политики и управления, сферы реализации процессов производства, потребления, распределения и обмена, включая их участников, предметы и результаты их деятельности); типичный представитель — специалист, занятый в народном хозяйстве;

4) *бизнеса* (как совокупности организационно-правовых форм экономической деятельности хозяйствующих субъектов, а также как вида деятельности физических и юридических лиц по созданию, реорганизации, ликвидации, приобретению, владению и передаче прав собственности на хозяйствующие субъекты в целях извлечения прибыли); типичный представитель — бизнесмен, инвестор² (Клейнер, 2013а) (рис. 6).

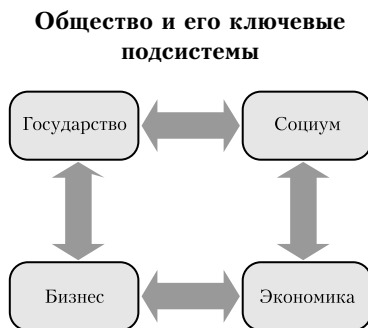

Рис. 6

Траектория социально-экономического развития страны в целом проходит те же стадии кризисного цикла, что и экономика: предкризисную, кризисную, посткризисную и межкризисную (см. рис. 1). Жизненные циклы каждой подсистемы общества включают те же стадии, что и циклы подсистем экономики: зрелость, обновление, становление, развитие (см. рис. 3).

Нормативная модель функционирования общества в целом и его ключевых подсистем строится так же, как и модель функционирования экономики, на основе следующих предпосылок.

1. Каждая подсистема общества проходит полный жизненный цикл развития, включающий последовательно стадии зрелости, обновления (реструктуризации), становления (апробации) и развития.

2. На каждой стадии кризисного цикла общества ведущая роль в процессах социально-экономического развития страны принадлежит общественной подсистеме, которая находится в стадии зрелости.

3. На *кризисной* стадии ведущая роль должна быть, как и в случае системной модели экономики, отдана *системе проектного типа*, способной вовлечь производительные силы страны в экономические проекты. Такой силой выступает *бизнес* как подсистема, обладающая потенциалом инициировать необходимое число значимых для страны проектов, консолидирующих все ключевые подсистемы общества. Передача лидерства представителям бизнеса должна происходить под совместным контролем остальных сфер («государственно-частно-общественно-экономическое партнерство»)³.

4. На *посткризисной* стадии лидирующая роль должна принадлежать *государству*, концентрирующему усилия на преодолении последствий кризиса и развитии страны в перспективе.

² Взаимоотношения бизнеса и экономики напоминают отношения между формой и содержанием. Бизнес представляет организационно-правовую форму деятельности экономического субъекта, а экономика — ее содержание. Применительно к микроэкономике бизнес можно представить как организационно-правовую оболочку хозяйствующего субъекта. В связи с этим некоторые авторы предлагают различать фирму как элемент бизнеса и предприятие как элемент экономики (Иншаков, 2008).

³ Можно рассматривать бизнес как подсистему, которой общество доверяет инвестиционную деятельность в нормальных условиях развития экономики при условии возможного использования накопленного капитала в кризисные периоды в интересах всего общества (в дальнейшем, при выходе из кризисной стадии, средства возвращают бизнесу как займодавцу).

5. На *межкризисной стадии* лидерство переходит к *социуму* как подсистеме, абсорбирующей и имплементирующей интересы населения на возможно широком горизонте планирования для закрепления тенденций устойчивого развития страны.

6. На *предкризисной стадии* лидирующие функции должны быть сконцентрированы в сфере *экономики* как подсистемы, способной отсрочить наступление кризисной стадии.

Исходя из этих предпосылок, можно представить модель ролевых функций подсистем общества (табл. 2). Здесь, как и в таблице 1, отражена циклическая по горизонтали и вертикали последовательность сменяющих друг друга ролей подсистем общества. Геометрическая иллюстрация модели приведена на рисунке 7.

В завершение раздела обратим внимание на сходство («изоморфизм») конфигураций, представленных на рисунках 1–4 и 6. Объяснить это сходство можно на базе системной экономической теории (см. далее).

Модель функционирования общества в контексте взаимодействия его ключевых подсистем

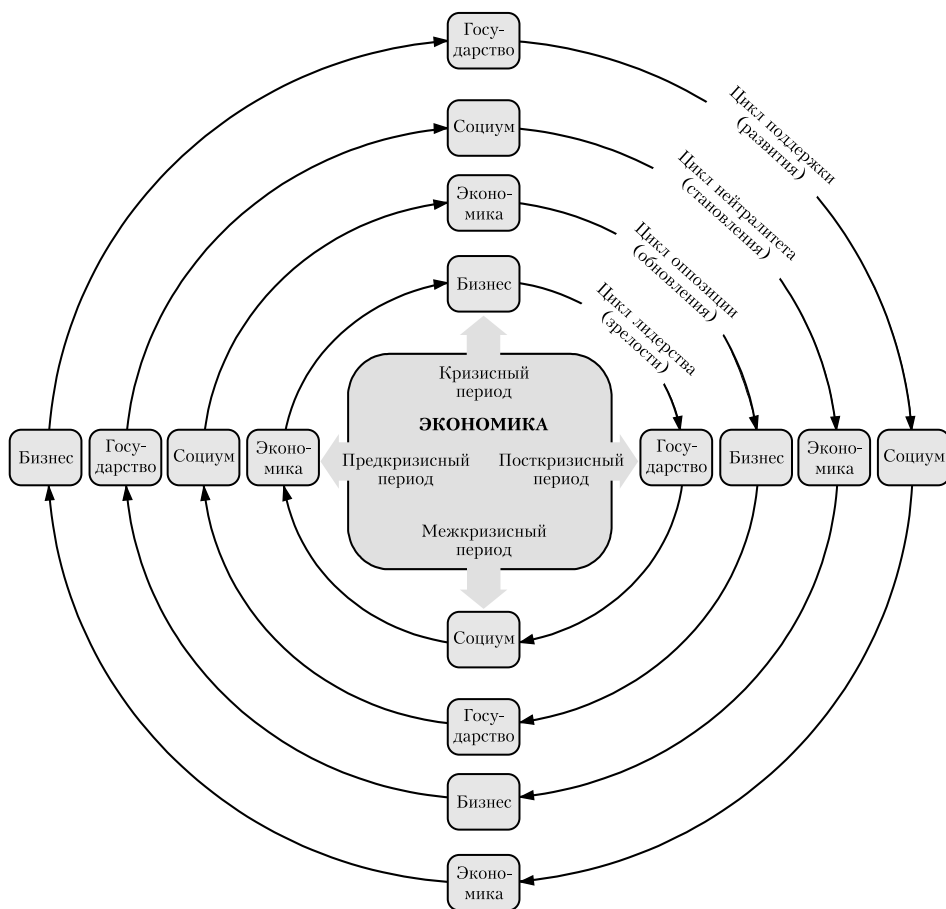

Рис. 7

**Рольевые функции государства, социума, экономики и бизнеса
на разных стадиях развития общества**

Подсистема общества	Период развития экономики			
	кризисный	посткризисный	межкризисный	предкризисный
Бизнес	Лидерство	Оппозиция	Нейтралитет	Поддержка
	Зрелость	Обновление	Становление	Развитие
Государство	Поддержка	Лидерство	Оппозиция	Нейтралитет
	Развитие	Зрелость	Обновление	Становление
Социум	Нейтралитет	Поддержка	Лидерство	Оппозиция
	Становление	Развитие	Зрелость	Обновление
Экономика	Оппозиция	Нейтралитет	Поддержка	Лидерство
	Обновление	Становление	Развитие	Зрелость

Окончание следует

Список литературы / References

- Айрапетян М. С. (2014). Глобальный мир: между Сциллой и Харибдой экономических и политических циклов // Проблемы теории и практики управления. № 1. С. 132–141. [Airapetyan M. S. (2014). The global world: Between Scylla and Charybdis of economic and political cycles. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, No. 1, pp. 132–141. (In Russian).]
- Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. (2012). История. Кризисы. Перспективы. Новый взгляд на прошлое и будущее. М.: Либроком. [Badalyan L. G., Krivorotov V. F. (2012). *History. Crises. Perspectives. A new look at the past and future*. Moscow: Librokom. (In Russian).]
- Бобылев С., Zubarevich Н., Соловьева С. (2015). Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития // Вопросы экономики. № 1. С. 147–160. [Bobylev S., Zubarevich N., Soloveva S. (2015). Challenges of the crisis: How to measure sustainable development? *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 147–160. (In Russian).]
- Гольц Г. А. (2002). Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Новосибирск: Сибирский хронограф. [Golts G. A. (2002). *Culture and economy of Russia during three centuries, XVIII–XX cc.* Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russian).]
- Гурвич Е., Прилепский И. (2013). Как обеспечить внешнюю устойчивость российской экономики // Вопросы экономики. № 9. С. 4–39. [Gurvich E., Prilepskiy I. (2013). How to secure external sustainability of Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 4–39. (In Russian).]
- Зоидов К. Х. (2007). К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Ч. 1 // Экономическая наука современной России. № 4. С. 7–22. [Zoidov K. Kh. (2007). To the problem of research of cyclic processes in the Soviet and transitive Russian economy. Part. 1. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 4, pp. 7–22. (In Russian).]
- Зоидов К. Х. (2008). К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Ч. 2. // Экономическая наука современной России. 2008. № 1. С. 35–48. [Zoidov K. Kh. (2008). To the problem of research of cyclic processes in the Soviet and transitive Russian economy. Part. 2. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 1, pp. 35–48. (In Russian).]
- Зотов В. В., Пресняков В. Ф., Розенталь В. О. (2001). Институциональные проблемы реализации системных функций экономики // Экономическая наука современной России. № 3. С. 51–69. [Zotov V. V., Presnyakov V. F., Rozental V. O. (2001). Institutional dimensions of fulfilling system functions of economy. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 3, pp. 51–69. (In Russian).]

- Иншаков О. В. (2008). Предприятие и фирма: выход из заблуждений в русле эволюционной экономической теории // Вестник ВолГУ. Сер. 3: Экономика. Экология. № 2. С. 6–15. [Inshakov O. V. (2008). Enterprise and firm: A way out of delusions in the light of evolutionary economic theory. *Vestnik VolGU. Seria 3: Ekonomika. Ekologiya*, No. 2. pp. 6–15. (In Russian).]
- Клейнер Г. Б. (2000). Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. № 1. С. 5–20. [Kleiner G. B. (2000). The institutional factors of long-term economic growth. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 1, pp. 5–20. (In Russian).]
- Клейнер Г. Б. (2010). Кризис: что, кому и когда делать (попытка метаанализа) // Государственная антикризисная политика в условиях мирового финансово-экономического кризиса. Межкафедральный сборник научных трудов. М.: Фин-академия. С. 35–40. [Kleiner G. B. (2010). Crisis: What, whom and when to do (An attempt to meta-analysis). In: *State anti-crisis policy in conditions of global financial and economic crisis*. Interdepartmental collection of scientific papers. Moscow: Finakademiya, pp. 35–40. (In Russian).]
- Клейнер Г. Б. (2011a). Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. № 9. С. 794–809. [Kleiner G. B. (2011a). A new theory of economic systems and its applications. *Vestnik RAS*, No. 9, pp. 794–809. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2011b). Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. № 1. С. 89–100. [Kleiner G. (2011b). System resource of economy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 89–100. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2013a). Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. № 10. С. 4–27. [Kleiner G. (2013a). What kind of economy does Russia need and for what purpose? (An attempt of system analysis). *Voprosy Ekonomiki*, No. 10, pp. 4–27. (In Russian).]
- Клейнер Г. (2013b). Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. № 6. С. 4–28. [Kleiner G. (2013b). System economics as a platform for development of modern economic theory. *Voprosy Ekonomiki*, No. 6, pp. 4–28. (In Russian).]
- Клейнер Г. Б. (2015). Системная сбалансированность экономики: методы анализа и измерения // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 1. Материалы Шестнадцатого всероссийского симпозиума. М.: ЦЭМИ РАН. С. 74–78. [Kleiner G. B. (2015). System balance of economy: Methods of analysis and measurement. In: *Proceedings of XVI All-Russia Symposium "Strategic Planning and Development of Enterprises"*. Section 1. Moscow: Central Economics and Mathematics Institute, RAS, pp. 74–78. (In Russian).]
- Корнай Я. (1999). Системная парадигма // Общество и экономика. № 3. С. 85–96. [Kornai J. (1999). The system paradigm. *Obshchestvo i Ekonomika*, No. 3, pp. 85–96. (In Russian).]
- Корнай Я. (2002). Системная парадигма // Вопросы экономики. № 5. С. 4–22. [Kornai J. (2002). The system paradigm. *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 4–22. (In Russian).]
- Лившиц В. Н. (2013). Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России, 1992–2013. М.: URSS; Ленанд. [Livshits V. N. (2013). *System analysis of market reforming of non-stationary Russian economy, 1992–2013*. Moscow: URSS; Lenand. (In Russian).]
- Рыбачук М. А. (2014). Анализ и измерение пропорций системной структуры организации: пример университета «Дубна» // Экономическая наука современной России. № 3. С. 130–146. [Rybachuk M. A. (2014). Analyzing and measuring the proportions of the system structure of the organization: The case of Dubna International University. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii*, No. 3, pp. 130–146. (In Russian).]
- Kornai J. (1998). The system paradigm. *William Davidson Institute Working Papers Series*, No. 278. William Davidson Institute at the University of Michigan.

Sustainability of Russian Economy in the Mirror of the System Economic Theory (Part 1)

George Kleiner

Author affiliation: Central Economics and Mathematics Institute, RAS;
Financial University under the Government of RF (Moscow, Russia).
Email: george.kleiner@inbox.ru.

The basic principles of economic sustainability are considered in the article from a strategic perspective, from the viewpoint of the system economic theory. The article consists of two parts. In the first part the concept of the dynamics of a national economy is portrayed as a recurring cycle of four phases of development: crisis, post-crisis, inter-crisis, and pre-crisis. The movement between the stages is synchronized with the changes in the role functions (leadership, opposition, neutrality, support) of the four principal macro subsystems of the economy and the sequence of phases of the life cycle of subsystems (maturity, renovation, formation, development). We consider as the key subsystems of economy (in the wider sense of the word): economic theory, socio-economic policy, management of the economy and economic practice (real economy). A new model of the distribution of roles of subsystems at various stages of the crisis cycle of the economy is proposed, allowing, during the formation of socio-economic strategy, for the consideration of the maximum potential of each subsystem and for identifying possible regulatory levers, affecting the duration of various stages of the crisis cycle of the economy.

In the second part of the article the capabilities of the system economic theory in the analysis of economic sustainability and its principal subsystems are elaborated on; and the potential impact of the four system sectors of the economy (object, project, process, environment) on the development and stabilization of the economy will be analyzed, on this basis measures are proposed to ensure system economic sustainability.

Keywords: economic sustainability, system economic theory, crisis cycle of the economy, life cycle, economic theory, management of the economy, economic policy, economic practice, system structure of the economy.

JEL: B4, B5, E32, L53, O1.

А. Раквиашвили

Нейробиология и новые возможности экспериментальной экономики*

Статья посвящена оценке первых достижений новой ветви междисциплинарных исследований на стыке экономической теории и нейробиологии. Проведен анализ основных результатов новых исследований, а также представлены ключевые направления критики нейроэкономики и ее сравнение с другими направлениями экспериментальной экономики. Показано, что несмотря на ряд интересных результатов, новое направление не сможет радикально изменить экономическую теорию в силу методологических ограничений, а также из-за различий в предмете исследований нейробиологов и экономистов.

Ключевые слова: нейроэкономика, методология экономических исследований, экспериментальная экономика.

JEL: B41, C90, D11.

В прошлом экономистов часто обвиняли в навязывании своего метода другим дисциплинам. Использовался даже термин «экономический империализм», проявившийся в междисциплинарных исследованиях на стыке экономики с социологией, географией, правом. Но почти одновременно с этим, поначалу незаметно, шел обратный процесс — проникновение в экономическую теорию методологии другой науки, а именно психологии.

Сегодня экономическую теорию сложно представить без работ психологов, и используемые в исследованиях модели человека включают разнообразные предпосылки о принципах принятия решений, базирующиеся на многочисленных экспериментах. Более того, поначалу скромные идеи и выводы, отраженные в работах Г. Саймона (1993), а позднее Д. Канемана и А. Тверски (2003), в наши дни расширились до сложных моделей и концепций, затрагивающих широкий спектр проблем — от работы фондового рынка (поведенческие финансы) до государственного регулирования (либертарианский патернализм).

В последнее же время экономисты все больше обращаются к возможностям еще одной интересной дисциплины — *нейробиологии*. Во многом

Раквиашвили Александр Александрович (rakviashvili@gmail.com), к.э.н., доцент экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва).

* Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за высказанные конструктивные замечания и комментарии.

подобная тенденция в том числе обусловлена близостью психологии как к экономике, так и к нейробиологии. Поэтому когда экономисты задались вопросом, как человек принимает решения, вполне естественным был переход от простых экспериментов к исследованиям с привлечением сложного и дорогостоящего оборудования. В итоге экономика со своим развитым математическим аппаратом и новыми возможностями экспериментальных исследований стала еще больше походить на естественные науки.

Но наряду со сторонниками есть и те, кто с недоверием отнесся к нейроэкономике, и подобная настороженность не просто проявление консерватизма или страха перед неизвестным. Несмотря на ряд интересных результатов, до сих пор остаются нерешенными некоторые методологические проблемы, а сами результаты не всегда однозначны и с экономической точки зрения часто просто нерелевантны. Поэтому далее мы попытаемся оценить потенциал зарождающегося направления в экономической теории, рассмотрев его наиболее яркие достижения, а также работы, посвященные его критике.

Нейроэкономика: важнейшие результаты

Нейроэкономика хотя и относительно новое направление¹, с самых первых дней существования претендует на радикальные изменения в экономической теории, вплоть до революционных трансформаций базовых постулатов о человеческой деятельности. У. Джевонс писал, что «каждый ум... непостижим для любого другого разума, и никакой общий знаменатель чувств невозможен» (цит. по: Robbins, 1938. Р. 6), но К. Камерер и его соавторы утверждают, что Джевонс и экономисты после него ошибались, так как современные технологии и достижения нейробиологии позволяют напрямую наблюдать формирование эмоций (Camerer et al., 2005. Р. 9—10). Изучая связь между активностью отдельных частей мозга и действиями человека, сторонники нейроэкономики стараются определить, как индивид совершает выбор в различных условиях, что позволяет заменить примитивную концепцию выявленных предпочтений более реалистичными моделями поведения человека (Camerer et al., 2004. Р. 556).

Нейроэкономические исследования обычно проходят по стандартной схеме: группе испытуемых предлагается совершить определенные действия, в ходе которых экспериментаторы сканируют мозг, выявляя активность разных его частей. Чаще всего используется функциональная магнитно-резонансная томография (далее фМРТ), реже позитронно-эмиссионная томография и электроэнцефалограмма².

¹ Первые работы появились в конце 1990-х годов, см., например: Platt, Glimcher, 1999.

² фМРТ позволяет визуализировать активность различных частей мозга через измерение скорости кровообращения (коррелирует с интенсивностью потребления кислорода); позитронно-эмиссионная томография — за счет анализа активности потребления глюкозы, но требует введения радиоактивных маркеров, что делает данный метод менее популярным; электроэнцефалограмма — относительно простой и дешевый метод, который позволяет оценивать электрические процессы в мозге, но дает неточные результаты относительно того, в какой именно части мозга происходит активность. Также в исследованиях часто используют транскраниальную магнитную стимуляцию, которая предполагает не фиксацию активности частей мозга, а прямое воздействие на различные его части за счет магнитных импульсов. Подробнее см.: Kable, 2011.

Например, наблюдая при помощи фМРТ за действиями испытуемых в ходе игры «Ультиматум»³, определили, какие части мозга активировались в момент принятия «честных» решений, а какие — в момент предпочтения «нечестных» (Sanfey et al., 2003). В то же время был предложен способ выделения нейронных сигналов, предсказывающих «честный» или «нечестный» выбор испытуемых (Naqvi et al., 2006). Сегодня проведены сотни подобных исследований, и некоторые полученные результаты, несомненно, представляют определенный интерес.

В первую очередь следует отметить работы, в которых ставятся под сомнение теоретико-игровые основания поведения, согласно которым люди имеют четкие представления о том, что будут делать их контрагенты, не подвержены эмоциям, строят планы на будущее и учатся на ошибках. Но каждая из этих предпосылок, согласно нейроэкономистам, нарушается (Camerer, 2003). Так, в игре с сильными стимулами к оппортунистическому поведению, где доверие потенциально позволяло повысить совокупный выигрыш участников, у тех из них, кто решал доверять, и у тех, кто был в контрольной группе, при принятии решений активировались разные участки мозга (Krueger et al., 2007). Иными словами, вопрос выбора выигрыша решается по-разному не только на психологическом, но и на нейробиологическом уровне. При этом люди не только ориентировались на свою выгоду в текущих условиях, но и учитывали прошлые действия других игроков, вознаграждая за проявленное доверие, хотя это и снижало их личное благосостояние. А в игре «Контролер»⁴ при стратегическом (даже однократном) взаимодействии люди учитывают не только возможное поведение оппонента, но и влияние, которое окажет на оппонента их собственный выбор (Hampton et al., 2008)⁵.

Особое место в нейроэкономике занимают исследования на стыке с психиатрией, когда изучается, как осуществляют выбор люди с нарушениями в работе отдельных частей мозга, например в силу травм или врожденных особенностей развития (по сравнению с теми, у кого подобных нарушений нет). Так, на примере игр «Ультиматум» и «Диктатор»⁶ сравнивались психопаты, поведение которых определяется генетикой,

³ В стандартном виде в ходе игры одному из двух игроков предоставляется право разделить сумму денег между собой и вторым игроком. Если после этого второй игрок одобрит предложенное распределение, то каждый получает соответствующую часть денег. Если же второй игрок отклонит предложение первого, то никто ничего не получит. Обычно, когда первый игрок делит деньги в пропорции 50:50 или 60:40, его предложение принимается вторым игроком, и экономисты называют подобное относительно равное распределение «справедливым» или «честным». Подробнее исходный вариант эксперимента см. в: Güth et al., 1982.

⁴ Суть игры — в выборе, осуществляемом контролером и контролируемым. Например, работодатель должен решить, следить за работником (что требует времени и денег) или не следить, а работник — работать или уклоняться от работы. При этом никто из них не осведомлен о намерениях другого. Исходный вариант эксперимента см. в: Dresher, 1962.

⁵ Хемптон предложил формальную модель, основанную на полученных им результатах, и его работа отражает общий тренд развития нейроэкономики в сторону большей формализации. Камерер и соавторы даже утверждают, что формальные модели взаимодействия элементов мозга между собой уже существуют и их интеграция в экономическую науку — лишь вопрос времени (Camerer et al., 2004; Benhabib, Bisin, 2005; Loewenstein, O'Donoghue, 2004).

⁶ Игра является развитием игры «Ультиматум». В ходе нее «диктатор» распределяет предложенную сумму между собой и вторым игроком, причем второй игрок никак не влияет на распределение и является пассивным наблюдателем. Подробнее см.: Kahneman et al., 1986.

и те, чье поведение стало следствием внешних условий (по 6 человек), затем поведение членов этих двух групп сравнивалось с действиями людей, не проявлявших признаков психопатии (22 человека) (Koenigs et al., 2010). Поведение испытуемых с поражением вентральной префронтальной коры (отвечает за эмоции) в Айовской игре (Iowa Gambling Task⁷) сравнивалось с тем, как принимают решения люди без соответствующего поражения (Naqvi et al., 2006). В каждом из приведенных и в подобных им экспериментах выделяются части мозга, ответственные за различные механизмы принятия решений. Совокупность подобных знаний позволяет с определенной точностью предсказывать выбор людей в зависимости от условий, в которых он совершается.

В противоположность традиционным подходам в экономической науке нейроэкономисты стремятся понять, каковы предпочтения, как они формируются и почему люди с одинаковыми предпочтениями (выявленными при выборе) ведут себя по-разному, когда внешние условия меняются. Например, было показано, что рост цены на вино приводит к тому, что потребители считают его более вкусным (Plassmann et al., 2008). Соответствующая данному восприятию активность в мозге наблюдалась при помощи фМРТ. Кроме того, когда люди пьют напиток «вслепую», мозговая активность иная, нежели когда они знают бренд напитка (McClure et al., 2004). Очевидно, что подобные результаты могут представлять большую практическую ценность, в том числе в вопросе развития брендов и ценообразования.

Менеджеры и HR-специалисты, выстраивая систему стимулов для работников, могут быть полезными нейробиологические исследования так называемого эффекта фрейминга, описанного еще в 1980-х годах в работах Канемана и Тверски (2003). Согласно им, формулировка задачи может радикально изменить эффективность ее решения одним и тем же человеком. И если в одном случае человека могут счесть гением, наблюдая за решением какой-либо задачи, то в другом случае та же задача, лишь внешне измененная, может показаться ему непосильной (Camerer et al., 2005. Р. 33–35).

Нейробиологию можно использовать и для повышения продаж и манипулирования поведением потребителя (Smidts et al., 2014). Дополняя уже используемые психологические методы, нейроэкономисты исследуют восприятие различных шрифтов или освещения (Agnel et al., 2008), а также причины ониомании («шопоголизма») (Raab et al., 2011).

Нейроэкономика может оказаться востребована и в макроэкономическом контексте. Так, на нейробиологическом уровне подтверждены различия в восприятии абсолютного и относительного увеличения дохода (Dohmen et al., 2011), что, в свою очередь, полезно при изучении проблем бедности и неравенства, так как указывает на глубокую физиологическую основу неприятия людьми материального неравенства.

Еще одно важное направление нейроэкономики — проверка на правдоподобие и последующий отбор предпосылок, используемых экономистами (Aydinonat, 2010. Р. 167). Например, используя фМРТ,

⁷ В ходе эксперимента игроку предлагается выбрать одну из четырех карт, каждая из которых принесет либо выигрыш, либо проигрыш, причем вероятность соответствующих событий у каждой карты разная (и задана заранее). Цель игры — заработать как можно больше денег. В свою очередь, исследователей обычно интересует, как быстро люди вычислят самую «выигрышную» карту и перестанут выбирать остальные. Подробнее см.: Bechara et al., 1994.

нейроэкономисты привели веские свидетельства в пользу так называемой теории когнитивного диссонанса, когда — в отличие от принятого в экономических моделях — не выбор зависит от предпочтений, а предпочтения зависят от выбора (Izuma et al., 2010). Иными словами, индивиды подстраивают предпочтения, учитывая совершенный ранее выбор, даже если в прошлом соответствующий результат не представлялся им оптимальным или желательным. Естественно, подобные результаты очень важны в рамках неоклассической модели потребительского выбора и ее аксиоматики.

Следует отметить работу Т. Лоренца и соавторов (Lohrenz et al., 2007). Они на примере последовательной инвестиционной игры (a sequential investment game)⁸ изучили активность мозга (для 54 человек), выделив различия при принятии решений на основе того, «что могло быть получено» и «что было получено». Соответствующие различия важны для экспериментов, в которых изучается поведение людей в зависимости от их опыта, ожиданий и виртуального опыта «если бы».

Говоря о мотивах, необходимо сказать о проблеме связи полезности альтернатив и совершаемого выбора. Камерер и соавторы вслед за Канеманом отмечают, что «полезность» неоднородна (например, ожидаемая полезность или полезность, основанная на прошлом опыте) и разным типам полезности соответствует разная активность в мозге (Camerer et al., 2004. Р. 564). Кроме того, далеко не всегда выбор определяется гедонистическими мотивами, так как принятие решений связано с активностью двух отдельных частей мозга, одна из которых отвечает за удовольствие и боль, а вторая — за мотивацию, отражая то, что нужно человеку. Поэтому человек может нуждаться в чем-то, что ему не нравится, и любить то, что ему не нужно. Естественно, говорить о каком-либо предсказании соответствующих конфликтных состояний не приходится. Но важно, что выбор не просто связан с получением удовольствия или избеганием страданий (как, вслед за И. Бенетом, считают утилитаристы), а основан на более сложном наборе критериев, раскрыть которые и стремятся в рамках нейроэкономических исследований.

Часто экономисты исходят из того, что ценность денег определяется ценностью товаров и услуг, которые на них можно приобрести, но некоторые исследования показывают, что это не в полной мере так (Camerer et al., 2005. Р. 35—37; Aydinonat, 2010. Р. 165). Получение денег активирует мозг, как и юмор или употребление еды и наркотиков (Camerer et al., 2004. Р. 564—565; Montague, Berns, 2002. Р. 280). Сам факт получения денег приносит дополнительную, не связанную с будущими покупками полезность⁹. Эта полезность может быть связана и с ощущением награды, так как, согласно исследованиям, заработанные деньги дают большую удовлетворенность, чем незаработанные (Camerer et al., 2004 Р. 565). Кроме того, деньги не просто средство, упрощающее обмен, но и своеобразный «наркотик», искажающий систему вознаграж-

⁸ Участник эксперимента делает ставки, а далее получает вознаграждение или теряет деньги в зависимости от того, как меняется конъюнктура виртуального рынка. Одновременно он получает информацию о том, каково было бы вознаграждение при ином выборе. В итоге сравнивается реакция индивида на виртуальный опыт того, что могло быть, и его фактический опыт.

⁹ Иная точка зрения представлена в: Sescousse et al., 2013.

дения в мозге и оказывающий воздействие на поведение человека, например вызывая известные экономистам денежные иллюзии.

Нейроэкономика претендует и на новизну в области, которая традиционно располагается на стыке философии и экономики. Так, многие процессы в мозге проходят автоматически, а зачастую эмоции опережают осознание, то есть люди даже не задумываются над некоторыми своими действиями, и тем самым можно утверждать, что они не являются результатом их выбора в чистом виде (Camerer et al., 2005. Р. 15—31). Например, это касается расизма, когда на рациональном уровне индивид отвергает его, но склонен к дискриминации, когда его скрытые от разума мотивы получают выход (Camerer et al., 2005. Р. 38). Еще один пример проявляется в готовности некоторых пациентов жульничать себе в ущерб лишь для того, чтобы получить лучшие, хотя и неточные, результаты анализов (Camerer et al., 2005. Р. 39). Исследования также иллюстрируют, что одни и те же части мозга активируются, когда человек испытывает боль, и когда он видит, как боль испытывают другие (Singer, Fehr, 2005. Р. 340). Следовательно, многие элементы социального взаимодействия, например эмпатия, которые экономисты могли считать результатом разумного выбора, во многом оказываются детерминированы физиологически и генетически (Singer, Fehr, 2005; Zak, 2011). На практике соответствующие различия проявляются, когда взаимодействие переходит от личного к безличному или когда одного из игроков заменяет компьютер. Поэтому сторонники нейроэкономики утверждают, что допущение о свободе воли требует некоторого уточнения. Подобные идеи высказываются и в отношении склонности людей к кооперации, альтруизму, честности и др. (McCabe et al., 2001; De Quervain et al., 2004).

Нейроэкономика также достигла определенных успехов в проверке существующих экономических концепций. Например, эксперименты показывают, что концепция ожидаемой полезности в целом точно отражает процессы, протекающие в мозге в момент выбора в условиях неопределенности¹⁰. В частности, подобные результаты были получены в экспериментах с обезьянами (Dorris, Glimcher, 2004). Обезьян учили определенным образом реагировать на появление зеленых или красных сигналов. Правильная реакция вознаграждалась, а неправильная — нет. При этом варьировали объем вознаграждения (миллилитры сока) и вероятность появления разных цветов. Было выявлено, что еще до того, как появлялся какой-либо цвет, в мозге происходила активность, которую можно интерпретировать как ожидание того или иного удовольствия, причем соответствующая активность коррелировала с вероятностью появления цветов, закладываемых заранее в эксперименте, что соответствует принципам, на которых базируются микроэкономические модели.

В других экспериментах было показано, что восприятие ожидаемой полезности и риска происходит в разных частях мозга, причем наличие риска снижает активность сигналов относительно ожидаемой

¹⁰ С точки зрения некоторых нейроэкономистов, каждый курс по экономике должен включать информацию о нейробиологических исследованиях, согласно которым полезность непосредственно подсчитывается в мозге, что указывает на близость предпосылок экономических моделей к реальности (Park, Zak, 2007. Р. 50).

полезности для не склонных к риску агентов, и увеличивает количество сигналов для любителей риска (Tobler et al., 2009. Р. 4). То есть наблюдения экономистов, на которых основана, например, функция ожидаемой полезности фон Неймана—Моргенштерна, получили подтверждение на физиологическом уровне. Однако некоторые другие исследования не позволяют говорить об однозначности приведенных результатов. Так, наблюдения за трейдерами в лондонском Сити показали, что склонность к риску может варьировать при изменении ряда физиологических параметров, и чем выше у трейдеров уровень тестостерона в начале дня, тем лучше были их результаты в конце дня. Также отмечалось изменение уровня гормона кортизола, который, в частности, колебался при повышении неопределенности на рынке (Coats, Herbert, 2008)¹¹. Следовательно, если даже индивид и склонен оценивать ожидаемую полезность, то в зависимости от внешних условий он делает это по-разному.

Наконец, наиболее перспективное направление развития нейро-экономических исследований, требующее более детального рассмотрения, — поддержка экспериментов психологов в рамках поведенческой экономики, которая является основным связующим звеном между экономикой и нейробиологией (Padoa-Schioppa, 2008).

Нейробиология и экспериментальная экономика

Экспериментальная экономика, а точнее ее научный статус, давно вызывает множество вопросов, и работ, заостряющих внимание на проблемах методологии и целей экспериментов, а также интерпретации получаемых данных, с каждым годом все больше (Binmore, 1999; Sørberg, 2005; Смит, 2008. С. 139—200, 275—328, 387—418; Мяки, 2008; Болдырев, 2011; Капелюшников 2013а; 2014b). Одна из таких проблем, известная еще как «гильотина Юма», связана с попыткой экономистов делать нормативные суждения, опираясь на экспериментальные данные.

Для ее иллюстрации лучше всего подойдет игра «Ультиматум». Простота условий сделали ее столь популярной, что игру воспроизводили сотни, а может быть, тысячи раз, привлекая в качестве испытуемых людей разных культур, возрастов и даже людей с нестандартным развитием психики. В общем виде игра «Ультиматум» отражает взаимодействие двух индивидов. Один распределяет между собой и вторым участником некую сумму денег, допустим 100 долл. Если второй игрок одобряет выбранное первым игроком распределение, то деньги так и делятся. Если же второй игрок отклоняет предложение, то ни один из игроков ничего не получает.

Согласно результатам проведенных экспериментов, предложения о распределении обычно одобряются, когда второму игроку достается 40—50% от исходной суммы, а когда доля второго игрока снижается до 20%, предложения с очень высокой вероятностью отклоняются. На основании этих данных экономисты выводят нормативное суждение о прин-

¹¹ Похожее исследование см. в: Mikolajczak et al., 2010.

ципах справедливости, в частности, о склонности людей к равенству, ведь будь они обычными максимизаторами выгоды, второго игрока устроило бы любое предложение первого и отказов не должно было быть вовсе.

Из множества возражений относительно нормативной ценности данного эксперимента приведем два, на наш взгляд, самых важных в контексте рассматриваемых вопросов. Первое возражение связано с суммами, которые обычно подлежат распределению испытуемыми. Интересно, как бы выбирали люди, если бы делились не малые суммы, а, например, сотни тысяч долларов? Возможно, что индивид согласится получить 100 тыс. долл., даже узнав, что сосед получит 900 тыс.? Понятно, что подобный эксперимент не по карману ученым¹², но ведь принципы справедливости имеют значение относительно больших сумм, когда, например, решаются вопросы социальной политики или реформы системы образования. Ответ на этот вопрос остается открытым, и вряд ли в обозримом будущем произойдут какие-либо сдвиги в этой области.

Второе возражение носит более общий характер и применимо ко всем экспериментам. Допустим, мы выяснили, что в определенных условиях отдельные люди склонны совершать тот или иной выбор. Далее предположим, что подобная закономерность наблюдается в большинстве случаев. Из этого можно сделать вывод, что в экспериментальных условиях люди, например играя в «Ультиматум», склонны выбирать относительно равное распределение небольших сумм денег. Но сказать что-либо большее невозможно. Абстрактные данные важны лишь для абстрактного мира (Hogarth, 2005. Р. 259), и точно так же экспериментальные данные значимы лишь для других экспериментов, но могут быть неадекватны реальным условиям.

И хотя против первого возражения у нейробиологов нет контраргументов, второе возражение в принципе может быть снято при изучении мозга. Это возможно, если нейробиологические исследования покажут, что существуют определенные паттерны поведения для разных условий и при разных типах взаимодействия, и они заданы физиологией, а не внешними условиями. И раз эффект значим на нейробиологическом, а не только на психологическом уровне, и в нем задействованы части мозга, которые ответственны за автоматические и аффективные решения, вполне возможно, что люди и в других условиях поведут себя схожим образом. По крайней мере, подобный переход окажется куда более обоснованным, чем используемый экономистами сегодня.

Так, согласно исследованиям, различные межвременные предпочтения задаются разными сочетаниями нейронной системы, поэто-

¹² Для решения проблемы был проведен эксперимент в бедной деревне в Индии, жителям которой предложили разделить суммы от 20 до 20000 рупий (приблизительно от 0,4 до 400 долл. по курсу на момент исследования), что было соизмеримо со средним месячным доходом участников эксперимента (Andersen et al., 2011). И даже такое незначительное изменение условий привело к существенному изменению результатов: средний размер предложения варьировал от приблизительно 10 до 24% распределяемой суммы. Примечательно, что в другом исследовании сравнивалось поведение в игре «Ультиматум» французов и индийцев (цель была похожая — оценить влияние дохода на выбор), и результаты индийцев оказались не такими, как у Андерсена и соавторов (Boarini et al., 2009).

му норма дисконтирования для одного индивида может варьировать в зависимости от рассматриваемых временных периодов (Benhabib, Bisin, 2005; Miller, Cohen, 2001). Подобные выводы совпадают с результатами множества психологических исследований межвременных предпочтений, которые в экономической литературе описываются как гиперболическое дисконтирование (Laibson, 1997; Rubinstein, 2003).

Исследователи также определили участки мозга, активные в период, когда наблюдается уже упомянутый ранее эффект фрейминга (De Martino et al., 2006), имеющий большое практическое значение. Кроме того, были выделены участки, активные, когда имел место эффект неприятия потерь, также хорошо известный в поведенческой экономике (Dickhaut et al., 2003). Эти и подобные исследования, которые хорошо согласуются с результатами психологических экспериментов, позволяют смягчить критику в адрес поведенческой экономики, согласно которой небольшое число испытуемых (а их обычно около 100 человек) не позволяет говорить о значимости результатов. Ведь если психологические эффекты, выявленные на экспериментах с малыми группами, имеют физиологическую основу, то перенос соответствующих результатов на большие группы оказывается лучше обоснованным, хотя бы в силу большей устойчивости физиологических особенностей. Поэтому именно комплементарная по отношению к поведенческой экономике роль представляется самой перспективной для нейроэкономики, хотя в целом следует также отметить, что существует пласт работ, указывающих на методологические ограничения нейроэкономических исследований.

Критика нейроэкономических исследований

Начиная с маржиналистской революции и по наши дни экономистов в принципе не волновало, как формируются в голове человека его предпочтения. В конечном счете экономисты заняты изучением того, что Хайек назвал *спонтанным порядком* (Hudík, 2011. Р. 147). Это может быть рыночная экономика в целом, возникновение денег или прочих важных институтов, которые не были результатом проектирования, а стали следствием миллионов независимых друг от друга решений индивидов на протяжении многих лет, на своем опыте отбравших одни правила и отвергавших другие. А связь между соответствующими институтами и психологическими особенностями индивидов может быть реализована множеством способов, и знание того, как конкретно работает мозг отдельных людей в момент совершения того или иного выбора, не добавляет ничего, что представляло бы ценность для экономиста. Для экономиста важно лишь то, например, как защищенность прав собственности влияет на выбор людей, а не то, как именно идея защищенности прав собственности отражается в их головах в виде нейронной активности (Vromen, 2010). Хотя данные нейроэкономических исследований теоретически могут быть полезны, чрезмерная концентрация на внутренних процедурах ограничивает их применимость, так как они игнорируют контекст, в рамках которого совершается выбор (Harrison, Ross, 2010). А во многих случаях и особенно в тех, которые интересны

экономистам, именно контекст (например, институциональная среда) имеет значение, а не специфика нейронной активности индивидов. Это позволяет утверждать, что нейробиология и экономическая теория отвечают на разные вопросы, используют разные уровни абстракции и изучают разные части реальности (Antonietti, Iannello, 2011). Поэтому Ф. Гюл и В. Пезендорфер считают, что нейробиологические данные важны скорее для вдохновения самих экономистов, а не как инструмент улучшения теории (Gul, Pesendorfer, 2008).

Так, размышления о «нечестном», то есть об относительно неравномерном распределении сопровождаются другими нейробиологическими событиями, нежели размышления о «честном» распределении. По-видимому, это различие в нейробиологических событиях может приводить и к различию психологических фактов (Sanfey et al., 2003)¹³. Но некоторые авторы сомневаются, является ли это вообще открытием? (Antonietti, 2010. Р. 213—214), не без иронии отмечая и другие ключевые выводы из исследования: эмоциональное воздействие важно в процессе принятия решения; «нечестные» сделки принимаются сложнее «честных» и т. д.¹⁴

Поэтому, с одной стороны, никто не отрицает наличие определенной связи между выбором и нейронной активностью. С другой стороны, если попытаться уйти от тривиальных выводов, потребуются множество ничем не подкрепленных, «спекулятивных» переходов, чтобы связать соответствующие нейронные события с конкретными предпочтениями индивидов в момент выбора. Поэтому нейробиологические исследования не могут сообщить ничего о том, что человек будет делать в конкретной ситуации или что он должен делать (Fumagalli, 2015). По этой же причине нейроэкономика не позволяет опровергать существующие концепции, раз для самих этих концепций принципы совершения выбора нерелевантны и исключаются в процессе абстрагирования и моделирования (Clithero et al., 2008).

Позитивная программа нейроэкономики также выглядит не очень убедительно. Несомненно, практическое применение могут найти многие идеи, описанные выше, как многие психологические концепции стали широко применяться при взаимодействии с клиентами или, например, на фондовом рынке. Но с теоретической точки зрения проблем все же больше, чем успехов. Ведь когда Камерер сказал, что экономисты уже могут напрямую наблюдать и измерять эмоции, он сказал лишь полуправду. Да, некоторые исследования показывают определенный тип нейронной активности как реакцию на контролируемые изменения внешней среды. Но из этого следует, что наблюдаются физические, а не ментальные процессы. Грубо говоря, никто не знает, какие образы возникают в голове у людей, когда активируются нейроны в какой-либо из частей мозга. Более того, одна и та же степень активности нейронов в голове у одного человека может привести к возникновению теории относительности, а у другого — к провалу на экзамене в универси-

¹³ Исследование также проходило во время игры «Ультиматум».

¹⁴ Как и в ряде других случаев, вопрос не в том, что эмоции часто игнорируются в экономических моделях или что, например, аксиома транзитивности нарушается на практике, а в том, почему экономисты используют подобные упрощения. Ведь экономические модели несут абстрактный характер не потому, что экономисты не знают о роли эмоций.

тете. Наконец, нет оснований ждать теоретически значимых методов предсказания поведения, так как одна и та же нейронная активность может сопровождаться разными действиями в зависимости от предшествующих выбору и актуальных в момент выбора условий.

* * *

Нейроэкономика представляется важным и естественным развитием экспериментальной экономики, а ее результаты позволили несколько иначе взглянуть на качество полученных ранее в рамках поведенческой экономики данных. Кроме того, интерес может представлять развитие нейроэкономики сразу по нескольким направлениям: проверка существующих теорий и моделей; поиск реалистичных предпосылок для новых моделей; выработка нормативных суждений на основе устойчивых физиологических процессов, определяющих (выявляющих) предпочтения индивидов; практические исследования, повышающие эффективность маркетинга, управления персоналом и т.д.

Вместе с тем остаются методологические ограничения, связанные с невозможностью корректного перехода от наблюдений за активностью нейронов к содержательным суждениям о мыслях и предпочтениях людей, что, с точки зрения критиков, есть следствие различий в предмете исследований экономистов и нейробиологов. Поэтому говорить о возможности радикальных изменений в экономической теории, обусловленных экспансией методологии нейробиологии, не приходится. Тем не менее не исключено, что отдельные результаты могут найти применение на практике и в экономических моделях, как это было в случае поведенческой экономики.

Список литературы / References

- Болдырев И.А. (2011). Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений // Журнал Новой экономической ассоциации. № 9. С. 47–70. [Boldyrev I.A. (2011). Economic methodology today: a review of major contributions. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*, No. 9, pp. 47–70 (In Russian).]
- Канеман Д., Тверски А. (2003). Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. Т. 24. № 4. С. 31–42. [Kahneman D., Tversky A. (2003). Rational choice and the framing of decisions. *Psikhologicheskiiy zhurnal*, Vol. 24, No. 4, pp. 31–42 (In Russian).]
- Капелюшников Р. (2013а). Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I // Вопросы экономики. № 9. С. 66–90. [Kapeliushnikov R. (2013a). Behavioral economics and new paternalism. Part I. *Voprosy ekonomiki*, No. 9, pp. 66–90 (In Russian).]
- Капелюшников Р. (2013б). Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть II // Вопросы экономики. № 10. С. 28–46. [Kapeliushnikov R. (2013b). Behavioral economics and new paternalism. Part II. *Voprosy ekonomiki*, No. 10, pp. 28–46. (In Russian).]
- Мяки У. (2008). Модели и эксперименты — это одно и то же // Вопросы экономики. № 11. С. 81–89. [Mäki U. (2008). Models are experiments, experiments are models. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 81–89. (In Russian).]

- Саймон Г. (1993). Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. Вып. 3. С. 16–38. [Simon H. (1993). Rationality as process and as product of thought. *THESIS*, Iss. 3, pp. 16–38. (In Russian).]
- Смит В. (2008). Экспериментальная экономика. М.: ИРИСЭН; Мысль. [Smit V. (2008). *Experimental economics*. M.: IRISEN; Mysl. (In Russian).]
- Andersen S., Ertac S., Gneezy U., Hoffman M., List J. A. (2011). Stakes matter in Ultimatum games. *American Economic Review*, Vol. 101, No. 7, pp. 3427–3439.
- Antonietti A. (2010). Do neurobiological data help us to understand economic decisions better? *Journal of Economic Methodology*, Vol. 17, No. 2, pp. 207–218.
- Antonietti A., Iannello P. (2011). Social sciences and neuroscience: a circular integration. *International Review of Economics*, Vol. 58, No. 3, pp. 307–317.
- Armell K. C., Beaumel A., Rangel A. (2008). Biasing simple choices by manipulating relative visual attention. *Judgment and Decision Making*, No. 5, pp. 396–403.
- Aydinonat N.E. (2010). Neuroeconomics: more than inspiration, less than revolution. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 17, No. 2, pp. 159–169.
- Bechara A., Damasio A. R., Damasio H., Anderson S. W. (1994). Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex. *Cognition*, Vol. 50, No. 1–3, pp. 7–15.
- Benhabib J., Bisin A. (2005). Modeling internal commitment mechanisms and self-control: A neuroeconomics approach to consumption–saving decisions. *Games and Economic Behavior*, Vol. 52, No. 2, pp. 460–492.
- Binmore K. (1999) Why experiment in economics? *Economic Journal*, Vol. 109, No. 453, pp. F16–F24.
- Boarini R., Laslier J.-F., Robin S. (2009). Interpersonal comparisons of utility in bargaining: evidence from a transcontinental ultimatum game. *Theory and Decision*, Vol. 67, No. 4, pp. 341–373.
- Camerer C. (2003). Behavioural studies of strategic thinking in games. *Trends in Cognitive Sciences*, Vol. 7, No. 5, pp. 225–231.
- Camerer C., Loewenstein G., Prelec D. (2005). Neuroeconomics: How Neuroscience Can Inform Economics. *Journal of Economic Literature*, Vol. 43, No. 1, pp. 9–64.
- Camerer C. F., Loewenstein G., Prelec D. (2004). Neuroeconomics: why economics needs brains. *Scandinavian Journal of Economics*, Vol. 106, No. 3, pp. 555–579.
- Cliethero J. A., Tankersley D., Huettel S. A. (2008). Foundations of Neuroeconomics: From Philosophy to Practice. *PLoS Biol*, Vol. 6, No. 11: e298.
- Coates J. M., Herbert J. (2008). Endogenous steroids and financial risk taking on a London trading floor. *PNAS*, Vol. 105, No. 16, pp. 6167–6172.
- De Martino B., Kumaran D., Seymour B., Dolan R. J. (2006). Frames, Biases, and Rational Decision-Making in the Human Brain. *Science*, Vol. 313, No. 5787, pp. 684–687.
- De Quervain D.J.-F., Fischbacher U., Treyer V., Schellhammer M., Schnyder U., Buck A., Fehr E. (2004). The Neural Basis of Altruistic Punishment. *Science*, Vol. 305, No. 5688, pp. 1197–1352.
- Dickhaut J., McCabe K., Nagode J. C., Rustichini A., Smith K., Pardo J. V. (2003). The Impact of the Certainty Context on the Process of Choice. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, Vol. 100, No. 6, pp. 3536–3541.
- Dohmen T., Falk A., Fliessbach K., Sunde U., Weber B. (2011). Relative versus absolute income, joy of winning, and gender: Brain imaging evidence. *Journal of Public Economics*, Vol. 95, No. 3–4, pp. 279–285.
- Dorris M. C., Glimcher P. W. (2004) Activity in posterior parietal cortex is correlated with the relative Subjective desirability of action. *Neuron*, Vol. 44, No. 2, pp. 365–378.
- Dresher M. (1962) *A sampling inspection problem in arms control agreements: a game-theoretic analysis* (Memorandum RM-2972-ARPA). Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Fumagalli R. (2015). Five theses on neuroeconomics. *Journal of Economic Methodology* [forthcoming].

- Gul F., Pesendorfer W. (2008). The case for mindless economics. In: A. Caplin, A. Shotter (eds.). *The foundations of positive and normative economics*. N.Y.: Oxford University Press, pp. 3–39.
- Güth W., Schmittberger R., Schwarze B. (1982). An experimental analysis of ultimatum bargaining, *Journal of Economic Behavior and Organization*, Vol. 3, No. 4, pp. 367–388.
- Hampton A. N., Bossaerts P., O'Doherty J. P. (2008). Neural correlates of mentalizing-related computations during strategic interactions in humans. *PNAS*, Vol. 105, No. 18, pp. 6741–6746.
- Harrison G., Ross D. (2010). The methodologies of neuroeconomics. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 17, No. 2, pp. 185–196.
- Hogarth R. M. (2005). The challenge of representative design in psychology and economics. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 12, No. 2, pp. 253–263.
- Hudík M. (2011). Why economics is not a science of behavior. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 18, No. 2, pp. 147–162.
- Izuma K., Matsumoto M., Murayama K., Samejima K., Sadato N., Matsumoto K. (2010). Neural correlates of cognitive dissonance and choice-induced preference change. *PNAS*, Vol. 107, No. 51, pp. 22014–22019.
- Kable J. W. (2011). The cognitive neuroscience toolkit for the neuroeconomist: A functional overview. *Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics*, Vol. 4, No. 2, pp. 63–84.
- Kahneman D., Knetsch J. L., Thaler R. H. (1986). Fairness and the assumptions of economics. *Journal of Business*, Vol. 59, No. 4, pp. S285–S300.
- Koenigs M., Kruepke M., Newman J. P. (2010). Economic decision-making in psychopathy: A comparison with ventromedial prefrontal lesion patients. *Neuropsychologia*, Vol. 48, No. 7, pp. 2198–2204.
- Krueger F., McCabe K., Moll J., Kriegeskorte N., Zahn R., Strenziok M., Heinecke A., Grafman J. (2007). Neural correlates of trust. *PNAS*, Vol. 104, No. 50, pp. 20084–20089.
- Laibson D. (1997). Golden eggs and hyperbolic discounting. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 112, No. 2, pp. 443–477.
- Loewenstein G., O'Donoghue T. (2004). *Animal spirits: Affective and deliberative influences on economic behavior* (Working Paper 04-14). Ithaca, NY: Caregie-Mellon University, Department of Social and Decision Sciences.
- Lohrenz T., McCabe K., Camerer C. F., Montague P. R. (2007). Neural signature of fictive learning signals in a sequential investment task. *PNAS*, Vol. 104, No. 22, pp. 9493–9498.
- McCabe K., Houser D., Ryan L., Smith V., Trouard T. (2001). A functional imaging study of cooperation in two-person reciprocal exchange. *PNAS*, Vol. 98, No. 20, pp. 11832–11835.
- McClure S. M., Li J., Tomlin D., Cypert K. S., Montague L. M., Montague P. R. (2004). Neural correlates of behavioral preference for culturally familiar drinks. *Neuron*, Vol. 44, No. 2, pp. 379–387.
- Mikolajczak M., Gross J. J., Lane A., Corneille O., de Timary P., Luminet O. (2010). Oxytocin makes people trusting, not gullible. *Psychological Science*, Vol. 21, No. 8, pp. 1072–1074.
- Miller E. K., Cohen J. (2001). An integrative theory of prefrontal cortex function. *Annual Review of Neuroscience*, Vol. 24, pp. 167–202.
- Montague P.R., Berns G.S. (2002). Neural Economics and the Biological Substrates of Valuation. *Neuron*, Vol. 36, No. 2, pp. 265–284.
- Naqvi N., Shiv B., Bechara A. (2006). The role of emotion in decision making: A cognitive neuroscience perspective. *Current Directions in Psychological Science*, Vol. 15, No. 5, pp. 260–264.
- Padoa-Schioppa C. (2008). The syllogism of neuro-economics. *Economics and Philosophy*, Vol. 24, Special Issue 03, pp 449–457.
- Park J. W., Zak P. J. (2007). Neuroeconomics studies. *Analyse and Kritik*, Vol. 29, No 1, pp. 47–59.

- Plassmann H., O'Doherty J., Shiv B., Rangel A. (2008) Marketing actions can modulate neural representations of experienced pleasantness. *PNAS*, Vol. 105, No. 3, pp. 1050–1054.
- Platt M. L., Glimcher P. W. (1999). Neural correlates of decision variables in parietal cortex. *Nature*, Vol. 400, No. 6741, pp. 233–238.
- Raab G., Elger C. E., Neuner M., Weber B. (2011) A Neurological Study of Compulsive Buying Behaviour. *Journal of Consumer Policy*, Vol. 34, No. 4, pp. 401–413.
- Robbins L. (1938). Interpersonal comparisons of utility: A comment. *Economic Journal*, Vol. 48, No. 1938, pp. 635–641.
- Rubinstein A. (2003). “Economics and psychology”? The case of hyperbolic discounting. *International Economic Review*, Vol. 44, No. 4, pp. 1207–1216.
- Sanfey A. G., Rilling J. K., Aronson J. A., Nystrom L. E., Cohen J. D. (2003). The neural basis of economic decision-making in the ultimatum game. *Science*, Vol. 300, No. 5626, pp. 1755–1758.
- Sescousse G., Caldú X., Segura B., Dreher J.-C. (2013). Processing of primary and secondary rewards: A quantitative meta-analysis and review of human functional neuroimaging studies. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, Vol. 37 No. 4, pp. 681–689.
- Singer T., Fehr E. (2005) The Neuroeconomics of Mind Reading and Empathy. *American Economic Review*, Vol. 95, No. 2, pp. 340–345.
- Smidts A., Hsu M., Sanfey A. G., Boksem M. A. S., Ebstein R. B., Huettel S. A., Kable J. W., Karmarkar U. R., Kitayama S., Knutson B., Liberzon I., Lohrenz T., Stallen M., Yoon C. (2014). Advancing consumer neuroscience, *Marketing Letters*, Vol. 25, No. 3, pp. 257–267.
- Søberg M. (2005). The Duhem-Quine thesis and experimental economics: A reinterpretation. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 12, No. 4, pp. 581–597.
- Tobler P. N., Christopoulos G. I., O'Doherty J. P., Dolan R. J., Schultz W. (2009). Risk-dependent reward value signal in human prefrontal cortex. *PNAS*, Vol. 106, No. 17, pp. 7185–7190.
- Vromen J. (2010). On the surprising finding that expected utility is literally computed in the brain. *Journal of Economic Methodology*, Vol. 17, No. 1, pp. 17–36.
- Zak P. J. (2011). The physiology of moral sentiments. *Journal of Economic Behavior & Organization*, Vol. 77, No. 1, pp. 53–65.
-

Neurobiology and New Opportunities for Experimental Economics

Alexander Rakviashvili

Author affiliation: Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
Email: rakviashvili@gmail.com.

The article appraises the first achievements of the new branch of interdisciplinary research in the intersection of neurobiology and economics. The analysis of the main results of the new studies and the key areas of criticism of neuroeconomics are presented. The author claims that despite a number of interesting results, neuroeconomics will not be able to radically change economics due to methodological limitations and because of significant differences in the research subjects in neurobiology and economics.

Keywords: neuroeconomics, economic methodology, experimental economics.
JEL: B41, C90, D11.

ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

Н. Розинская, И. Розинский

Национальный проект «Доверие»

В статье рассматриваются вопросы формирования обобщенного доверия и социального капитала в современной России в условиях внешнего давления. Отмечается низкий уровень доверия, анализируются его экономические, социальные и бытовые последствия, объясняются причины более низкого уровня доверия в нашей стране по сравнению со странами Западной Европы. Рассматривая уровень доверия и социальный капитал общества как экстерналии, авторы делают вывод о необходимости целенаправленного «производства» доверия. В качестве механизма такого «производства» предлагается развитие коллективной благотворительности. Подчеркивается, что для активизации потенциала доверия нужна идейная и символическая опора, связанная с историей данного общества. В качестве таковой предлагается День народного единства, понимаемый как день рождения в России гражданского общества.

Ключевые слова: доверие, социальный капитал, гражданское общество.

JEL: D62, D64, I31.

Уже полтора года наша страна живет в условиях серьезного внешнего давления, и особых надежд на его ослабление в обозримом будущем питать не приходится. Это внешнее давление пока привело к консолидации российского общества: его подавляющая часть категорически отвергает саму возможность отказа от внешнеполитических шагов, которые стали поводом для санкций. В отличие от небольших этнически однородных государств, для огромной и многообразной страны национальное единение и консолидация — феномен не столь частый и потому очень ценный. Надеяться, что он сохранится сам собой, неразумно, поскольку любой эмоциональный подъем чреват эмоциональным спадом. В русской истории так уже было не раз: мощный патриотический подъем и национальное единение во время освобождения Болгарии от турок и в начальный период Первой мировой войны сменились — после военных либо дипломатических неудач, от которых никто не застрахован, — разочарованием, которое подорвало основы нашей государственности.

Представляется, что важнейшие задачи сегодня — не растратить возникший капитал национального единения и трансформировать его в социальный капитал. Суть трансформации в том, чтобы помочь обществу «вспомнить»,

Розинская Наталья Анатольевна (rozinskaya@econ.msu.ru), к. э. н., доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва); *Розинский Иван Анатольевич* (ivan.rozinskiy@vtb.ru), д. э. н. (Москва).

что оно есть не только коалиция интересов, но и моральное сообщество. Это предусматривает особый способ отношения к другим, которые определяются как «мы». «Мы» — те, кого наделяем доверием, в отношении которых поступаем лояльно и об интересах которых беспокоимся в соответствии с духом солидарности. Но понятие «мы» обязательно предполагает, что существуют «они», не входящие в «мы». Поэтому формирование ощущения «мы», хотя и не обязательно требует внешнего противостояния, но обычно облегчается и ускоряется при его наличии: социальный капитал вырабатывается быстрее.

Мы и доверие

Социальный капитал определяется как способность обществ к коллективным действиям ради достижения общей цели. Чтобы объединяться с другими людьми, им нужно доверять. В силу этого ядром социального капитала выступает существующий в обществе уровень доверия. В первом приближении он обычно измеряется долей респондентов, утвердительно ответивших на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству незнакомых людей можно доверять?». Между этим параметром и другими составляющими социального капитала (просоциальным поведением, уровнем взаимопомощи, готовностью индивидов нести издержки для блага сообщества и т. д.) существует тесная корреляция (Putnam, 2000). Положительный ответ на сформулированный вопрос дают порядка 60% в Скандинавских странах и около 40% в англосаксонских; в постсоветской России, как и в ряде развивающихся стран, эта цифра близка к 20%.

Эффекты социального капитала продемонстрированы во многих эконометрических исследованиях. Показано, что его наличие способствует экономическому росту (Knack, 2003), увеличению доли инвестиций в ВВП (Coates, Heckelman, 2003), снижению неравенства в доходах (Svendsen, Svendsen, 2010), росту предпринимательской активности (Kwan, Arenius, 2010). Ряд авторов вообще склонны включать социальный капитал в число объектов экономического анализа наряду с природными ресурсами, материальными активами и человеческим капиталом, измеряемым уровнем образования и качеством здоровья живущих в стране людей (см., например: Сасаки и др., 2010. С. 86—87). Низкий уровень доверия ведет к ограничению договорных связей, резкому возрастанию издержек, связанных с проверкой соблюдения контрактов. Многие инвестиции, успех которых в большой мере зависит от поведения партнеров в будущем, не осуществляются, потому что на этих людей нельзя положиться. Доверие формирует более рациональное потребительское поведение, увеличивает горизонты планирования семейных бюджетов, способствуя росту личных накоплений и сбережений.

Для России характерен феномен, исследованный Ф. Фукуямой: слабое развитие среднего бизнеса в странах с невысоким уровнем доверия (Фукуяма, 2008. С. 187—200). В таких условиях средний бизнес плохо «склеивается»: есть либо очень мелкий, основанный на доверии между близко знающими друг друга людьми (часто родственниками), либо очень крупный — государственный или связанный с государством, где отсутствие «клея» частного доверия компенсируется государственными «скрепами». Отсюда сравнительно слабое развитие частных инвестиций и гипертрофированная роль государства.

Но еще важнее не экономические, а социальные или даже бытовые последствия низкого уровня доверия в обществе. Как писал А. Маслоу, «человеку крайне важно знать, что он живет на родине, у себя дома, рядом

с близкими и понятными ему людьми, что его окружают „свои“...» (Маслоу, 1999. С. 87). Низкий уровень доверия радикально снижает качество жизни. Блокируется восприятие своей страны как дома — ведь дома хочется тепла и уюта, хочется отдохнуть от постоянной готовности к борьбе. Именно отсюда проистекает отношение многих россиян к своей стране как к месту зарабатывания денег, «территории свободной охоты» (М. Б. Ходорковский), при этом тепло и уют ищут за рубежом.

Следует признать, что у россиян есть серьезная проблема с доверием друг другу и со способностью к самоорганизации, что хорошо видно на фоне других стран и этнических групп. В Великобритании, США, Германии русские значимы количественно, но совершенно не значимы политически из-за своей неорганизованности, неспособности объединяться. Невозможно даже сравнить политическое влияние российской общины в других странах с армянской, ирландской (в США) или даже украинской (в Канаде) общинами, не говоря уже о еврейской.

Почему нам так сложно консолидироваться и формировать общественное доверие? Одно из возможных объяснений в том, что по историческим причинам в России не сложилось то, что можно назвать культурой конклава. Известно, что в Средние века членов конклава кардиналов, неприязненно относившихся друг к другу и потому слишком долго выбиравших из своего состава нового римского папу, не выпускали из запертого помещения, давая понять: вы должны договориться. Ни у кого из вас нет возможности сказать: или по-моему, или никак. Варианта «никак» нет, вернее, он очевидно неприемлем для всех, поэтому члены конклава обречены договариваться. Понимание необходимости договариваться, предполагающее невозможность или очень высокие издержки ухода — ключ к созданию гражданского общества. В Западной Европе и ряде других стран это понимание сформировалось и вошло в национальную культуру. Для России характерны наличие огромных полупустых пространств вокруг исторического ядра нашей территории и изобилие леса. Полупустые пространства на этапе формирования нашего народа давали возможность пассионарному человеку в случае несогласия просто уйти из сообщества, сказать: либо по-моему, либо никак (то есть без меня). Изобилие леса (в отличие от камня) позволяло быстро и дешево строить деревянные дома: леса вокруг много, надо будет — построим новый. Каменный дом, своей основательностью и дороговизной строительства прикреплявший человека к данному месту и заставлявший волей-неволей ужиться с соседями, оставался в России редкостью. Это препятствовало укоренению человека; склонность к «либо по-моему, либо никак» усиливалась.

Сталкиваясь с таким географически обусловленным индивидуализмом, легко переходящим в анархизм («какая еще власть? Отстаньте от меня с вашими налогами и податями, а не то уйду»), российское государство стремилось его обуздать разными способами: крепостным правом, искусственным стимулированием (вплоть до Столыпина) общины с ее ограничениями, в советское время — колхозами, системой прописки и т. д. Государство насильно привязывало человека к месту и встраивало в различные коллективы (община, воинская часть, заводская бригада), чтобы можно было взять у него для реализации общих целей ресурсы — налоги, сына в армию, (полу)бесплатный труд и т. д. В результате представление об общих целях и интересах привносилось в российское общество извне, со стороны государства, а сам этот интерес чаще всего имел военный характер (подробнее см.: Клямкин, 2007). Что-то похожее на культуру конклава возникало в России только при общем отражении понятной всем внешней угрозы. Исторически у нас получалась только консолидация

«против», на основе общего военного интереса, (все)общей мобилизации. Представление о *невоенном* общем интересе не сложилось.

На первый взгляд сейчас «все как всегда»: сплочение нации вновь вызывает исключительно военный интерес — общая радость от военно-политических побед и общее сопротивление внешнему давлению. Но на дворе не 1930-е и даже не 1960-е годы. Мы живем в открытом мире, в котором уровень и качество жизни стали предметом острой конкуренции между странами. Невоенный интерес, заключающийся в совместном обустройстве нашей страны для комфортной и правильной жизни, сопрягается с военным — способностью противостоять внешнему давлению. Советский Союз, будучи закрытым обществом, мог позволить себе несколько десятилетий мириться с разрывом в уровне и качестве жизни со странами-конкурентами, но новая Россия не может. В современном информационном обществе жить хуже соседей для огромной и очень неоднородной страны означает угрозу распада.

Выход в том, чтобы направить возникший в 2014 г. заряд позитивной энергии в созидательное русло. Нас должны объединять не только общий День победы и восторг по поводу спортивных побед и вежливости наших спецназовцев. Необходимо развивать невоенное понимание общего интереса. Нам вместе лучше, чем по одному, поэтому надо совместно устраивать нашу общую жизнь. Мы говорим на одном языке, понимаем друг друга, поэтому образуем «мы», а не совокупность независимых и чуждых друг другу атомов.

У понятия «русский мир», употребленного президентом РФ в «крымской речи», есть и другой смысл — мир между русскими в самой России. Нужно быть добрее к своим, а не злее к чужим. Речь идет о создании минимального (хотя бы) идейного консенсуса, способного стать фундаментом гражданской нации, об объединении людей, разделяющих базовые, самые общие представления о добре и зле — нужно помогать слабым, заботиться о стариках и детях, улучшать и украшать мир вокруг себя. Основа всего этого — повышение уровня общественного доверия в России.

Созидание доверия

Как это сделать и можно ли вообще повысить уровень доверия в «исторически недоверчивой» России? Начнем с ответа на второй вопрос. В позднем СССР уровень обобщенного доверия составлял порядка 35%, что заметно выше среднемирового показателя (Петренко, 2008. С. 92—93). Косвенно подтверждают этот факт воспоминания живших в 1960—1970-е годы о возможности, ничего не опасаясь, отпускать ребенка играть во двор или на улицу. Существующая в современном обществе определенная ностальгия по (поздне)советскому периоду во многом объясняется, на наш взгляд, именно воспоминанием о более высоком, чем нынешний, уровне доверия, что делало социальную жизнь комфортнее, несмотря на более низкий материальный уровень. Таким образом, нынешний уровень доверия в России не культурная константа и в принципе поддается изменениям. Его можно существенно повысить.

С начала 1990-х годов уровень доверия в обществе стал монотонно снижаться. Социальный капитал позднесоветского общества исчез в период первоначального накопления, так как само оно часто осуществлялось за счет эксплуатации доверия окружающих. Доверчивые беднели, недоверчивые богатели, доверие падало, поскольку наученные горьким опытом люди все сильнее боялись стать средством чужого обогащения.

Аналогичный российскому процесс снижения уровня доверия в обществе при переходе к рынку фиксировался в восточно-европейских странах. В Венгрии, где экономические реформы начали осуществлять прежде, чем в других странах, раньше снизился и уровень доверия, а в «задержавшихся» Молдавии, Румынии и Болгарии — позже. В целом отметим, что среди людей, борющихся за выживание, доверие очень хрупкое: оно не возникает в нищете, унижаемой богатством окружающих. Быстрый экономический подъем, провоцирующий социальное расслоение, также плохо сказывается на доверии. Доверие — удел стабильных обществ, таких как позднесоветское или нынешнее российское.

Механизм расширенного воспроизводства доверия работает следующим образом. Попав в среду доверия, люди быстро понимают, что иначе вести себя неприлично. Когда мы живем в такой среде, появляется убеждение «верить другим — это нормально, у нас так принято». Отсюда переход к обязательности, к «так должно происходить». В результате формируется культура доверия, основанная на двух правилах: необходимо верить другим, думая, что они честны, пока не окажется наоборот; следует серьезно воспринимать доверие, оказанное нам другими, и соответствовать их ожиданиям, пока не выяснится, что доверие было неискренним. Давление в пользу соблюдения норм может оказывать и коллектив, придерживающийся мнения, что все не только «так делается», но и «должно так делаться». П. Штомпка приводит пример, как он, привыкший к езде «по-польски», без соблюдения правил вежливости (видимо, езда «по-польски» не сильно отличается от езды «по-русски»), оказавшись за границей, очень быстро понял, что так ездить неприлично (Штомпка, 2012. С. 293–294).

Однако откуда в недоверчивом обществе возникнут группы, продуцирующие среду доверия? На спонтанное, происходящее само собой повышение уровня доверия надежды мало. Рынок сам по себе не воспроизводит его в оптимальном для общества объеме, поскольку доверие суть экстерналия. Оно есть благо для общества в целом; группа индивидов, создающая его, не может зарезервировать это благо только для себя и потому не будет иметь стимулов создавать его в оптимальном для общества объеме. Это означает, что здесь должны действовать нерыночные силы — государство, церковь, семья. Созданию социального капитала необходимо помогать.

Что может содействовать пробуждению доверия? Нечто, способное противостоять главному фактору, разрушавшему его в период российского первоначального накопления, — боязни стать «лохом», то есть средством чужого обогащения. Это предполагает очевидное и безусловное отсутствие личной корысти. Вообще, бескорыстие — одна из главных социальных добродетелей в отечественной культуре; достаточно вспомнить народные сказки и русскую классическую литературу, в которой нет ни одного положительного героя, ориентированного на собственное обогащение. Высокая оценка бескорыстия, странным образом уживающаяся с широко распространенным в обществе цинизмом, сохранилась до сих пор. Что сделало привлекательным в глазах многих героя фильмов «Брат-1» и «Брат-2» — по сути, убийцу? Бескорыстная готовность откликнуться на зов, прийти на помощь.

Представляется, что основным механизмом повышения уровня доверия в обществе может стать всемерное развитие и стимулирование благотворительности. Основанные на бескорыстии совместные добрые дела — лучший способ установить контакт, воспитать взаимное доверие. Если мы узнаем о том, что малознакомый человек добровольно ездил помогать людям, попавшим в беду во время пожаров, изменится ли наша готовность доверять ему? Положительный ответ, думается, очевиден.

Благотворительность ценна сама по себе, но для созидания доверия в обществе особенно значима совместная, коллективная благотворительность. Из социологических опросов известно, что те, кто участвовал в благотворительных акциях, больше доверяют людям. Теория социального капитала утверждает, что чем чаще мы объединяемся с другими людьми, тем больше им доверяем, и наоборот: чем больше доверяем, тем чаще объединяемся (Штомпка, 2012. С. 60). Поэтому нужно стимулировать людей объединяться — разными способами, в том числе грантами, собственным примером, пропагандой и т. д.

Опросы показывают, что в России, несмотря на низкий уровень доверия, существует его значимый *потенциал*, который можно активизировать: более 60% оказывали помощь кому-либо, кроме родственников, а более $\frac{1}{3}$ готовы ее оказывать, объединившись с другими людьми (Мерсиянова, 2012. С. 212). Россияне *хотят* доверять, *хотят* делать добро.

Ферментами доверия в современном российском обществе выступают не-политические НКО. По данным Л. Якобсона, уровень доверия к незнакомым людям у российских граждан, не участвующих в НКО, в среднем в 1,3 раза ниже, чем у их участников, и в 3 раза ниже, чем у их лидеров (Якобсон, 2013). Лидеры и участники НКО почти вдвое чаще остальных граждан участвуют в общей деятельности по месту жительства — от субботников до собраний жильцов дома. В помощи людям, попавшим в трудную ситуацию, они участвуют в 4—6 раз чаще. При этом общественную атмосферу, в которой живут российские НКО в последние годы, нельзя назвать благоприятной как в силу негативного образа, созданного в результате принятия закона об НКО — «иностраннных агентах», так и по причине общего отторжения российской бюрократией всякой «самодеятельности». Поэтому для созидания доверия в обществе необходимо создать вокруг НКО благоприятный общественный фон, сделать участие в них социально поощряемым. Нужны меры, снижающие давление на благотворительные НКО, — не обязательно юридические или финансовые, но хотя бы символические, посылающие правильный сигнал и чиновникам, и обществу в целом.

День доверия

Для активизации потенциала доверия в обществе требуется идейная опора. В истории России есть пример — довольно редкий, но потому очень важный, — когда взаимное доверие и самоорганизация обеспечили спасение страны. Речь идет о событиях 1612 г.

Россия отмечает День народного единства 4 ноября. Пока для многих этот праздник остается лишь дополнительным выходным. Между тем нам есть что праздновать — 4 ноября было днем победы российского гражданского общества. Российского, так как в 1612 г. была осознана ценность России для ее жителей, именно тогда ставших россиянами, а не только москвичами, нижегородцами и казанцами. Гражданского, так как задача спасения страны решалась ее людьми (ставшими *гражданами*) без государства, в ситуации, когда государственные институты были почти полностью разрушены. Национальная элита того времени (верхи боярства и служилого сословия) за предшествовавшие несколько лет оказалась поголовно скомпрометированной: кто признанием очевидного самозванца («ведомого вора») Лжедмитрия II, кто коллаборационизмом, кто очевидной неспособностью руководить страной в критический момент. По словам Н. Костомарова, тогда «в Московском го-

сударстве уже никто никому не верил, и редкий по совести мог сам за себя поручиться» (Костомаров, 2008. С. 401). Каждый был сам за себя; наверняка тогдашние люди, как и наши современники, страшно боялись, что их «кинут», сочтут «лохами», тем более что тогда ценой ошибки — если тебя действительно «кинут» — часто была жизнь. Из-за неспособности представителей различных социальных и политических сил договориться, довериться друг другу, подчинить свои интересы общим распалось первое ополчение, лидер которого дворянин Прокопий Ляпунов был убит казаками. Но в какой-то момент риск, что твое доверие обманут, показался нашим предкам менее страшным, чем риск потерять свою страну, свою веру, свою идентичность. Незнакомые люди поверили друг другу и встали плечом к плечу. Возникло второе ополчение. Люди преодолели взаимное недоверие, объединились и спасли страну.

Итак, суть и пафос 4 ноября — не в военной победе над внешним врагом. Смута, преодоление которой мы празднуем в этот день, была гражданской войной, нашей собственной болезнью, от которой российское общество сумело вылечиться. Поляки и шведы лишь воспользовались ситуацией, которую *мы сами* допустили в своей стране. Так что победа в 1612 г. — в первую очередь победа наших предков над собой, над собственным эгоизмом, над недоверием друг другу. Именно она сохранила нам Россию. Вот почему неправильно делать основой идеологии этого праздника военную победу над внешним врагом. Нам нужен другой, не военный, не «силовой», а добрый праздник, День доверия.

Предлагаемая идея Дня народного единства — в добровольном объединении граждан для общей цели. Речь идет о развитии традиции приурочивать к этому дню совместные благотворительные и иные общепользные дела, о создании праздничных пулов граждан для совместных добрых дел: объединений коллег по работе, дружеских компаний, групп соседей, прихожан одного храма, различных интернет-сообществ. Цели могут быть разными, преимущественно, но не только чисто благотворительными: помощь нуждающимся; обустройство своего двора или подъезда; украшение храмов. Главное — участие в совместном *общепользном* деле, преодоление страха прослыть «лохом».

Почему нельзя этим заниматься «просто так», а не в связи с праздником? Дело в том, что для укоренения традиций совместной благотворительности очень важны внешнее одобрение, наличие поддерживающей среды. Одобрение помогает сформировать стандарты публичного поведения, которые, в свою очередь, влияют на ценностные установки индивидов. По данным опросов, более 40% респондентов стали бы проявлять бóльшую общественную активность, если бы вокруг было больше людей, готовых помогать незнакомым. Те, кто уже имел опыт участия в благотворительности, в полтора раза чаще готовы помогать незнакомым людям, с бóльшим доверием относятся к другим общественно активным людям (Петренко, 2008. С. 83—86). Отсюда целесообразность вовлечения людей хотя бы в небольшую (возможно, чисто символическую) общественную деятельность, благотворительность. Расширяя поводы для участия граждан в такой деятельности, можно существенно повысить уровень гражданского самосознания общества.

Важнейший момент для успеха реформатирования праздника 4 ноября — строгая добровольность участия в общепользных делах. Российские благотворители очень ценят свободу выбора объектов оказания помощи. Роль государства при этом видится не в организации, а в создании благоприятной внешней атмосферы, прежде всего пропаганде совместных общепользных дел.

Те, кто считает себя приверженцем левых, социалистических идей, могут увидеть в этом реализацию принципов коллективизма. Совместный

добровольный труд на общее благо напоминает о традиции субботников и воскресников в советский период нашей истории. Сторонники либеральных ценностей, для утверждения которых необходимо становление в стране гражданского общества, не могут не увидеть здесь создание его ячеек: люди сами, добровольно, без государственного или иного принуждения объединяются для решения общих проблем, совместной реализации общих представлений о том, как сделать жизнь лучше. Делать добрые дела, содействуя формированию гражданского общества, разумнее, чем переживать по поводу маршей националистов 4 ноября.

Надеемся, что предлагаемый подход будет поддержан и Русской православной церковью, и всеми традиционными конфессиями России. Дело не только в совпадении Дня народного единства с одним из важнейших православных праздников. Рискнем предположить, что реализация предлагаемой идеи может способствовать активизации приходской жизни. Для ислама с его богатейшей традицией благотворительности это предложение тоже, можно надеяться, не будет чуждым. Согласно опросам, мусульмане больше остальных россиян склонны участвовать в общепользовательных делах и выше ценят это качество в других (Мчедлов и др., 2009. С. 360).

Важную роль в формировании в обществе климата доверия должны сыграть обеспеченные люди. Успех переформатирования Дня народного единства зависит прежде всего от них. Согласно опросам, в группах респондентов, объединенных по субъективной оценке уровня жизни, доля готовых объединяться с другими людьми для совместных действий увеличивается прямо пропорционально росту такой оценки и достигает максимума в группе наиболее обеспеченных (Петренко, 2008. С. 94–96). Способность объединяться положительно коррелирует и с наличием высшего образования.

За исключением периодов трагических катаклизмов, общественная активность всегда держится либо на подвижниках, на их самоотверженной безвозмездной работе (таких много в неополитических НКО), либо на людях, обладающих высоким материальным и/или социальным статусом. Наиболее успешной она оказывается при соединении этих двух элементов. Символом такого соединения может стать День народного единства — День доверия. Это будет соответствовать исторической основе праздника: началом второго ополчения стал сбор средств в Нижнем Новгороде, и эти средства Козьме Минину дали люди «достаточные».

Список литературы / References

- Клямкин И. (ред.) (2007). Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Новое издательство. [Klyamkin I. (2007). *Russian state: Yesterday, today, tomorrow*. Moscow: New Publishing. (In Russian).]
- Костомаров Н. И. (2008). Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: СТД. [Kostomarov N. (2008). *Time of troubles of the Moscow state*. Moscow: STD. (In Russian).]
- Маслоу А. (1999). Мотивация и личность. СПб.: Евразия. [Maslow A. (1999). *Motivation and personality*. St. Petersburg: Eurasia. (In Russian).]
- Мерсиянова И. В. (2012). Повседневные практики гражданского общества в образе жизни россиян // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. I. М.: Издат. дом ВШЭ. [Mersyanova I. (2012). *Everyday practices of civil society in Russians' way of life. Proceedings of the XII International Academic Conference on Economic and Social Development. Book I*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]

- Мchedlov M. P., Gavrilov Yu. A., Gorbunov V. V. и др. (ред.) (2009). Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. 2-е изд. М.: Культурная революция. [Mchedlov M. P. et al. (eds.) (2009). *Faith, ethnos, nation. Religious component of ethnic consciousness*. 2nd ed. Moscow: Cultural Revolution. (In Russian).]
- Петренко Е. С. (ред.) (2008). Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». [Petrenko E. S. (ed.) (2008). *Civil society of modern Russia. Sociological sketches from the nature*. Moscow: "Public Opinion" Foundation Institute. (In Russian).]
- Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В. (2010). Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // Вопросы экономики. № 2. С. 86–102. [Sasaki M., Latov Yu., Romashkina G., Davydenko V. (2010). Trust in modern Russia (Comparative approach to "social virtues"). *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 86–102. (In Russian).]
- Фукуяма Ф. (2008). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ. [Fukuyama F. (2008). *Trust: The social virtues and the creation of prosperity*. Moscow: AST. (In Russian).]
- Штомпка П. (2012). Доверие — основа общества. М.: Логос. [Sztompka P. (2012). *Trust: The basis of the society*. Moscow: Logos. (In Russian).]
- Якобсон Л. (2013). Борцы и парии // Ведомости. 6 мая. [Yakobson L. (2013). Fighters and parias. *Vedomosti*. May 6. (In Russian).]
- Coates D., Heckelman J. (2003). Interest groups and investment: A further test of the Osłon hypothesis. *Public Choice*, Vol. 117, No. 3–4, pp. 333–334.
- Knack S. (2003). Groups, growth, and trust: Cross-country evidence on the Osłon and Putnam hypothesis. *Public Choice*, Vol. 117, No. 3–4, pp. 341–355.
- Kwan S.-W., Arenius P. (2010). Notions of entrepreneurs: A social capital perspective. *Journal of Business Venturing*, Vol. 25, pp. 315–333.
- Putnam R. (2000). *Bowling alone: Collapse and revival of American community*. N. Y.: Simon & Schuster.
- Svendsen G. T., Svendsen G. L. (eds.) (2010). *Handbook of social capital. The Troika of sociology, political science and economics*. Cheltenham: Edward Edgar.

Trust: A National Project

Natalia Rozinskaya¹, Ivan Rozinskiy*

Author affiliation: ¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: ivan.rozinskiy@vtb.ru.

This article deals with the genesis of general trust and social capital in contemporary Russia, which faces the external pressure. The low level of general trust is noted, its economic, social and everyday life implications are considered, an explanation of Russia's lower than in western Europe level of trust is provided. Considering society's level of trust and social capital as externalia, the authors conclude that there is a necessity to "produce" trust intentionally. Promotion of collective charity is proposed as a mechanism of such "production". It is stressed that in order to activate the potential of trust in a society, there is a need for ideological and symbolic basis linked to its history. Russian People's Unity Day, understood as the birthday of Russian civil society, is proposed to be used in this respect.

Keywords: trust, social capital, civil society.

JEL: D62, D64, I31.

Б. Фрумкин

Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций»

В статье рассматриваются последствия санкций, введенных как Западом, так и российской стороной (контрсанкции), для агропромышленного комплекса России. Последствия санкций анализируются в трех измерениях — внешне-торговом, производственном и рыночно-потребительском. Автор приходит к выводу, что санкции негативно отразились на доступности продовольствия для малообеспеченных слоев населения, качество некоторых видов продукции снизилось, но однозначно положительного эффекта на отечественных производителей санкции пока не оказали. Для того чтобы санкции возымели положительный эффект на агропромышленный комплекс и благосостояние широких слоев населения, необходимы дополнительные политические шаги по повышению господдержки и улучшению работы институтов агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, санкции, сельское хозяйство.

JEL: Q1, F5.

Агропромышленный комплекс (АПК) занимает особое место в «санкционном» противостоянии России и стран, которые применили в отношении нее политические и экономические ограничения. На его развитие повлияли как антироссийские санкции в отношении «неаграрных» секторов экономики (косвенно), так и ответное российское продовольственное эмбарго (непосредственно).

Секторальные *антироссийские санкции* негативно повлияли преимущественно на финансово-инвестиционные условия развития АПК. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) в июле 2014 г. заморозил инвестиции в аграрные проекты в России (в том числе с участием фирм Франции и США) на 271 млн долл., что эквивалентно 45% ПИИ, привлеченных в сельское хозяйство РФ в 2014 г. Однако в целом приток внешних инвестиций в российский АПК сохранился. В I квартале 2015 г. по сравнению с I кварталом 2014 г. суммарные привлеченные ПИИ в сельском хозяйстве и пищевой промышленности снизились лишь на 12%. Их доля во всех ПИИ практически не изменилась (3,6%) и даже в 1,3 раза превысила показатель 2011 г. (табл. 1).

Заметнее оказалось влияние финансовых санкций на внутрироссийское аграрное кредитование. Введение санкций против двух ведущих кредиторов сельского хозяйства России — «Россельхозбанка» (65% кредитования сезонно-

Фрумкин Борис Ефимович (boris.frumkin@mail.ru), к. э. н., доцент, завсектором исследований АПК Института экономики РАН (Москва).

Торгово-инвестиционные связи АПК России (млрд долл.)

	2011	2014	2014 янв. — июль	2015 янв. — июль
Экспорт продукции АПК	13,3	18,9	10,3	8,1
доля во всем экспорте, %	2,6	3,3	3,4	3,9
доля стран дальнего зарубежья, %	68,0	73,0	71,0	72,0
Импорт продукции АПК	42,5	39,7	23,7	14,8
доля во всем импорте, %	13,9	13,8	14,0	14,4
доля стран дальнего зарубежья, %	84,0	86,0	86,0	84,0
Покрытие импорта экспортом, %	31,3	47,6	43,4	54,7
Привлеченные ПИИ, в том числе в:				
сельское, лесное и рыбное хозяйство	0,7 (0,3)	0,6 (0,4)	0,09* (0,30)	0,14** (0,50)
пищевую отрасль	5,9 (2,5)	6,4 (4,4)	1,08* (3,40)	0,90** (3,10)

Примечания. В скобках указана доля во всех ПИИ, %; * I кв. 2014 г., ** I кв. 2015 г.
Источник: рассчитано по данным Росстата, ФТС и ЦБ РФ.

полевых работ и 40% общего кредитования агросектора) и «Сбербанка» (более 30% кредитования сезонно-полевых работ) — существенно ограничило возможности привлечения ими внешних финансовых ресурсов. Это привело к снижению доступности «внутренних» кредитов для аграриев прежде всего из-за фактического удвоения процентных ставок. В начале 2015 г. они повысились до 25—27% и лишь к III кварталу снизились до 18—19%. По оценке Минсельхоза РФ, в первом полугодии 2015 г. сельское хозяйство получило на 5% меньше краткосрочных и на 28% инвестиционных кредитов. Для предотвращения кредитного кризиса правительство вынуждено было повысить субсидию по кредитам для аграриев до 15% и оказать «Россельхозбанку» поддержку в размере 15 млрд руб. Все это сужает кредитно-инвестиционную базу реализации стратегии продовольственной безопасности России до 2020 г., инвестиционный потенциал которой, по некоторым оценкам, превышает 4 трлн руб.

Инициаторы антироссийских санкций не решились распространить их на поставки семенного и племенного материала, технологий, машин и оборудования для ключевых отраслей АПК. В 2014 г., по оценке Минсельхоза РФ, доля посевов импортными семенами составляла от 46% по овощам до 83% по сахарной свекле. Практически весь прирост посевных площадей под кукурузой и подсолнечником в последние пять лет покрывался импортными семенами. В 2014 г. импорт обеспечил треть российского рынка племенного молодняка молочного скота, тракторов, более 70% рынка оборудования для пищевых отраслей. Производство основных пищевых продуктов на 75% базировалось на импортном оборудовании. Причем основные поставки шли из стран — инициаторов антироссийских санкций. Они обеспечивали 32% поставок тракторов, 55% кормоуборочных комбайнов и оборудования для пищевых отраслей, более 90% пестицидов или компонентов для их производства. Запрет на данные поставки мог бы нанести существенный ущерб АПК России. Правда, в 2015 г. наметилось ослабление этой импортной зависимости, прежде всего, по тракторам и сельхозтехнике.

Наибольшее воздействие на текущее (и перспективное) развитие АПК оказали *российские «контрсанкции»* в виде агропродовольственного эмбарго. Напомним, что в 2014 г. в ответ на санкции в связи с событиями на Украине Россия ввела запрет на ввоз ряда основных видов сельскохозяйст-

венной и продовольственной продукции из ЕС, США, Канады, Австралии и Норвегии, в 2015 г. эмбарго было распространено на присоединившиеся к антироссийским санкциям Албанию, Черногорию, Исландию, Лихтенштейн. Причем «большое» российское эмбарго «наложилось» на ранее введенные в 2015 г. Россией ограничительные меры в отношении ряда видов агропродовольственной продукции (по ветеринарным и фитосанитарным причинам) из ЕС в целом (продукция свиноводства) и из отдельных стран (например, Польши по ряду поставщиков молочной и плодоовощной продукции).

Эффект этих мер можно рассматривать в трех основных измерениях — внешнеторговом, производственном и рыночно-потребительском — с учетом эффекта удешевления рубля к основным мировым валютам.

Внешнеторговое измерение. В 2014 г. эмбарго несильно повлияло на агропродовольственный импорт России в абсолютном выражении (см. табл. 1). По сравнению с 2011 г. он снизился лишь на 7%. В то же время агропродовольственный экспорт России вырос на 42% (на $\frac{1}{3}$ превысив по стоимости экспорт вооружений) и покрывал импорт почти на 48% против всего 31% в 2011 г. В относительном выражении импортная агропродовольственная зависимость России практически не изменилась. Доля агропродовольственного импорта составляла около 14% всего российского импорта (или почти 27% за вычетом самой дорогостоящей статьи импорта — машин и оборудования). Доля агропродовольственного экспорта возросла почти в 1,3 раза до 3,3% всего и до почти 13% «неминерального» российского экспорта. Страновое распределение внешней торговли также мало изменилось. В 2014 г., как и в 2011 г., основная часть импорта (86%) и экспорта (73%) приходилась на страны дальнего зарубежья.

Подобные тренды во многом сохранились и в 2015 г. Правда, в январе—июле 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. агропродовольственный импорт России сократился гораздо сильнее (на 38%). Однако его доля во всем импорте даже превысила прежние 14% (без учета машин и оборудования — около 26%), а удельный вес стран дальнего зарубежья в закупках Россией продовольствия снизился лишь на 2 п. п. до 84%. Агропродовольственный экспорт также заметно (на 21%) сократился, причем его доля во всем экспорте незначительно возросла до 3,9% (в «неминеральном» экспорте — более 11%). Доля стран дальнего зарубежья в агропродовольственном вывозе России повысилась до 72%.

На эту динамику, безусловно, наложились общие изменения экспортно-импортных связей России под влиянием удешевления нефтегазового экспорта и обесценения рубля. До введения эмбарго попавшие под него страны обеспечивали 47% российского импорта мяса, около 39% молокопродуктов (в том числе 60% сыра) и почти 30% овощей. После его введения ситуация изменилась. В январе—июле 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. в натуральном выражении российский импорт мяса сократился на 27% (в том числе из стран дальнего зарубежья на 42%), птицы соответственно на 50 и 70%, сливочного масла — на 47 и 85%, кукурузы — на 27 и 14%, цитрусовых — на 10 и 12%. Однако страны дальнего зарубежья по-прежнему доминировали, покрывая 69% российского импорта мяса, 46% — птицы, 97% — цитрусовых и 100% импорта кукурузы. Лишь по сливочному маслу их доля снизилась до 19%. Относительная устойчивость доли агропродовольственных товаров во всем импорте и доли дальнего зарубежья в агропродовольственном показывает, что по ряду важных видов продовольствия произошло не столько замещение импорта, сколько его перераспределение, причем преимущественно между странами дальнего зарубежья. Кроме того,

стоимостной объем агропродовольственного импорта из последних сократился заметно больше, чем физический объем (на 39,0 и 24,6% соответственно)¹, что, однако, не нашло адекватного отражения в динамике внутрироссийских цен.

Производственное измерение. Сравнение динамики валовой продукции сельского хозяйства за январь—август каждого года в 2011—2015 гг. подтверждает, что особенности этой отрасли обуславливают ее высокую инерционность и невозможность быстро наращивать производство (см. рис.). По динамике валовой сельскохозяйственной продукции январь—август 2015 г. занял лишь 4-е место среди аналогичных периодов в 2011—2015 гг. На графике видно, что тренд производства продукции сельского хозяйства отражает почти прямая горизонтальная линия. Подобный общий тренд наблюдается и по валовой продукции пищевой промышленности. Январь—август 2015 г. по ее динамике занял только 3-место в 2011—2015 гг.

Эти соображения подтверждает и динамика производства ряда основных сельскохозяйственных продуктов (табл. 2). Среднегодовые результаты за 2011—2014 гг. хуже, чем за «дореформенную пятилетку» 1986—1990 гг. по 5 из 8 базовых продуктов, причем по картофелю и мясу — на 14%, молоку — на 42%. Более того, по зерну, картофелю и молоку «дореформенные» результаты выше, а по мясу практически равны прогнозным показателям 2020 г., заложенным в Госпрограмме развития сельского хозяйства РФ на 2013—2020 гг. (Минсельхоз РФ, 2014. С. 62—63, 67). Оценочные результаты 2015 г. показывают, что эмбарго пока не дало заметного прироста производства, кроме сахарной свеклы и мяса (прежде всего за счет индустриализированного свино- и птицеводства). Такой «точечный» прирост наблюдался и в пищевых отраслях. В январе—сентябре 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. в натуральном выражении прирост производства мяса и мясопродуктов на 5,4% был обеспечен

Примечание. Оценка данных с исключением сезонного фактора осуществлена с использованием программы «DEMETRA 2.2». При поступлении новых данных статистических наблюдений динамика может быть уточнена.

Источник: Росстат.

Рис.

¹ Экспорт-импорт важнейших товаров за январь—июль 2015 г. / Федеральная таможенная служба. 2015. 4 сент. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=21621&Itemid=1981.

**Производство некоторых основных видов
сельскохозяйственной продукции в России (в среднем за год, млн т)**

Продукция	1986— 1990	2006— 2010	2011— 2014	2015 (оценка)	2020 (по Госпрограмме)
Зерно	104,3	85,2	90,7	более 100	115,0
Сахарная свекла	33,2	27,2	41,4	37,5	40,9
Семена подсолнечника	3,1	6,3	9,3	9,3	7,5
Картофель	35,9	27,3	31,0	31,2	31,0
Овощи	11,2	12,3	14,9	15,0	16,2
Скот и птица на убой (в убойном весе)	9,6	6,2	8,3	9,2	9,7
Молоко	54,2	32,1	31,2	30,6	38,2
Яйца, млрд шт.	47,9	38,9	41,6	41,3	—

Источники: рассчитано по: Сельское хозяйство в России: стат. сб. М.: Госкомстат РФ, 1998; Россия в цифрах: стат. сб. 2015. М.: Росстат, 2015; Минсельхоз РФ; Минэкономразвития РФ.

фактически опережающим приростом свинины (на 14,2%) и мяса птицы (на 10,2%), молокопродуктов на 2,6% — приростом производства сыров на 41,5% и сливочного масла на 5,2%. При практически неизменном производстве молока в сельском хозяйстве это означает замену его немолочными компонентами, то есть фальсификацию конечной продукции. По некоторым оценкам, в молочной промышленности немолочными жирами «замещено» 12 млн т молока, что эквивалентно 39% его производства в 2014 г. По оценке Росстандарта, в сентябре 2015 г. фальсификаты составляли более 20% всей пищевой продукции в России, свыше 20% — молочной (в том числе 38% сливочного масла) и 12% — мясной. По оценке Россельхознадзора, доля фальсификата на российском рынке сыра достигла 50—80%. «Точечный» прирост производства (при снижении качества ряда видов продукции) отмечали и другие эксперты, связывая его преимущественно с отдачей ранее произведенных инвестиций (Аналитический центр при Правительстве РФ, 2015. С. 21). Таким образом, эмбарго пока не стало действенным инструментом стимулирования перехода к устойчивому росту сельхозпроизводства до 2020 г. и особенно на более продолжительный период.

В то же время ослабление конкуренции импортной продукции способствовало росту доходов крупных российских агрохолдингов и пищевых компаний. По оценке агентства RAEX («Эксперт РА»), общая выручка входящих в число 600 крупнейших компаний России 13 агрохолдингов в 2014 г. возросла на рекордные 32,1%, 21 пищевой компании — на 13,8% против 12,7% по промышленности в целом. Подобные тренды наблюдаются и в 2015 г. Так, третья по объему продаж среди российских агрохолдингов группа «Русагро» за 9 месяцев 2015 г. увеличила выручку на 21% по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. Эти результаты связаны, в частности, с вхождением ряда ведущих российских компаний АПК в международные цепочки добавленной стоимости, прежде всего в системы крупнейших мировых ТНК. В 2014 г. объем реализации 7 «дочек» ТНК превысил 16 млрд долл., или 77% общего объема реализации 10 крупнейших пищевых компаний России. Российские «дочки» уже становятся заметными звеньями «головных» ТНК. В 2014 г., например, российское подразделение обеспечило 7% глобальной выручки Pepsi Co, 12% (в том числе 30% за пределами ЕС) Bonduelle².

² Рассчитано по: Коммерсантъ. ТОП 600: крупнейшие компании России: [тематическое приложение]. 2015. 30 сент. С. 13—15, 21.

В рыночно-потребительском измерении последствия эмбарго более противоречивы. С одной стороны, даже точечное наращивание отечественного производства способствовало повышению физической доступности продовольствия. В 2014 г. по уровню самообеспеченности зерном и картофелем (97–99%) Россия практически достигла целевых показателей Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2020 г., приблизилась к ним по сахару и растительному маслу (82–97%) (Минсельхоз РФ, 2015, С. 19).

Заметно хуже ситуация с экономической доступностью продовольствия, его качеством и ассортиментом. В 2013 г. доля расходов на продукты питания в бюджетах российских домохозяйств составляла, по данным Росстата, 27,7%. Причем у 20% самых бедных российских домохозяйств доля продовольствия в расходах достигла 43,1%, а у 20% самых богатых — 18,5%. Поэтому любое заметное повышение продовольственных цен выталкивает значительную часть россиян за черту бедности. Такое повышение стало совокупным эффектом эмбарго и девальвации рубля. По данным Росстата, в январе–сентябре 2015 г. по сравнению с январем–сентябрем 2014 г. потребительские цены на продовольствие возросли на 21,5%, в том числе на плодоовощную продукцию — на 31,6%, мясо и мясопродукты — на 17,7, молоко и молокопродукты — на 14,4%. В это тренд «встроились» даже с опережением и производители менее импортозависимых товаров (прирост цен на крупы и бобовые — на 46,1%, сахар-песок — на 44%). В результате доля продуктов питания в потребительских расходах населения повысилась до 29,8%.

Повысилась доля «продовольственных бедняков». По итогам II квартала 2015 г. доходы ниже прожиточного минимума (обеспечивающего покупку минимального набора продуктов питания) имели 20,1 млн человек (почти 14% населения). По опросам исследовательского холдинга РОМИР в сентябре 2015 г., 84% респондентов заявили, что экономят на продуктах питания. При этом 43% респондентов заметили сокращение ассортимента продовольствия в торговле, 39% — ухудшение качества продуктов. Кроме того, россияне активизировали «натурализацию» продовольственного обеспечения. По опросам РОМИР в сентябре 2015 г., 49% семей занимались домашними заготовками из урожая с собственных приусадебных и дачных участков, причем у 37% семей эти заготовки составят 33–50% их продуктовой корзины³.

Для повышения экономической доступности продуктов питания Минторг РФ уже разработал программу адресной продовольственной помощи 15–16 млн малоимущих, включая выдачу им карт на льготную покупку продовольствия и организацию социального питания. Бюджет программы оценивается в 240 млрд. руб., что почти эквивалентно расходам федерального бюджета на Госпрограмму развития сельского хозяйства в 2016 г. (237 млрд руб).

* * *

Имеющийся опыт продовольственного эмбарго показывает, что это важное, но недостаточное условие рационального импортозамещения в АПК, перевода его на траекторию устойчивого развития и превращения в один из драйверов общего экономического роста России. Для этого потребуются разработать на основе Доктрины продовольственной безопасности России долгосрочную комплексную агропродовольственную политику. Она должна

³ http://romir.ru/studies/712_1444078800; http://romir.ru/studies/711_1443646800; http://romir.ru/studies/710_1443474000.

объединять производственно-экономический и социально-пространственный компоненты, содержать более четкие стратегические и тактические (отраслевые, региональные и др.) ориентиры, конкретизированные и подкрепленные материальными ресурсами и институционально-правовым инструментарием, учитывать требования ВТО, принципы и механизмы выработки общей агропродовольственной политики в рамках ЕАЭС, возможного согласования действий в агропродовольственной сфере в рамках других региональных (ШОС) и мегарегиональных (БРИКС) интеграционных структур.

Список литературы / References

- Аналитический центр при Правительстве РФ (2015). Бюллетень о развитии конкуренции. № 11: Продовольственное эмбарго: импортозамещение и изменение структуры внешней торговли. [Analytical Centre under the Government of the Russian Federation (2015). *Bulletin of the development of competition, No. 11: Food imports embargo: Import substitution and changes in foreign trade structure.*]
- Минсельхоз РФ (2014). Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. (в редакции от 19.12.2014 г.). [Ministry of Agriculture of the Russian Federation (2014). *State program for agricultural development and agriculture, commodities and food market in 2013–2020.*]
- Минсельхоз РФ (2015). О ходе и результатах реализации в 2014 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. Национальный доклад. [Ministry of Agriculture of the Russian Federation (2015). *On the implementation of state program for agricultural development and agriculture, commodities and food market in 2013–2020 during 2014: National Report.*]

Russian Agricultural Sector in the “War of Sanctions”

Boris Frumkin

Author affiliation: Institute of Economics, RAS (Moscow, Russia).

Email: boris.frumkin@mail.ru.

The article analyzes the consequences of the sanctions introduced by the West as well as by Russia (counter-sanctions) for Russian agri-food complex. The aftereffects are analyzed in three dimensions — foreign trade, production and market-consuming. The author concludes that sanctions have a negative impact on the availability of food for low-income population groups and on the quality of some products and yet have not had explicitly positive effect on national producers. To achieve a positive effect for agri-food complex and well-being of the bulk of the population, additional political steps to improve the state supporting and functioning of the institutes of agri-food complex are needed.

Keywords: agri-food complex, sanctions, agriculture.

JEL: Q1, F5.

Содержание журнала «Вопросы экономики» за 2015 год*

№ стр.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

С. Авдашева, А. Шаститко — Нобелевская премия по экономике-2014: Жан Тироль.....	1	5
В. Автономов — На какие свойства человека может опереться экономический либерализм?.....	8	5
И. Гилбоа, Э. Постлуэйт, Л. Самуэльсон, Д. Шмайдлер — Экономические модели как аналогии	4	106
А. Заостровцев — Современная австрийская школа об институтах, проблемах развития и роли экономиста	7	73
Г. Клейнер — Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть I.....	12	107
О. Кошовец, Т. Вархотов — Эпистемологический статус моделей и мысленных экспериментов в экономической теории ...	2	123
А. Раквиашвили — Нейробиология и новые возможности экспериментальной экономики	12	124
Д. Родрик — Когда идеи важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике	1	22
В. Тамбовцев — Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях	12	85
М. Фуркад, Э. Ольтон, Я. Альган — Превосходство экономистов...	7	45

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

А. Абрамов, А. Радыгин, М. Чернова, К. Акшенцева — Эффективность управления пенсионными накоплениями: теоретические подходы и эмпирический анализ.....	7	26
А. Аганбегян — Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны.....	7	142
Н. Акиндинова, Е. Ясин — Новый этап развития экономики в постсоветской России.....	5	5
С. Андрюшин — Аргументы в пользу управления обменным курсом рубля.....	12	51
А. Апокин, Д. Галимов, И. Голощапова, В. Сальников, О. Солнцев — Денежно-кредитная политика: работа над ошибками.....	9	136
С. Афонцев — Выход из кризиса в условиях санкций: миссия невыполнима?.....	4	20

* Использованная здесь тематическая классификация носит достаточно условный характер и служит лишь для некоторого облегчения предварительного поиска необходимых статей в годовом содержании журнала. В большинстве статей затрагиваются разные темы, поэтому при более углубленном поиске рекомендуем пользоваться аннотациями и JEL классификаторами, которыми снабжены все статьи (см. наш сайт www.vopreco.ru).

П. Бадасен, А. Исаков, А. Хазанов — Современная денежно-кредитная политика: обоснованная критика или типичные заблуждения экспертного сообщества?	6	128
О. Березинская, А. Ведев — Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения	1	103
С. Бобылев, Н. Зубаревич, С. Соловьева — Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития?	1	147
Е. Вакуленко, Е. Гурвич — Взаимосвязь ВВП, безработицы и занятости: углубленный анализ закона Оукена для России	3	5
С. Глазьев — О таргетировании инфляции	9	124
Е. Горюнов, Л. Котликофф, С. Синельников-Мурылев — Бюджетный разрыв: оценка для России	7	5
Е. Горюнов, С. Дробышевский, П. Трунин — Денежно-кредитная политика Банка России: стратегия и тактика	4	53
Е. Гурвич, И. Беляков, И. Прилепский — Нефтяной суперцикл и бюджетная политика	9	5
М. Ершов — Возможности роста в условиях валютных провалов в России и финансовых пузырей в мире	12	32
Б. Замараев, А. Киюцевская — Российская экономика в контексте мировых трендов	2	32
В. Мау — Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи?	2	5
Д. Медведев — Новая реальность: Россия и глобальные вызовы ...	10	5
В. Миронов — Российская девальвация 2014–2015 гг.: падение в пропасть или окно возможностей?	12	5
Н. Орлова, С. Егиев — Структурные факторы замедления роста российской экономики	12	69
В. Симонов — Антироссийские санкции и системный кризис мировой экономики	2	49
А. Улюкаев, В. Мау — От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию	4	5
В. Фальцман — Диверсификация российской экономики	5	48

ИНСТИТУТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Е. Балацкий, Н. Екимова — Опыт составления рейтинга российских экономических журналов	8	99
А. Баранов, Е. Малков, Л. Полищук, М. Рохлиц, Г. Сюняев — Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ	2	69
Б. Замараев, Т. Маршова — Производственные мощности российской промышленности: потенциал импортозамещения и экономического роста	6	5
А. Казун — Факторы укрепления независимости адвокатского сообщества в России: спрос населения и бизнеса, человеческий капитал и профессиональные ассоциации	9	89
А. Кузнецов — Традиции изучения зарубежных стран в современной российской экономической экспертизе	8	116

Т. Радченко — Перераспределительные эффекты антимонопольной политики	9	65
А. Радыгин, Ю. Симачев, Р. Энтов — Государственная компания: сфера проявления «провалов государства» или «провалов рынка»?	1	45
Б. Чокаев — Исламские финансы: возможности для российской экономики	6	106
А. Шаститко — Разрешить картели?	6	143
А. Шаститко, А. Шаститко — Рынки связанных по производству товаров: теоретическая модель и уроки для правоприменения	2	104
Г. Юдин — Моральная природа долга и формирование ответственного заемщика	3	28
А. Яковлев, Л. Фрейнкман, А. Золотов — Сектор экономической аналитики в России: эволюция и перспективы развития.....	8	73

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

А. Абрамов, А. Радыгин, М. Чернова — Долгосрочные портфельные инвестиции: новый взгляд на доходность и риски ...	10	54
В. Бувальцева, В. Чечин — Развитие института инвестора в России как основного участника рынка ценных бумаг.....	3	61
В. Зубов, В. Иноземцев — Суррогатная инвестиционная система	3	76
А. Могилат — Прямые иностранные инвестиции в реальный сектор российской экономики: взгляд с микроуровня и прогноз до 2017 года.....	6	25
Е. Федорова, Ю. Барихина — Оценка горизонтальных и вертикальных спилловер-эффектов от прямых иностранных инвестиций в России	3	46

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

А. Балашов, Я. Мартыанова — Реиндустриализация российской экономики и развитие оборонно-промышленного комплекса	9	31
Ю. Бобылев — Развитие нефтяного сектора в России	6	45
Д. Гордеев, Г. Идрисов, Е. Карпель — Теоретические и практические аспекты ценообразования на природный газ на внутреннем и внешнем рынках.....	1	80
И. Зайцева — Спорт глазами экономиста: обзор современного состояния предмета	11	100
И. Котляров — Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения....	9	45
В. Фальцман — Импортозамещение в ТЭК и ОПК	1	116

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

А. Гусев, М. Юревич — Региональный протекционизм в государственных закупках	10	109
--	----	-----

Н. Зубаревич — Региональная проекция нового российского кризиса	4	37
С. Кадочников, А. Федюнина — Несырьевой экспорт российских регионов: в поисках наиболее динамичных отраслей и рынков	10	132
К. Криничанский — Финансовые системы и экономическое развитие в российских регионах: сравнительный анализ	10	94
А. Табах, Д. Андреева — Долговые стратегии российских регионов	10	78

ЭКОНОМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Е. Авраимова, Т. Малева — Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности.....	11	86
Е. Вакуленко, Е. Гурвич — Моделирование механизмов российского рынка труда	11	5
И. Воскобойников, В. Гимпельсон — Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике	11	30
В. Гимпельсон, Р. Капелюшников — Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы	7	87
Т. Журавлева — Платит ли российское государство «справедливую» зарплату: обзор исследований	11	62
М. Иванова — Взаимосвязь заработной платы в частном и государственном секторах	7	120
Т. Карабчук, А. Миронова, В. Ремезкова — Работа или второй ребенок: о чем говорят данные РМЭЗ-ВШЭ?	6	81
О. Кузина — Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России.....	8	129
М. Шабанова — Этичное потребление в России: профили, факторы, потенциал развития	5	79
Н. Шагайда, В. Узун — Продовольственная безопасность: проблемы оценки	5	63
Ю. Шарыгина, С. Сиваев — Сравнительный анализ доступности жилищно-коммунальных услуг для населения Российской Федерации и зарубежных стран	6	63

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

С. Бешенов, И. Розмаинский — Гипотеза финансовой нестабильности Хаймана Мински и долговой кризис в Греции... ..	11	120
О. Буторина — Как США обеспечили победу доллара в Бреттон-Вудсе	8	58
Р. Капелюшников — Идея «вековой стагнации»: три версии	5	104
А. Кнобель — Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия	3	87

П. Мозиас — Экономика Китая: погружение в «новую нормальность»	5	134
С. Наркевич — Золотовалютные резервы: история, определение, состав и современные функции	4	86
В. Попов — В поисках новых источников роста. Догоняют ли развивающиеся страны развитые?	10	30
Б. Хейфец — Перспективы институционализации БРИКС	8	25
Н. Хмелевская — Метаморфозы дополняемости взаимной торговли стран БРИКС и их экспортные позиции	8	43

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В. Бессонов — Что сохранит для истории современная российская статистика?	1	125
А. Дубянский — Государственная теория денег Г. Кнаппа: история и современные перспективы	3	109
Б. Корнейчук — Роль иностранного участия в советской индустриализации: институциональный аспект	9	109
А. Мальцев — История экономических учений, Quo vadis?	3	126
С. Смирнов — Экономический рост и экономические кризисы в России: конец 1920-х годов — 2014 год	5	28

ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

А. Ахмедуев — Теневая экономика: системный ресурс и фактор торможения социально-экономического развития	9	152
О. Волкова — Прозрачность, подотчетность и доверие в обществе	2	141
А. Коваль — Руководство по инвестиционной политике ОЭСР — ключ к увеличению инвестиций	10	151
Н. Розинская, И. Розинский — Национальный проект «Доверие»	12	138
Ю. Соловьева — Формирование и развитие системы трансфера технологий в России и за рубежом	4	131
Б. Фрумкин — Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций»	12	147

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

О. Бессонова — Жилищный вопрос в России: какая модель выведет из кризиса? (О книгах: Harris S. E. «Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life after Stalin» и Zavisca J. R. «Housing the New Russia»)	8	149
А. Булатов — Офшорная деятельность российских резидентов (О книгах «Офшорный бизнес во внешнеэкономической деятельности», «Отток капитала из России: проблемы и решения» и «Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы»)	2	149

А. Заостровцев — Понять неформальное (О книге В. Л. Тамбовцева «Экономическая теория неформальных институтов»)	6	151
В. Клинов — Великая перестройка мировой экономики (О книге А. А. Акаева «От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции»)	11	144
Т. Леонова — Долги наши тяжкие (О монографии «Долговая проблема как феномен XXI века»)	4	152
Н. Макашева — Макроэкономическое примирение? (О книге Ю. Ананиашвили и В. Папавы «Лафферо-кейнсианский синтез и макроэкономическое равновесие»)	3	151
Д. Расков — Пересекая границы: Макклоски и гуманистический взгляд на экономическую науку (О книге Д. Макклоски «Риторика экономической науки»)	4	142

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бондаренко В. М. Бескризисное развитие: Миф или реальность? ...	6	158
Основы государственно-частного партнерства (теория, методология, практика) / Под ред. В. Г. Варнавского, А. Г. Зельднера, В. Н. Мочальникова, С. Н. Сильвестрова	7	152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Экономическая история и междисциплинарность (о научном семинаре в НИУ ВШЭ)	11	156
--	----	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Памяти Евгения Максимовича Примакова	7	155
Памяти Людмилы Петровны Евстигнеевой	7	156

Об условиях приобретения печатной или электронной версии указанных статей см. в разделах «Подписчикам» и «Доступ к статьям» на нашем сайте www.vopreco.ru

Льготная подписка для физических лиц

Извещение	НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в Московском ф-ле ПАО «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810000000000272, БИК 044583272 Ф.И.О.: _____ Адрес доставки (с индексом): _____ _____					
Кассир	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <th style="width: 70%;">Назначение платежа</th> <th style="width: 30%;">Сумма</th> </tr> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2016 г. (для подписчиков из РФ)</td> <td style="text-align: center;">3540—00</td> </tr> </table>	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2016 г. (для подписчиков из РФ)	3540—00	С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ «_____» _____ 2015 г. (подпись плательщика) (дата платежа)
Назначение платежа	Сумма					
Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2016 г. (для подписчиков из РФ)	3540—00					
Квитанция	НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в Московском ф-ле ПАО «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810000000000272, БИК 044583272 Ф.И.О.: _____ Адрес доставки (с индексом): _____ _____					
Кассир	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <th style="width: 70%;">Назначение платежа</th> <th style="width: 30%;">Сумма</th> </tr> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2016 г. (для подписчиков из РФ)</td> <td style="text-align: center;">3540—00</td> </tr> </table>	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2016 г. (для подписчиков из РФ)	3540—00	С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ «_____» _____ 2015 г. (подпись плательщика) (дата платежа)
Назначение платежа	Сумма					
Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2016 г. (для подписчиков из РФ)	3540—00					

Для оформления подписки через Редакцию: 1) вырежьте бланк квитанции (или распечатайте его с нашего сайта: www.vopresco.ru, где выложена также **квитанция для подписчиков из стран СНГ**); 2) **разборчиво** заполните графы «Ф.И.О.» и «Адрес доставки (с индексом)»; 3) оплатите квитанцию в Сбербанке (или другом банке). Оплаченная квитанция является документом, подтверждающим заключение Вами договора подписки. Журналы будут доставляться Вам заказной бандеролью по указанному в квитанции адресу. Доставка включена в стоимость подписки. **Телефон для справок: (499) 956-01-43**

Технический редактор, компьютерная верстка — **Т. Скрыпник**
 Корректор — **Л. Пущаева**

Учредители: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“»; Институт экономики РАН.
Издатель: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“». Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати, рег. № 018423 от 15.01.1999. **Адрес издателя и редакции:** 119606, Москва, просп. Вернадского, д. 84. **Тел./факс:** (499) 956-01-43. **E-mail:** mail@vopresco.ru

Индекс журнала: в каталоге агентства «Роспечать» — 70157; в каталоге «Почта России» — 10788; в Объединенном каталоге — 40747. Цена свободная.

Подписано в печать 30.11.2015. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 1800 экз.

Отпечатано в АО «Красная Звезда». Адрес: 123007, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38. Тел.: (495) 941-34-72, (495) 941-28-62. www.redstarph.ru. Заказ № 2916-2015.

Перепечатка материалов из журнала «Вопросы экономики» только по согласованию с редакцией. Редакция не имеет возможности вступать с читателями в переписку, рецензировать и возвращать не заказанные ею материалы. © **НП «Вопросы экономики», 2015.**